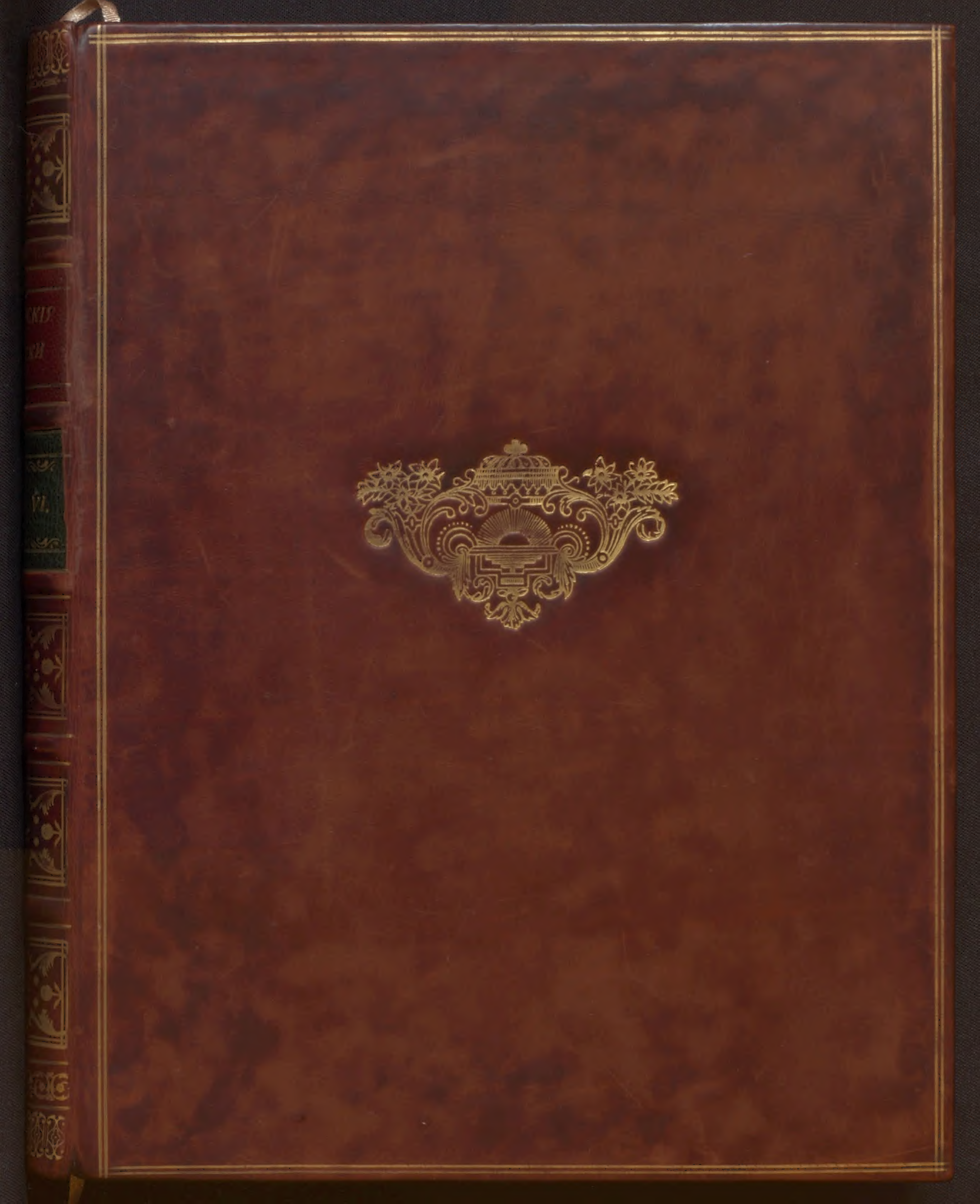
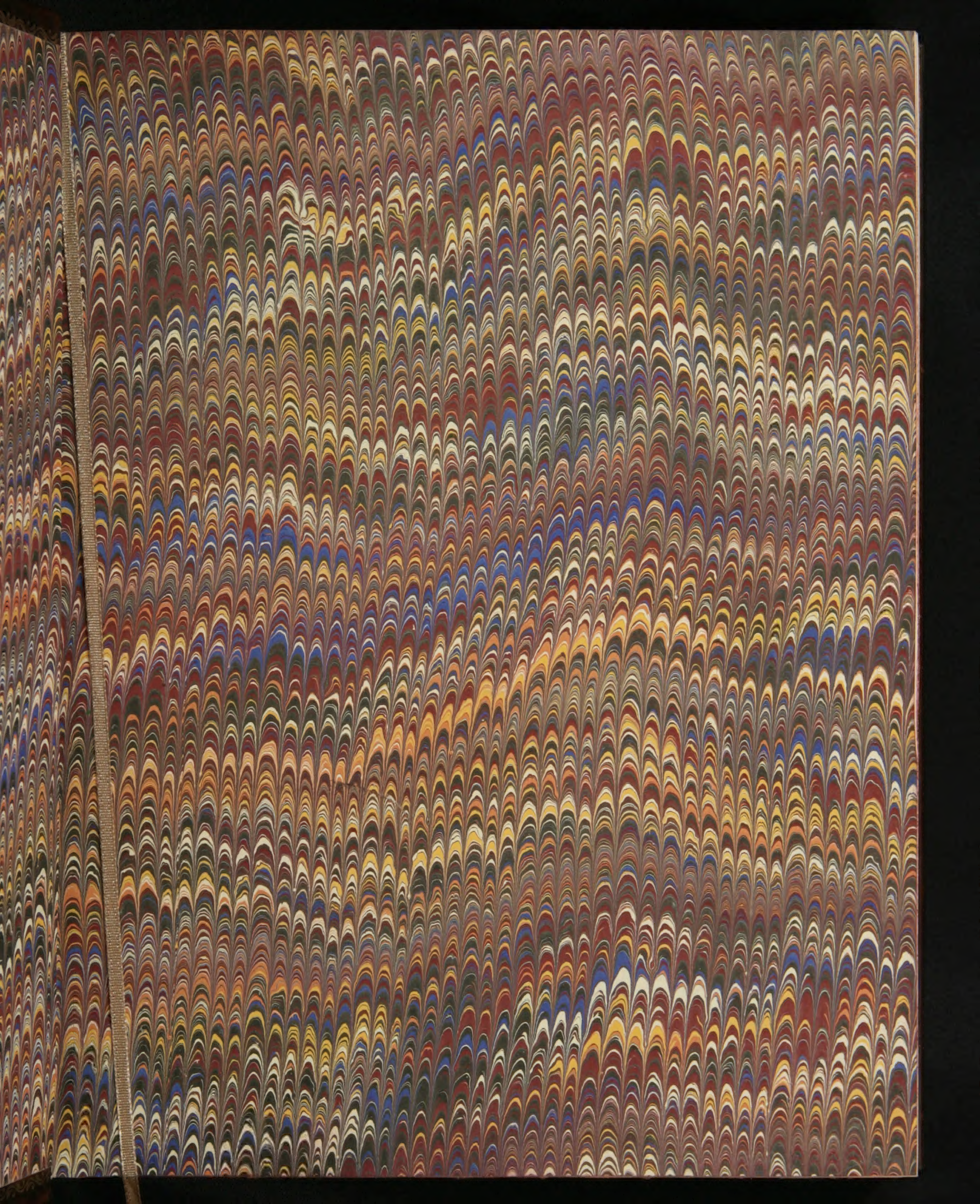
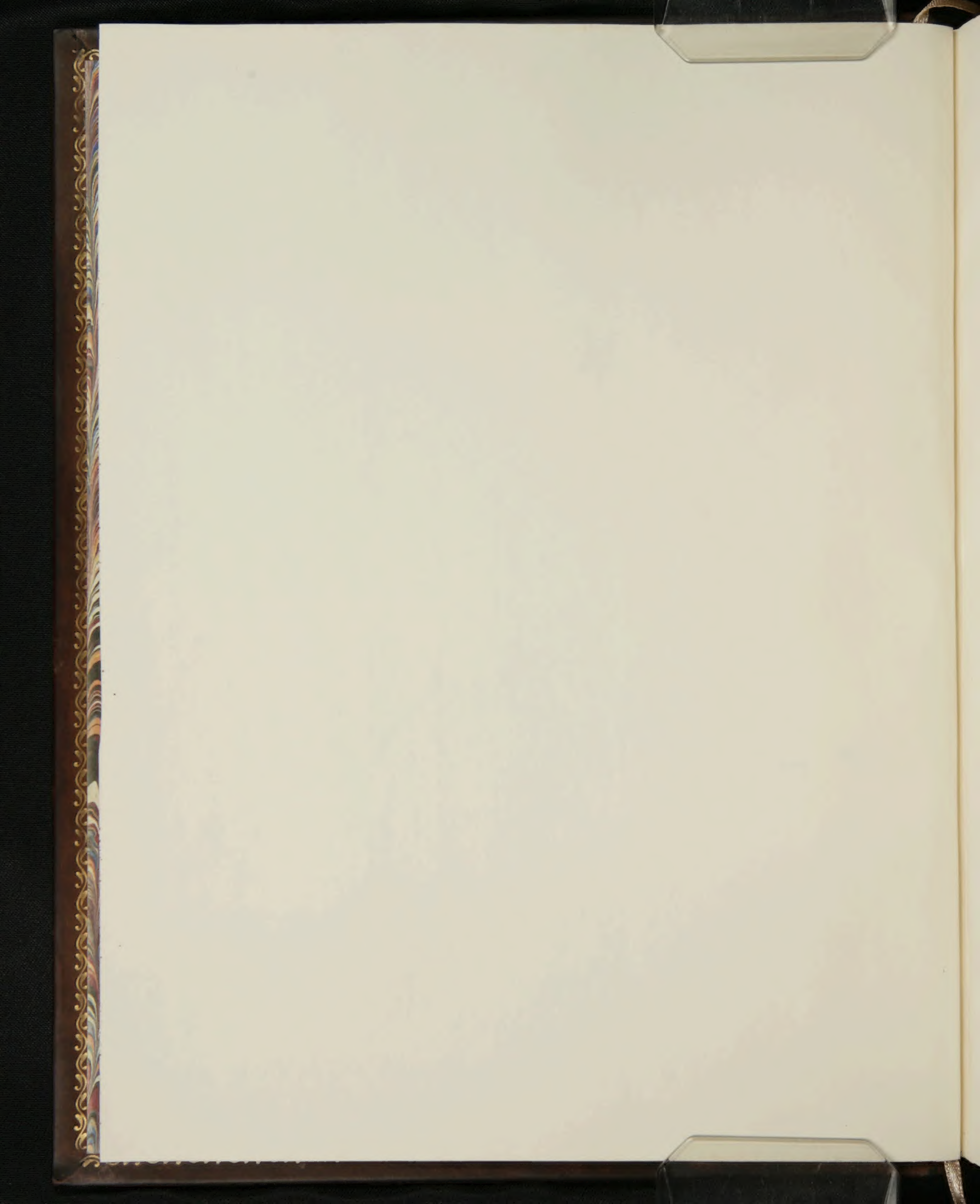
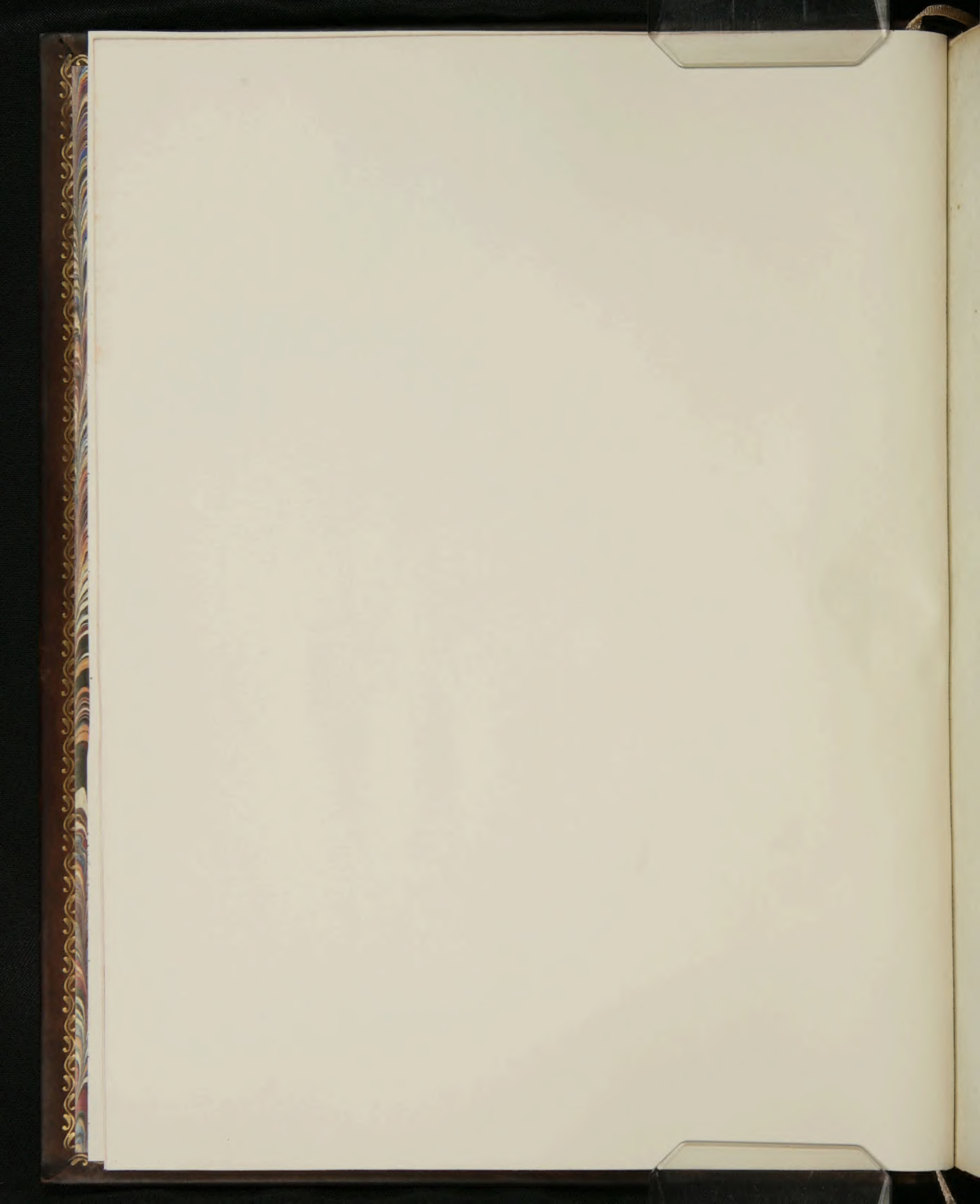

1

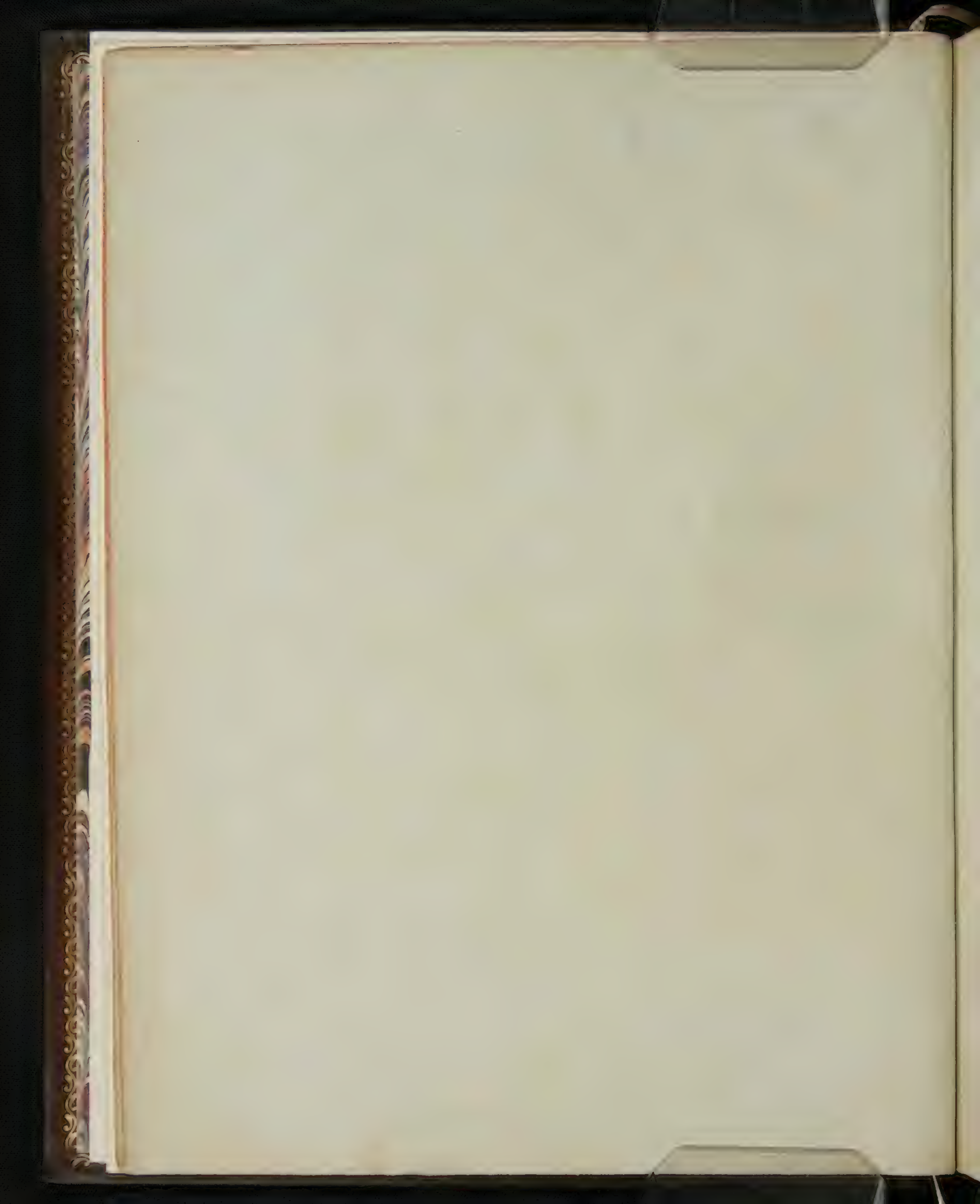
КІЕНЪ-ЛОНГЪ,

Нынѣ владѣющій Китайскій Императоръ

ЗАПИСКИ

КИТАЙСКІЯ.

ТОМЪ VI.

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

ИСТОРІИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, НРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ

И ПРОЧ.

КИТАЙЦЕВЪ,

СОЧИНЕННЫЯ

ПРОПОВѢДНИКАМИ ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ

ВЪ ПЕКИНѢ.

ТОМЪ VI.

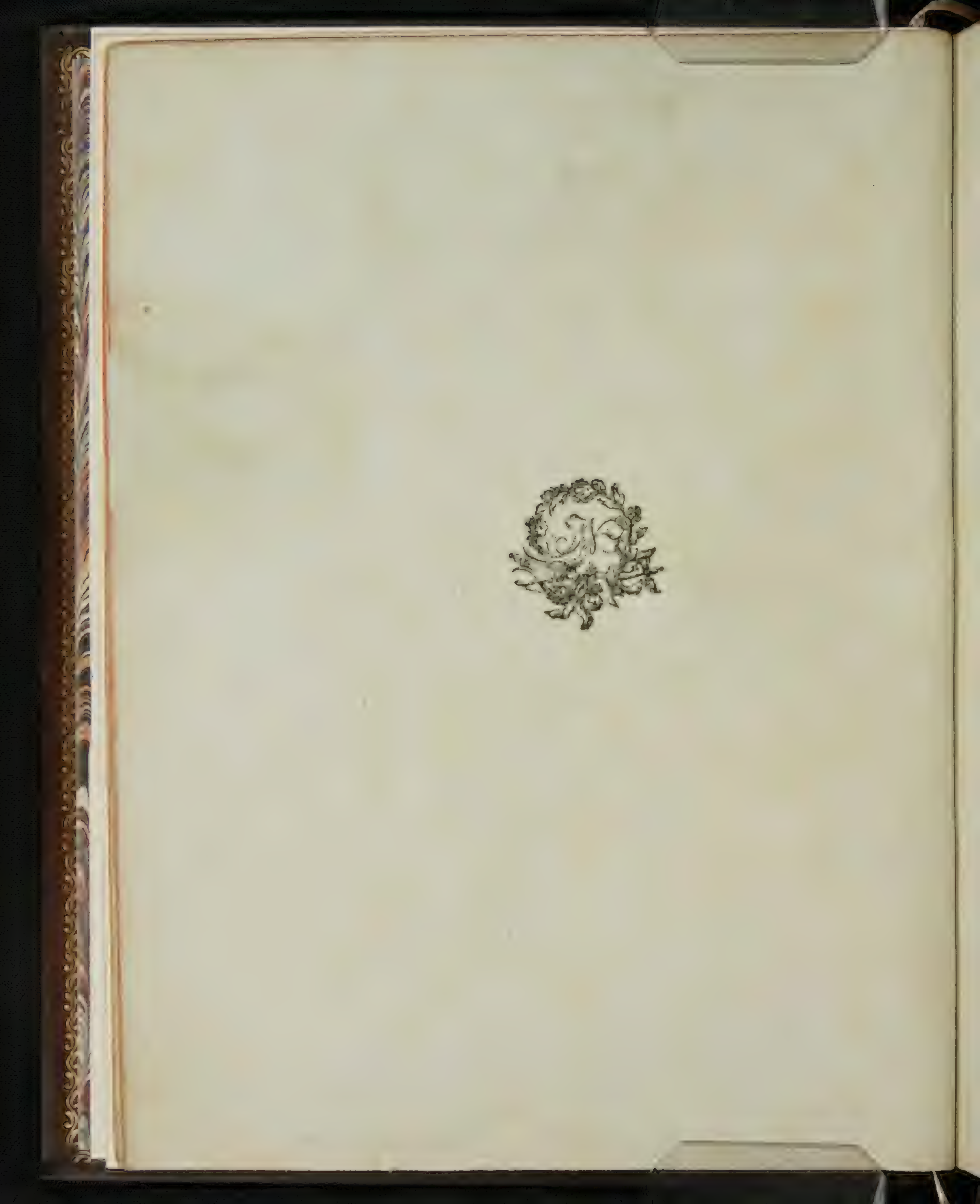
Изданы въ Парижѣ съ воли и одобренія Короля въ 1778, на Россійской же языкъ переложены въ 1787 году, Губерніи Московской, Клинской округи, въ сельцѣ Михалевѣ.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова,

1788.

ЗАПИСКИ,

НАДЛЕЖАЩІЯ

ДО

КИТАЙЦЕВЪ.

Продолженіе житія

Тсин - Ше - Гоанг - Тія, Императора, истребителя книгЪ.

Между многими особливостьми, одинЪ изЪ таковыхЪ знакомцевЪ сЪ безплотными, имянемЪ Син-Ше, сказалЪ ему, что вЪ царствѢ ІэнскамЪ [нынѢ область Пе - Тше - Ли] живали нѢкогда Сунг - У - Ти, Сіен - Мен - Тсеэ - Кио, и еще нѢкоторые, имѢвшіе силу повелѢвать духами, по благоизобрѢтенію своему, учинять ихЪ видимыми и получать отЪ нихЪ совѢ-

ты на всякіе вопросы свои: . . . „ Не далеко отъ
„ мѣста сего, гдѣ имѣю теперь щастіе бесѣдовать
„ съ Твоимъ Величествомъ, на срединѣ моря По-Гаи,
„ находятся три славныя острова: Пенг-Лаи, Фанг-
„ Тшангъ, Инг-Тшеу, прозываемые вообще горами
„ Трехъ Духовъ, Сан-Ше-Шанъ; на сихъ трехъ
„ островахъ, или горахъ посреди моря, растетъ быліе,
„ коего сокъ есть лѣкарство отъ смерти, то есть
„ могущее учинить человѣка безсмертнымъ. . . Духи
„ островов наименованныхъ суть хранители и раз-
„ даятели онаго. Тшао-Уангъ, Царь Іэчскій, Уэнъ-
„ Уангъ и Сіуэн-Уангъ, Тсискіе Цари, посылали за
„ сею неоцѣненностію нарочныхъ; но корабли, дости-
„ гавшіе уже къ одному изъ острововъ, отнесены вне-
„ запно разразившеюся бурею далеко на открытое
„ море; бурею, которую наслали хранители сокрови-
„ ща, и не допустили исполниться желанію Царей. Я
„ имѣю качества угодныя духамъ; знаю, какъ умило-
„ стивлять ихъ; могу безбѣдно коснуться островамъ:
„ отпусти со мною, Государь! извѣстное мнѣ число
„ младыхъ отроковъ и дѣвъ, которыя бы послѣ по-
„ требныхъ очищеній тѣлесъ и душъ своихъ возхо-
„ тѣли самопроизвольно сопутствовать мнѣ и согла-
„ силися остаться на мѣстахъ сихъ необитаемыхъ,
„ для размноженія особаго исчадія, для посвященія
„ себя и онаго тамошнимъ владыкамъ, существамъ
„ невидимымъ, вѣчно, забывъ объ отчизнѣ. . . Ост-
„ рова сіи не далеко; не замедлюсь возвратиться къ
„ тебѣ.„ Ше-Гоанг-Тію нравилось все чрезвычайное.
Соглашается: повелѣваетъ набирать многія тысячи
отроковъ и дѣвъ, даетъ ихъ Син-Шеею. Суда осна-
щены и снабдѣны потребностьми; касаются пути,
Син-Ше располагаетъ черту плаванія полосами моря,
по которымъ обычайно не странствуютъ. Но воз-
ста-

стала ужасная буря; суда его принесены обратно къ берегамъ, откуда начато было плаваніе. Тсин-Шэ-Гоанг Ти слышитъ изъ собственныхъ устъ Син-Шея о неудачѣ покушенія его.

Другое, не меньше же безразсудное, и столь же худо успѣвшее, занимаетъ мысли чрезъ нѣсколько дней сего мучителя, когда продолжалъ онъ осмотры свои Восточныхъ областей Китая.

Со времянъ великаго Юа существовалъ обычай вырѣзывать на великомъ мѣдномъ сосудѣ, называемомъ Тингѣ, города, большія селенія, рѣки и рубежи всѣхъ областей Китая, съ показаніями о произращеніяхъ и доходахъ ихъ Государю. Къ таковому Тингу припрягали щастіе владѣющей династіи; каждой Императоръ не могъ спокоенъ быть на престолѣ, естьли сокровище сіе не у него въ рукахъ. Ше-Гоанг-Ти со всевозможными стараніями не могъ еще доставиться Тингомъ Тшеуевъ. Когда прибылъ онъ къ берегу рѣки Сеэ-Шуіи, сказано ему, что Тинга уже нѣтъ ни у кого на свѣтѣ; ибо послѣдній владѣлецъ Тшускія династіи бросилъ его въ рѣку сію на такомъ-то точно мѣстѣ.

Мучитель не сомнѣваяся уже получить желаемое. Искусныя люди нырять въ воду собраны отвсюда; приступили къ дѣлу. Двѣ недѣли продолжали оное безпрерывно, но тщетно. Представлено было ему, что необходимо теченіемъ рѣки надлежало Тингу быть отнесену далеко, и наконецъ упасть въ какую либо неизвѣстную ямину на днѣ. Подобная догадка принята основательною, и ныряльщики распущены по домамъ.

Ше-

Ше-Гоанг-Ти, не находя къ тому, для чего бы ему задерживаться при рѣкѣ Сэ Шуіи, шествуетъ къ другой, имянуемой Гоаи; далѣе же достигнувъ третьей, Кіанга, возходитъ на суда и продолжаетъ ею путь къ горѣ Сіанг-Шану, дабы тамо то же самое произвести, что производилъ на прочихъ мѣстахъ.

Былъ уже близко, но силою вѣтра остановленъ, едва не претерпѣлъ кораблекрушенія, и не безъ крайняго усилія могъ добраться береговъ, противулежащихъ тѣмъ, къ которымъ пристать хотѣлъ.

Избавяся смертныя опасности и отъ устрашенія успокоясь, вопрошаетъ: . . . „Скажите мнѣ; какой это духъ Сіанг-Кіунъ, обитатель Сіанг-Шана?„ Нѣкто изъ его чиновниковъ, свѣдущій Исторію и древности, отвѣчаетъ: . . . „Все, что знаемъ мы, „состоитъ въ томъ только: . . . одна изъ дочерей „великаго Яоа, данная въ супружество Шуну, чтобъ „стать ей первенствующею его женою, была живая „положена подъ его гробомъ на горѣ Сіанг-Шанѣ.„

Слова сіи прогнѣвали мучителя; гору Сіанг Шанъ лишилъ всѣхъ почестей, которыя до того ей были воздаваемы; все находившееся на ней, удобосгараемое, сожжено.

Не могъ я найти слѣдовъ въ Исторіи причины гнѣва таковаго. Можетъ быть единыя имяна Яоа и Шуна слышать было ему досадно. Станется, что мстилъ онъ тѣмъ духу, хотѣвшему его погубить на рѣкѣ Кіангѣ. Какъ бы то ни было, опасность, претерпѣнная имъ здѣсь, была слабымъ начаткомъ той,

той, которая ожидала его въ области По-Ланг-Шаской.

Въ двадесять девятое лѣто царствованія его, говоритъ Лѣтописецъ, въ четвертое его Императорства, находяся онъ въ Янг-Уэ, въ области По-Ланг-Шаской, едва не умерщвленъ былъ нѣкіимъ частнымъ человѣкомъ, по имяни Тшанг-Леангомъ, тѣмъ самимъ, который въ свое время прославился, сорадѣйствуя Ліеу-Пангу, основателю великія и знаменитыя династіи Гановъ.

Предки Тшанг-Леанга были Государственными Дѣловцами при Дворѣ Царей Ганскихъ, имѣя усердіе къ нимъ, готовое на всякіе опыты. Тсины, сыпля тогда деньгами, подкупая Дѣловцевъ и знатнѣйшихъ Чиновниковъ прочихъ Государей, коихъ намѣревалися покорить себѣ, никогда не входили въ сундуки предковъ Тшанг Леанга. Убѣжденія наиуловительнѣйшія, обѣщанія самыя лестныя, предложенія самыя приманчивыя, никогда поколебать ихъ не могли: оставалися завсегда вѣрны Самодержцамъ своимъ, служили имъ до конца дней своихъ; не щадили послѣдней капли крови, предотвращая паденіе ихъ, коимъ угрожались.

Тшангъ-Леангъ, наслѣдникъ доблестей таковыхъ, наслѣдовалъ же и ревность къ пользамъ Царя и подданныхъ Ганскія страны; дожилъ до нещастія, чтобъ увидѣть гибель Государя своего, увидѣть разореніе отечества. Младость лѣтъ лишила его способовъ защитить того и тѣхъ. Но удобенъ былъ питать въ сердцѣ ненависть наидѣятельнѣйшую, замышлять мщеніе, соразмѣрное нанесенному злу. Тсины особенно же Ше-Гоанг-Ти, становятся предме-

тами омерзенія его. Ненависть и мщеніе престали быть ему позволены, когда Ше-Гоанг-Ти учинился спокойный обладатель Имперіи и всеобще признанъ сталъ законнымъ Самодержцемъ. Тшанг-Леангъ еще въ юности: но бѣшенство, паче нежели мщеніе, руководствуетъ ему въ предпріятіи, помрачившемъ толикое число преславныхъ его дѣлъ. „Не произходилъ отъ „Царскія крови, пріобщаетъ Историкъ; не имѣлъ никакого права царствовать по Ганахъ, почему же возмечталъ проявиться мстителемъ всенародно?„

Естьли мщеніе было злодѣйство Тшанг-Леанга, то еще болѣе учиняетъ оное гнуснымъ образъ произведенія того. Всякаго рода имущество свое превращаетъ въ деньги, и чрезъ нихъ множитъ число согласниковъ. Развиваетъ пламя мятежа вездѣ, елико можетъ болѣе. Рано, или поздно, но долженствовалъ погибнуть. Проразумѣваетъ самъ опасности, въ которыя вдавался; избираетъ средство кратчайшее и надежнѣйшее, какъ упомянуто выше.

Описаніе произшествія сего вырѣзано на камнѣ. „Ше-Гоанг-Ти повелѣлъ положить оный на горѣ „Тше-Фу-Шанѣ„ куда заѣжжалъ предъ возвращеніемъ въ столицу.

Говорилъ уже я, что путешествуя онъ отъ Запада къ Востоку по Сѣвернымъ областямъ Государства, замѣчалъ качества кряжей, какія на нихъ изницаютъ произращенія, какія положенія мѣстъ, и чемъ одно отъ другаго примѣтно отличается. Замѣчанія таковыя подали ему мысль составить книгу обо всѣхъ своихъ предѣлахъ вообще.

При-

Прибывъ онъ въ Гіен-Янгъ, заставляетъ, какъ наискорѣе, означить на письмѣ со всею возможною точностію, что и гдѣ подвластныя ему земли производятъ сами собою, что и гдѣ достаютъ жители чрезъ труды. Трудъ, хотя оставшійся безполезный для него собственно, однако же много послужилъ ко благу его подданныхъ. Установилися качества и количества поборовъ, времяна и образы взиманія оныхъ, и все надлежащее до различныхъ способовъ обработывать земное нѣдро. Сокровищницы и кладовыя Государей порядочнѣе, благонадежнѣе и изобильнѣе наполняться стали. Народъ меньше сталъ вредимъ; точнѣйшее разпоряженіе земными произращеніями, прочными учинило доходы оныхъ и почти одну на нихъ цѣну по всѣмъ мѣстамъ.

Таковыя упражненія, достойныя великаго Государя, ежедневно занимали его съ Дѣловцами своими: не уступалъ онъ имъ въ трудолюбіи. Наскучивъ же, или уставъ, покидалъ дѣла, забавлялся прогулками по мѣстамъ уединеннымъ, а иногда и далѣе, нежели позволялъ санъ его, ходилъ пѣшъ, бралъ съ собою не болѣе четырехъ придворныхъ, коихъ вѣрность извѣстна ему была.

Такъ бывая препровождаемъ, не страшился обтекать, скрывая имя свое, деревни и поля, весьма уже поздно ночью возвращаясь во Дворецъ. Единожды напали на него разбойники: принужденъ былъ защищать жизнь; что и удалось съ помощію четырехъ храбрыхъ его спутниковъ. Получилъ однако же легкую рану. Здоровье его не потерпѣло отъ того; но рѣшился не подвергать себя болѣе подобнымъ опасностямъ.

А какъ зданія общенародныя, ко украшенію столицы и собственно для него строимыя, не такъ скоро довершалися, какъ бы хотѣлъ: то предпринималъ путешествія по Государству, дабы, говорилъ онъ, „не самовидствовать медленности и лѣни работниковъ и назирателей надъ ними; направляетъ путь, какъ и прежде, къ восточнымъ своимъ областямъ, въ намѣреніи разсмотрѣть прилѣжнѣе, что разсматривалъ до того мимоходомъ токмо, освѣдомляться, исполняютъ ли вездѣ велѣнія его. Отъ Востока простираетъ осмотры свои даже до Сѣвера. Прибылъ къ подошвѣ горы Кіе-Ше-Шанъ, возхотѣлъ видѣть всѣ ея ущельи, входы и выходы, чрезъ то узнавая источники опустошеній, причиняемыхъ внезапными разліяніями водъ. Ставъ доволенъ розысками своими, посѣщаетъ городъ Кіе-Ше-Менъ, такъ названный по тому, что есть какъ бы врата на гору Кіе-Ше; ибо не далѣе отстоитъ отъ нее десяти, или пятнатцати Ліевъ. Находится оный почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ же Тшанг Ли-Гіенъ, въ округѣ Іонг-Пинг-Фу, области Пе-Тше-Ли. Не задолго предъ тѣмъ, окрестности сего города потопы были водою, и почти все на нихъ разорено. Ше-Гоанг-Ти возстановилъ мѣста сіи. А дабы подобнаго же злоключенія не могло быть впредь, повелѣлъ прорыть водоводы, коими бы стекать могла чрезмѣрно разливающаяся главная рѣка отъ скатовъ водъ съ горы. Повелѣлъ устроить превысокую и прекрутую плотину; не забылъ ничего впрочемъ, могущаго предохранить тамошнихъ жителей отъ вредовъ, наносимыхъ горами и наводненіями рѣки. Содѣланное имъ такимъ образомъ, вырѣзано на камнѣ и воздвигнутъ памятникъ для потомства.

Изъ

Изъ Царства Iэнскаго, или области Пе-Тше-Лиской, прибылъ къ рубежамъ Го-Нанскимъ, гдѣ уже начиналися тогда нѣкоторыя возмущенія въ жителяхъ, дабы укротить ему оныя присутствіемъ; но премѣнилъ мысль. Нѣкій бродяга, именемъ Лу-Шенгъ, изъ спутниковъ Син-Шеея, когда отыскивалъ сей безсмертныхъ островов, былъ отъ него отряженъ на поискъ таковый отдѣленно отъ него, подаетъ ему случай принять осторожности отъ страны, обитаемой Татарами. Лу-Шенгъ, представъ къ нему, говоритъ:

„Прошелъ я море, ища въ сходственность веленія твоего, Государь! неоцѣненнаго способа къ „безсмертію твоему. Обрѣлъ островъ, полагая, что „былъ то желаемый нами. Многаго труда стоило „мнѣ привалить къ оному! Вышелъ; не оставилъ угла, „который бы не видѣли глаза мои, однако же состава безсмертія нигдѣ не попадалось мнѣ. Но труды „мои не совсѣмъ осталися тщетны. Внезапу усматриваю рѣдкую рукопись, полную содержаній чрезвычайныхъ, сочиненія, какъ надобно дознаваться, „самихъ духовъ. Овладѣлъ я имъ, и подношу тебѣ. „Самъ ты, Государь! суди, прочтя только первыя „строки, достоинъ ли тебѣ таковый даръ мой. Между множества вещей представилося мнѣ нѣсколько „словъ, непосредственно до тебя надлежащихъ. Тако „гласили: . . . . Обладаніе Тсиновъ долженствуетъ „окончаться однимъ изъ Гуевъ. . . Паче меня ты можеши, Государь, проникнуть въ истинный смыслъ „таинственныхъ словесъ сихъ.„

Ше-Гоанг-Ти пріемлетъ книгу, читаетъ, становится задумчивъ, и вмѣсто продолженія пути

въ Го-Нану, какъ прежде былъ намѣренъ, возвращается въ столицу, дабы безъ наималѣйшаго замедленія приступить къ производству на самомъ дѣлѣ великаго замысла, составившагося вдругъ въ головѣ его тогда.

Къ уразумѣнію смысла словесъ: . . . „обладаніе „Тсиновъ долженствуетъ окончать одинъ изъ Гуевъ, надлежитъ вѣдать, что вторый сынъ Тсин-Ше-Гоанг-Тія между собственныхъ своихъ имянъ нарицался и Гу; самый тотъ Гу-Ге, который наслѣдовалъ по немъ, который слыветъ въ Исторіи Эульг-Ше-Гоанг-Ти: и самою вещію окончалася имъ династія Тсинская. Но какъ не могъ подозрѣвать сына въ измѣнѣ, а притомъ и былъ увѣренъ, что династія, начатая имъ, будетъ вѣчная; отнюдь не относилъ смысла помянутыхъ таинственныхъ словесъ ко Гу Гею.

Гіунг-Нускіе Татара, между назвищами своими, прозывалися также Гуями. Къ нимъ-то обращаетъ Ше-Гоанг-Ти знаменованіе оныхъ. Правдѣподобно, что и рукопись, и мнимое провѣщаніе, была хитрость Лу-Шэнга, дабы доставиться ему велѣніемъ отъ Императора собирать войски, уже распущенныя отъ него. Обѣщалъ уже онъ подданнымъ, что будутъ наслаждаться долговремянною тишиною; нуженъ сталъ по крайней мѣрѣ поводъ къ войнѣ.

Давно Гіунг-Нускіе Татара наводили ему безпокойство. Вѣдалъ, что волнующійся народъ сей не ожидаемо можетъ дѣлать набѣги внутрь Китая, разорять и грабить подданныхъ его; возхотѣлъ упредить ихъ и поразить, не давая времяни пріуготовиться къ отпору

И

И тако собрано съ крайнею поспѣшностію три ста тысячь ратниковъ; поручены начальству Монг-Тіена и двигнулися разными путями къ странѣ Гіунг-Нуской. Нещастная сія Орда, занимавшаяся по обычаю скотоводствомъ своимъ, легко частію истребляется, другою же бѣгствуетъ предъ войсками Китайцевъ. Монг-Тіену было предписано не оставлять въ живыхъ ниже одного человѣка; что и исполняетъ въ самой точности. Тѣ, коимъ удалось скрыться, прешли горы наиотдаленнѣйшія, и тамъ поселились. Монг-Тіенъ возвращается торжественно, и тогда же отряженъ противу жителей Го-Нанскихъ, взбунтовавшихся скоро по начатіи похода его къ Татарамъ. Монг-Тіенъ, коему не уставало щастіе благодѣтельствовать, укротилъ мятежниковъ съ меньшими еще затрудненіями, нежели истребилъ Гіунг-Гуевъ. Все подклоняется ему, все здается. Овладѣвъ областію, умножаетъ число мѣстъ укрѣпленныхъ. Въ каждомъ оставляетъ особаго правителя съ потребнымъ количествомъ ратныхъ людей.

Миръ и спокойствіе возстановлены внутри Государства. Татара прогнаны далеко за рубежи ихъ, приведены внѣ состоянія на долгое время наносить вреды. Ше-Гоангъ, не имѣя уже непріятелей, съ коими бы ему сражаться, мятежниковъ къ обузданію, замышляетъ подвергнуть власти своей еще новые народы. Страны Нан-Юэ, Сіанг-Кіу, Нан-Гай, обитаемы были жителями своевольными и почти дикими, которые никогда и никому подвергнуться не хотѣли. Защищаяся извнѣ великими рѣками, безчисленнымъ множествомъ горъ неприступныхъ; не легко было превозмощи надъ таковыми оплота-

тами Естества. Императоры Китая свойственно доселѣ не отваживалися на оное; но Ше-Гоанг-Ти, дерзновеннѣйшій предъ всѣми предшественниками своими, покушается, и не имѣетъ сомнѣнія объ успѣхѣ.

Надобны ему для сего были тьмочисленныя ополченія. Каждый подданный безъ ремесла, прочнаго для пропитанія его; каждый человѣкъ торговый, продавецъ вещей надлежащихъ къ роскоши; словомъ, каждый изъ чернаго народа, здоровый и сильный, бываетъ ратникъ. Составилися многіе участки войскъ; научаются всякому роду воинскаго благоустройства и поднятія трудовъ. Увидѣвъ напослѣдокъ всѣхъ оныхъ, каковыми желалъ, посылаетъ разными путями побѣждать предѣлы, зовомыя нынѣ Коанг-Си, съ окрестностьми, область Кантонскую съ принадлежностьми къ ней.

Люди ненавычныя къ ратному дѣлу, однако же проявляютъ вездѣ чудеса. Поступаютъ, какъ самые старые и испытанные воины. Въ десять, или двѣнатцать мѣсяцевъ, разпространяютъ владѣніе Государя своего отъ полуденной страны даже до великаго моря, сирѣчь елико человѣчески было возможно. Имперія Тсинская, по поврежденному со времянемъ произношенію, нареченная Китайскою, тогда уже протягалась отъ Юга къ Сѣверу, между острова Гаи-Нана, и дикихъ пустынь великія Татаріи; отъ Востока же къ Западу, начиная полуостровомъ Корейскимъ даже до Аваскаго Царства. Толикую обширность не легко было удерживать одному Государю; не легко было на долгое же время удерживать народы въ должной зависимости: народы, различныхъ свойствъ, нравовъ и склонностей. Ше-Гоанг-Ти позналъ сіе; пріемлетъ наи-

наидѣятельнѣйшія мѣры стать увѣрену въ вѣрности ихъ къ нему и предотвратить, дабы Татара не возобновили прежнихъ своихъ набѣговъ внутрь Китая. Потребны къ тому были новыя войски, не сражаться, но не допускать до того. Избраны не изъ граждань, не изъ черни, не изъ ремесленниковъ, не изъ земледѣльцевъ: составилися войски сіи бродягами, возникнувшими отъ своевольствъ минувшія войны; изъ посреди несмѣтнаго множества преступниковъ, которые разумѣются уже мертвыми по состоянію общежительному, которые за злодѣйства свои изчезали по тюрмамъ и ссылкамъ. Имянный списокъ всѣхъ таковыхъ доказуетъ, что нашлось ихъ въ Государствѣ до пяти сотъ тысячь человѣкъ. Подчинены пяти правителямъ крѣпостей: Та-Ю, Ше-Нганъ, Лин-Ю, Куи-Янгъ, Кіэ-Янгъ. Симъ образомъ совокупилъ онъ во единъ составъ всѣхъ таковыхъ, коихъ вертопрашество, нищета, неудовольствіе Правительствомъ, духъ мщенія, могли бы подвигнуть на самыя отчаянныя предпріятія. Имѣлъ ихъ подъ своими велѣніями, подъ своими глазами. . . . Чегожъ могъ послѣ того опасаться отъ прочаго остатка подданныхъ? нужно только стало оградить себя отъ набѣговъ Татаръ закрытіемъ для нихъ проходовъ во внутренность Государства.

За многія уже столѣтія предъ тѣмъ, было помышляемо подобное же. Разные Государи Китайскіе, отнявшіе у Тшеуевъ достояніе ихъ отъ Запада къ Востоку, сирѣчь Сѣверную часть Имперіи, приступали было къ тому самымъ дѣломъ. Тшао-Уангъ, Царь Тсинскій, уже приводилъ земли свои въ безопасное состояніе отъ нечаянныхъ таковыхъ набѣговъ, устроивъ высокую и широкую стѣну, которая начинается при

Лунг-Си, тянется вдоль области, нынѣ называемой Шен-Си; конецъ же ея близь Шанг-Кіуна. Цари Тшаоскій и Іэнскій, подобно же обезпечили рубежи свои каменными стѣнами: первые отъ Таія до Ин-Шэн-Као-Кіуэ; вторые отъ Гіэн-Янгъ, до Сіанг-Тсунга, все же то тянется чрезъ большую часть нынѣшнихъ областей, Пе Тше Ли и Шан-Си. Отъ долготы времянъ и плохихъ присмотровъ стѣны сіи на многихъ мѣстахъ разрушились; на многихъ мѣстахъ стали проломы, дающіе свободный входъ во Имперію.

Ше-Гоанг Ти рѣшился привести въ прежнее ихъ состояніе, или точнѣе сказать, воздвигнуть вновь одну стѣну, начиная *Лин Таомъ*, что на Западномъ краю области Шен-Сиской, даже до горъ *Леао-Тунгъ*, то есть болѣе нежели на десяти тысячахъ *Ліяхъ* разстоянія.

Работы сіи поручены вѣдомству Полководца Монг-Тіэна. Онъ же долженствовалъ расположить войски къ назиранію упражненныхъ оными и удерживать въ порядкѣ толикіе милліоны человѣковъ, согнанныхъ безъ разбора отъ всѣхъ концевъ Китая. Предначинаніе многотрудное, слѣдовательно и не могло окончаться прежде прошествія десяти лѣтъ: . . . . Вѣчный памятникъ могущества Китайскихъ Государей! памятникъ, который по заслугахъ отечеству великаго Юа достоинъ бы былъ наивеличайшихъ похвалъ, естьли бы пользы таковыя стѣны соразмѣрялись со удрученіемъ рода человѣческаго и несмѣтнымъ издержкамъ, употребленнымъ на оное.

Ше-

Ше-Гоанг-Ти былъ на тритцать третьемъ году царствованія своего, когда приступилъ къ великому сему дѣлу, въ лѣто двѣсти четвертоенадесять до рождества Христова. Работы не прерывались прежде прошествія десяти лѣтъ, сирѣчь до втораго лѣта по похищеніи Китайскаго престола Тшу-Па-Уангомъ [въ двѣсти пятомъ по Воплощеніи]. Ни Ше-Гоанг-Ти, ниже кто либо изъ его потомства, не дожилъ до довершенія стѣны. Однако же слава сія, естьли можно именовать славою, предпріятіе безполезно изнурившее Китай, покрываетъ память Тсиновъ, яко первыхъ того начинателей.

Тсин-Ше-Гоанг-Ти превозносяся могуществомъ, коего предѣлы разпростеръ онъ, елико можно, человѣчески разсуждая, спокойно обладая областьми своими, оградяся отъ всякихъ подъисковъ народа неспокойнаго, военоносснаго, единаго токмо изъ всѣхъ прочихъ облежащихъ Китай, который завсегда былъ ему страшенъ, пресыщенный тщеславіемъ, упоенный лестію; Тсин-Ше-Гоанг-Ти, повторяю, не имѣлъ уже, чего бы пожелать: гордыня же его требовала новыя пищи. Возмечталъ, что еще недостаетъ ему нѣчто; сирѣчь торжественнаго обнаруживанія величія своего особо и нарочно установленнымъ обрядомъ.

Подражая знаменитымъ основателямъ первыхъ династій, созываетъ на великое пиршество всѣхъ Князей, всѣхъ Вельможей, Страноначальниковъ, всѣхъ Мандариновъ Имперіи. Настаетъ день. Ничего не было забыто, дабы явиться ему съ великолѣпіемъ, накову никогда не бывало примѣровъ. Поля покрылися шатрами, столами со снѣдьми и напитками, какъ нѣкогда бывало при великомъ Юѣ, премудромъ Тшенг-

 Тангѣ,

Тангѣ, добродѣтельномъ У-Уангѣ, въ первые годы законодательства ихъ. Самъ Тсин-Ше-Гоанг-Ти начертаетъ чинъ подчиненія, кому и како касатися пищи и принимать сосуды съ питіемъ. Музыку раздѣлилъ на девять частей; снѣди премѣнялися до осьми кратъ: кроткое и благопристойное удовольствіе являли его взоры; наистепеннѣйшимъ образомъ даваны были знаки начинать и окончевать каждое изъ чиноположеній таковыхъ.

Казалось, что благословенные дни наилучшихъ Государей древности возстановлялися; что Китай наслаждаться начинаетъ самымъ наичистѣйшимъ благоденствіемъ.

Угощеніе окончалось. Ше-Гоанг-Ти возходитъ на престолъ, проситъ всѣхъ и каждаго открывать мысли свои съ совершенною свободою объ образѣ его царствованія, о изданныхъ имъ законахъ, увѣряя, что пріиметъ совѣты и воспользуется ими. Не то ли же самое было сіе, что и заставлять всѣхъ и каждаго же хвалить себя? Нѣкто имянемъ Тшеу-Тсинг-Тшенъ, Мандаринъ Пу-Іаскій, прежде всѣхъ разверзаетъ уста, и говоритъ:

„Естьли Имперія наслаждается нынѣ глубочайшимъ миромъ, бывъ толикое число лѣтъ подвержена всѣмъ лютостямъ войны; естьли извнѣ рубежи ея обезпечены противу набѣговъ Татаръ, загнанныхъ такъ уже далеко отъ оныхъ: сіе есть, Государь! плоды храбрости твоея, прозорливости, премудрости спасительнаго твоего Царствованія. Что же предостается еще къ пріобщенію? Повѣствованія о наизнаменитѣйшихъ Владыкахъ трехъ династій,

„пред-

„предшественникахъ твоихъ, суть слабыя токмо „изображенія того, что видимъ днесь. Превозходишь „ты безъ всякаго прекословія всѣхъ тѣхъ, которые „когда либо, начиная отдаленнѣйшею древностію „по дни наши, удивляли вселенную величіемъ „своимъ.„

Послѣдовало всеобщее рукоплесканіе въ знакъ единогласнаго одобренія рѣчи сей. Ше-Гсанг-Ти почувствовалъ удовольствіе, не имѣвшее примѣра въ его жизни. Но радость умѣрилась второю рѣчью нѣкоего ученаго Мандарина, степени По-Хе. Нарицался онъ Шун-Ю-Юэ; тако онъ вѣщаетъ: . . . „Человѣкъ сей, который столь безстыдно тебя хвалилъ „теперь, не достоинъ быть Вельможею Имперіи. „Онъ подлый токмо льстецъ, по низкодушію своему „старающійся объ единомъ удержаніи щастливаго своего положенія, коимъ пользоваться отнюдь не заслуживаетъ, одно токмо имѣя цѣлью: нравиться „тебѣ ко вреду общаго блага и собственной славы „твоей. Не узриши меня подражателемъ ему; созвалъ „ты насъ предъ себя милостиво, дабы обнажили „предъ тобою сердца наши, дали тебѣ прочести, „такъ сказать, въ оныхъ, какъ мыслимъ о царствованіи твоемъ. Слушай же, Государь! наичистѣйшая „истинна изразится словами моими:

„Династіи, Инова и Тшеуева, давали законы „болѣе, нежели чрезъ тысячу четыреста лѣтъ. Про„явили Государей, коихъ память имянъ не умретъ „никогда; премудрость ихъ, добродѣтели, преизящ„ныя дѣянія, промчатся отъ рода въ родъ, изъ „устенъ во уста, даже до наипозднѣйшаго „потомства.

„Лучше для тебя въ жизни твоей будетъ „имѣть ихъ образцами поведенія твоего. Ступай „токмо по слѣдамъ ихъ, доставишь имя твое мѣс„томъ въ Исторіи; имя твое облечется безсмертіемъ, „ставъ сопричислено къ имянамъ ихъ.

„Тшенг - Тангъ и У - Уангъ, основавъ династіи, „отнюдь не мечтали себѣ, что существовать оныя „будутъ во вѣки. Старалися не вѣчными ихъ содѣ„лать, ибо былъ бы то единый суетный призракъ, „но продолжить токмо число лѣтъ поколѣній своихъ „на престолѣ Китая, елико скоропротечность вещей „міра сего человѣчески попустить можетъ. Изъ „первыхъ попеченій имѣли снабдиться опорами пре„стола, разумѣя безъ того оный завсегда колеблющимся; „опоры таковыя обрѣтены были ими посреди срод„никовъ ихъ, отъ единыя съ ними крови произшед„шихъ. Дали имъ удѣлы во владѣніе; составили въ „пользу ихъ Княжества и Царства; возвели ихъ на „степень Государей самодержавныхъ, предоставляя „однако же себѣ верьховное владычество надъ ними. „Созывали ихъ въ нуждахъ Имперіи; отъ каждаго „взыскивали особаго рода помощей; возлагали дани „на нихъ; предписывали имъ законы; долженствовали „повиноваться велѣніямъ ихъ, яко зависимцы. Импе„раторы единою токмо своею полною довѣренно„стію къ нимъ и оказаніями имъ почестей при Дворѣ „своемъ, отличали ихъ отъ прочихъ подданныхъ. „Вотъ, Государь! думаю я, кому ты подражать дол„женъ во упроченіе престола твоему потомству. А „дабы. . . .

Ше - Гоанг - Ти, не допуская ученаго мужа далѣе простиратьса, прерываетъ его слова, и превозмогши надъ

надъ гнѣвомъ, коимъ наполненъ былъ, говоритъ ему гласомъ кроткимъ: . . . О надлежащемъ до сказуемаго тобою было уже разсматриваемо довольно; то „и не долженъ бы ты былъ вновь упоминать о томъ. „Но какъ замыкается въ ономъ великая важность, „хощу еще разъ разсуждать. Да представятъ мнѣ „доказательства какъ въ подкрѣпленіе словъ твоихъ, „такъ и въ опроверженіе, дабы могъ установить мысли мои по благоразсмотрѣнію моему. . . . Вѣщай „ты, *Ли-Сеэ!*„

Ли-Сеэ, какъ уже выше упомянуто, сильными доводами отмѣнилъ снабдѣніе удѣлами Князей крови, подъ имянами Царствъ и Княжествъ. *Ли-Сеэ* и Тшеу-Тсинг-Тшенъ совокупно возстаютъ не только на одного говорившаго Императору ученаго Мандарина, но и на всѣхъ ученыхъ вообще. Ше-Гоанг-Ти, ненавидя ихъ, нажидалъ только удобности случая къ пораженію и Наукъ, и ученыхъ вообще.

Ли-Сеэ произноситъ: . . . . „Надобно признаться, что люди ученые вообще малое имѣютъ познаніе о всемъ надлежащемъ до Государственнаго „правительства: не того умозрительнаго токмо, „которое есть сущая мечта, изчезающая, какъ скоро „устремится на нее прозорливое око; но правительства человѣчески возможнаго, удерживающаго подданныхъ въ предѣлахъ взаимственныхъ должностей „ихъ. Ученыя люди, повторяю, суть въ разсужденіи „сего невѣжды. Знаютъ наизусть, что происходило во времяна отдаленныя отъ насъ, но не знаютъ, „или притворяются незнающими, что и какъ происходитъ во дни наши предъ ихъ глазами.

„При

„Пристрастіе къ древности, коея удивляю-
„ются глупостямъ, наполнено презрѣнія ко всему,
„что не есть сообразно примѣрамъ, заглаженнымъ
„уже всесовершенно въ памяти человѣковъ долготою
„временъ. Изо устъ ихъ, изъ подъ ихъ кистей вы-
„ходятъ безпрестанно три Гоанга, Пять Тіевъ. Не
„въ силахъ они различить, что было возможно нѣ-
„когда, съ тѣмъ, что совсѣмъ не возможно нынѣ;
„что было нѣкогда можно, съ тѣмъ, что вредно
„нынѣ. Хотятъ, дабы безъ изключенія сообразовалось
„читаемому ими въ книгахъ ихъ. Но въ самыхъ сихъ
„книгахъ, на которыя толико ссылаются кстати
„и не кстати, находятъ ли они, чтобъ три Го-
„анга одинъ другому въ самой точности подражали,
„ни чего не отмѣняя, ничего не прибавляя? Читывали
„ли они, что пять Тіевъ были только едиными во
„всемъ подражателями трехъ Гоанговъ?

„Буде то такъ, какія же похвалы заслуживаютъ
„Государи, пріемлемые основателями Монархіи, вы-
„мыслителями и усовершенствователями законовъ?
„Въ чемъ же состоитъ толико преславное законода-
„тельство, превозносимое учеными, хотя и дѣйстви-
„тельно въ нѣкоторомъ смыслѣ заслуживающее отъ
„насъ хвалы? Не то ли, что Фу-Ги укротилъ чело-
„вѣковъ, полудикихъ? Ученые заблуждаютъ, такъ
„мысля; ищутъ обмануть насъ, обманувъ прежде са-
„михъ себя, когда утверждаютъ, что три Гоанг-Тія
„имѣли одинакій образъ правительства, держалися
„однихъ и тѣхъ же самыхъ обычаевъ.

„Вотъ; что однако же истинно и непричастно
„сомнѣнія: каждый изъ трехъ Гоанг-Тіевъ, на-
„блюдая древніе законы, кои разумѣли благими и по-
„лез-

„лезными для своего вѣка; отмѣняли тѣ, кои находили противными тому; издавали новые, поступали не яко рабольствующіе подражатели предшественниковъ своихъ, но яко законодавцы просвѣщенные, соображающіеся съ обстоятельствами времянъ.

„Съ сей стороны великіе мужи сіи достойны подражанія; да и подражаешь ты имъ, Государь! ты, подобно Гоанг-Тіямъ, почти новую основалъ Имперію. Такъ всеконечно, да и несравненно преславнѣе предъ ними можеши нарицатися основателемъ Китая. Ты завоевалъ обширныя страны, которыми разпространилъ предѣлы онаго далеко, и которыя никогда не бывали подвластны Гоанг-Тіямъ. Подобно имъ, установилъ ты законы и обычаи, сообразные правамъ подданныхъ твоихъ; отмѣнилъ тщетные для нихъ; учредилъ все нужное для великаго твоего замысла, извѣстнаго всѣмъ, сирѣчь окорененія твоего потомства навѣки, къ вѣчному же благоденствію твоихъ народовъ. Чего же требуютъ наглецы сіи, ученые, пороча царствованіе, которое обожать должно? да и стали бы обожать, бывъ основательнѣе свѣдущи на все. Чего ради толико силятся превозносить древнихъ, злословить же все содѣянное тобою? Не для раздраженія ли умовъ, не для преклоненія ли со временемъ подданныхъ твоихъ къ явному мятежу? Брегися, Государь! исчадіе таковое паче опасно, нежели думаешь. Я собственно, давно уже назирая на поведеніе ихъ, давно уже проникаю ихъ происки; внутренность ихъ предо мною нага. Скажу не обинуяся: разумѣю ихъ наилютѣйшими тебѣ врагами. Ежедневно, ежечасно почти влачатъ они тунеядство свое изъ дома въ домъ, съ площади на площадь, разсѣвая слухи язвительнѣйшіе о тебѣ.

„По словамъ ихъ, ты надмѣнъ гордынею, пред-
„почитаешь ты себя безстыдно наидостопочтеннѣй-
„шимъ Обладателямъ древности; великъ въ малыхъ
„дѣлахъ, неспокойнаго и волнующагося завсегда нрава,
„все опровергаешь, все разстроиваешь въ Имперіи. Издано
„ли какое либо велѣніе твое, толкуютъ неправеднымъ,
„или по крайней мѣрѣ безполезнымъ; выдетъ ли нѣкое
„предписаніе отъ тебя, всячески избѣгаютъ повино-
„ваться, толкуютъ худо даже и самыя слова положен-
„ныя въ немъ. Ничего не забываютъ учинить оное пре-
„зрѣннымъ. Прикажеши ли трудиться кому въ дѣлѣ
„общественномъ, говорятъ: . . . Утѣсняетъ народъ,
„разоряетъ подданныхъ, злощастныхъ ищетъ жертвъ
„прихотямъ своимъ. . . . Скромность, или паче должное
„къ тебѣ раболѣпство, возбраняетъ мнѣ вникать далѣе
„въ подробности. Изъ немногихъ выговоренныхъ мною
„словесъ можеши ты, Государь, заключить и о всемъ
„прочемъ. Ничто изъ дѣяній твоихъ, ничто, исхо-
„дящее изъ твоихъ устъ, не по ихъ вкусу. Всякій
„разъ злорѣча тебя, оканчеваютъ симъ безпрестан-
„нымъ повтореніемъ: . . . „Не тако поступали пре-
„мудрые Императоры прежнихъ династій!„

„Подобныя рѣчи, никогда неумолкающія, гасятъ
„въ сердцахъ подданныхъ любовь къ тебѣ, влагаютъ
„сѣмяна мятежничества, которыя хотя непримѣтно,
„но уже изницаютъ, пускаютъ корни глубуко, и
„не замедлятъ, естьли не предотвратиши того,
„произрасти. Ученые составляютъ въ Имперіи особую
„степень подданныхъ. Наполнены они сами собою,
„увѣрены во мнимомъ достоинствѣ своемъ; то только
„находятъ добрымъ и полезнымъ, что соотвѣтствуетъ
„ихъ умоначертаніямъ; находятъ доброе только въ
„обычаяхъ обветшалыхъ, только во обрядахъ древ-
„нихъ,

„нихъ, не годящихся во дни наши; единое суему-
„дріе свое токмо почитаютъ полезнымъ, толико пре-
„возносящее ихъ предъ собственными ихъ глазами;
„въ самой же вещи, дѣлающее ихъ ни на что ненуж-
„ными для всего прочаго остатка рода человѣче-
„скаго. Посмѣть ли мнѣ, Государь, представить откро-
„венно, что я нахожу за должное для тебя? Средства
„крошости и снизхожденія твоего остаются досел
„тщетны надъ духами людей таковыхъ, нетерпѣ-
„ливо сносящихъ владычество твое надъ ними. По
„твоимъ уваженіямъ къ нимъ, судятъ страшными
„себя даже и твоему величеству; а отъ того день
„отъ дня становятся наглѣе. Испытаемъ другія сред-
„ства, или, сказать яснѣе, изберемъ единое дѣя-
„тельное къ исторженію зла съ корнемъ его, зла не-
„изцѣльнаго, ежели не поспѣшимъ со врачевствомъ.
„Книги вперяютъ горделивцамъ симъ киченіе таковое;
„отъимемъ оныя у нихъ. Лишится всегдашнія пищи
„ихъ высокомѣріе, изсякнетъ наисчерпаемый донынѣ
„источникъ необузданности ихъ, окромѣ книгъ вра-
„чебныхъ и преподающихъ правила земледѣлія; окро-
„мѣ гаданій по Каоямъ, или чертамъ Фу-Гіевымъ, и
„лѣтописей преславныя твоея династіи, да преда-
„дутся всѣ другія огню: толикія тьмы, коими за-
„валена Имперія твоя, особенно же вмѣщающія въ
„себѣ нравы, дѣянія, обычаи древнихъ въ подробно-
„стяхъ; да не увидятъ очи наши тѣхъ сочиненій нра-
„воучительныхъ и историческихъ, гдѣ люди минув-
„шихъ столѣтій описаны съ восторгами. Не кому под-
„ражать имъ будетъ рабольпственно; научатся
„со временемъ вмѣнять намъ въ преступленіе, что
„не сообразаемся мы съ оными во всемъ; не услышимъ
„сличеній толико ненавистныхъ правительства и всего,

„Государь! съ правительствами первобытныхъ Императоровъ Китая.

„Время, Государь! или уже никогда не настанетъ, заградить уста неспокойныхъ сихъ людей; „обуздать дерзость ихъ. Да вѣдаютъ, что могущество твое безпредѣльно; что предѣлы онаго полагаешь ты токмо самъ по твоему благоволенію; „да испытуютъ наконецъ на себѣ, что наказаніе, „столь долго отсрочиваемое, еще паипаче по тому „ужаснѣе для противящихся намѣреніямъ твоимъ.

„Не ищи, Государь! цѣною милосердія твоего „и снизхожденія не къ мѣсту суетнаго раскаянія; „зло не терпитъ времяни, зло наилютѣйшее. Врачеваніе должествуетъ соразмѣрно быть лютости онаго. Начни Мандаринами, Предсѣдателями состава „ученыхъ въ Исторіи; повели обратить въ пепелъ „всѣ таковые ненужные памятники, съ толикимъ „тщаніемъ хранимые. То же предписаніе твое да получатъ и Судіи, блюстители законовъ: къ законамъ даннымъ токмо тобою да не прикасаются, „довольно сихъ однихъ къ наставленію имъ: да соберутъ во едину книгу, и увидимъ полное уложеніе, прочнымъ навсегда установляющее судъ правый въ областяхъ твоихъ. Относительно къ другимъ частямъ Государственнаго правительства, довольно единаго божественнаго твоего разума, наиглубочайшія твоея премудрости, которая все освѣщаетъ, все прозираетъ: которая не оставитъ руководствовать соотвѣтственно нуждамъ отечества „и обстоятельствамъ времянъ. Шу Кингъ и другія „тому подобныя книги, въ коихъ прежде искали „правилъ поведенія, учиняся къ тому безполезными,

„до-

„достойны вѣчнаго забвенія: слѣдовательно и да „послужатъ пищею пламени.

„Дѣло таковое, скажутъ мнѣ, легко примыслить; но каждому удобопонятно, коликое благо „произойдетъ исполненіемъ онаго. Но какъ приступить къ тому? Какъ отобрать у всѣхъ и всякія „сего рода книги, разумѣемыя учеными за сокровища „выше всякія цѣны? Какъ увѣриться, что сожгли „ихъ сами они, или отдали, ничего не утаевая, для „сожженія? Ученые люди упрямы, вездѣ ихъ много, „великіе любители древнихъ сочиненій: . . . какъ же „ожидать послушествованія отъ нихъ? Будутъ притворствовать, обманывать, будутъ прятаться сами. Вмѣсто пользъ чаемыхъ отродится во мзду „толикихъ трудовъ горшее: вся Имперія возколеблется. Не лучше ли оставить книги, какъ они были до нынѣ, нежели произвести громъ на то только, дабы кончился ничемъ? Въ таковыя затрудненія и еще многія не сильны заставить меня „думать инако. Изчезнутъ противу мѣръ, которыя „принять можно.

„Возбрани, Государь! всѣмъ твоимъ подданнымъ удерживать у себя, подъ какимъ бы то ни „было предлогомъ, осуждаемыя тобою книги. Издай „законъ наистрожайшій, по которому всѣ и каждый „да возодолженствуютъ приносить ихъ къ Мандаринамъ, отъ коихъ зависятъ. Принудь самихъ Мандариновъ къ обыскамъ наиточнѣйшимъ, дабы увѣриться имъ, что послушествуются безотвѣтно. „Подвергни ихъ самихъ равному наказанію съ нарушителями закона твоего, не только когда явятся „винны, но и за оплошности и небреженія. Устано-

„ви награды доносителямъ, казни преступникамъ „воли твоей. Сверьхъ того неминуемо должно, по „мнѣнію моему, казнить смертію безъ всякія поща„ды, кто когда либо дерзнетъ злорѣчить, или оху„ждать таковую поступку твою. Подданные, даже „до того своевольствующіе, заслуживаютъ уравненіе „съ мятежниками: ибо сего рода словеса произве„дутъ со времянемъ измѣну тебѣ.

„Для тѣхъ же, кои не хуля явно правитель„ство твое, отважатся сличать оное съ правитель„ствами древнихъ Государей, довольно, естьли по„ставляемы будутъ на лицахъ ихъ знаки безчестія „раскаленнымъ желѣзомъ.

„Можно положить срокъ исполненію велѣнія „твоего по всей Имперіи на тридесять дней. Буде „же по прошествіи онаго обрящется нарушитель, „или вознебрегшій токмо поступить по тому велѣ„нію: въ первомъ случаѣ лишить его жизни, яко „оскорбителя Величества; во второмъ же заклеймить „раскаленнымъ желѣзомъ въ примѣръ другимъ.

„Заранѣе отвѣчаю обо всѣхъ затрудненіяхъ, „какими бы кто либо ни сталъ возражать мнѣ къ „отвлеченію тебя, Государь, отъ представляемаго „мною. Книги, возразятъ мнѣ можетъ быть, суть „безмолвные узаконители; правилами и примѣрами, „содержащимися въ нихъ, научаютъ человѣковъ, „чемъ взаимственно долженствуютъ одинъ другому; „исправляютъ нравы, подаютъ образцы непорочнаго „поведенія? Лиши ихъ Шу-Кинга, Ше-Кинга, со„чиненій нравственныхъ, историческихъ и прочихъ „памятниковъ древности: гдѣ найдутъ источники

„пре-

„премудрости? Не должно ли страшиться, что по„грязнуть въ совершенное невѣжество о связующихъ „ихъ взаимственныхъ обязательствахъ? Три Гоанга, „пять Тіевъ, не инако извлекли ихъ изъ первобытныя династи, какъ мало по малу, и коликихъ то „стоило имъ трудовъ!

„Вотъ почти все, что могутъ предполагать „мнѣ наиблаговиднѣйшаго къ удержанію разумѣемаго „мною вреднымъ Государству, безполезнымъ во всякомъ смыслѣ и во всемъ прочемъ. Прозорливость „твоя, Государь, попечется, дабы подданные твои „научилися знать, что знать имъ довлѣетъ; Мандаринамъ возвратитъ званіе, для какого они сначала учреждены, сирѣчь дабы были живыя книги, „завсегда отверзтыя для ищущихъ научаться; дабы „были они совокупно и отцы, и наставники, и судіи народа. Возврати ихъ, Государь! къ званію „столь знаменитому; предпиши наистрожайшія велѣнія, дабы исполняли оное съ безкорыстіемъ, точностію, вѣрностію. Исполнятъ должности, какъ „всячески надѣяться можно: то безъ замедленія по „всей твоей Имперіи будетъ одинъ образъ мыслей, „одинъ образъ изъраженія оныхъ; безъ замедленія земли начнутъ обрабатываться тщательно, художества процвѣтать, всѣ твои подданные составятъ „одну семью, коей ты будеши паче домоначальникъ, „нежели Владыка. Сіе вѣщаетъ ревность моя къ тебѣ, потомству твоему, къ особенной славѣ твоего „царствованія, блаженству народовъ твоихъ. Прошу „тебя, Государь! удостой внимательнаго обмышленія, и по томъ да узнаю волю твою. Достоинство „главнаго твоего Дѣловца, коимъ почтить меня „угодно тебѣ было, сколь мало ни стою я того,

„есть

„есть порука за мое усердіе, точность во всемъ по „служенію моему тебѣ.„

Ужасъ и устрашеніе объяли всѣхъ сердца, какъ только началъ рѣчь свою *Ли-Сеэ*: по окончаніи же трепетъ заградилъ уста всѣхъ и каждаго. Всѣ ясно поняли, что ударъ таковый заременно уже приготовленъ былъ; что устами Дѣловца говорилъ самъ Ше-Гоанг-Ти. . . . Сей, помолчавъ нѣсколько, сказалъ немногія сія слова: . . . „Размышлялъ довольно, „слушая тебя. Во всемъ выговоренномъ тобою не „нахожу ничего не соотвѣтственнаго здравому раз„уму, да и соотвѣтственно оное собственнымъ мо„имъ мыслямъ, которыя имѣлъ я не единожды. На „тебя возлагаю исполненіе того. Да будетъ такъ, „какъ изрекъ ты.„ Ше-Гоанг-Ти встаетъ съ мѣста и удаляется, оставивъ собраніе пораженнымъ. Такото предпринято громкое оное гоненіе на книги и ученость, о которомъ вѣщало толикое множество столѣтій; о которомъ вѣщать будетъ, дондеже не истребятся всѣ упражняющіеся въ Наукахъ.

Сіе случилось въ тритцать четвертое лѣто царствованія Ше-Гоанг-Тія, за двѣсти тринадесять лѣтъ до рождества Христова. По трехъ годахъ умеръ онъ. Эульг-Ше-Гоанг-Ти, сынъ и преемникъ его, былъ на престолѣ только три года, протекшіе въ смятеніяхъ и замѣшательствахъ. Не льзя чаять, чтобъ Государь сей, да и самъ *Ли-Сеэ*, первый Дѣловецъ при немъ, не уменьшили нѣсколько строгости въ отыскиваніи книгъ; не льзя, чтобъ многія семейства, особенно же жительствовавшія отдаленно отъ Двора, не предохранили нѣкоторыхъ, или пряча, или по попущенію Мандариновъ. Пресѣклось поколѣніе

Тси-

Тсиновъ, престало гоненіе. И тако книги и ученость имѣли открытую войну съ мучительствомъ и невѣжествомъ три достальные года вѣка Ше-Гоанг-Тіева. Не возможно, чтобь въ краткое столь время послѣдовать могло совершенное истребленіе оныхъ. Между тѣмъ, какъ Ли-Сеэ принималъ дѣятельныя мѣры искоренять то, что заслуживало сохраненія, паче всего инаго Ше Гоанг-Ти нападаетъ на иный замыслъ, паче достойный великаго Самодержца. Тьмочисленности недовольныхъ правительствомъ, несмѣтное количество учинявшихся тунеядцами по гоненію на ученость и книги, заставляютъ его остерегаться происковъ, мятежей, тѣмъ наипаче, что поданы самимъ имъ были извинительные поводы для большей части Народа Китайскаго. Ни тѣмъ, ниже другимъ, не даетъ время и случаевъ составлять заговоры. Рѣшится занять ихъ общенародными зданіями; а дабы увѣриться въ послушествованіи, призываетъ Полководца, Монг-Тіена; подчиняетъ ему три ста тысячь ратниковъ, дабы съ помощію оныхъ началъ созидать извѣстную оную великую каменную стѣну, пресѣкая даже и наималѣйшіе приступы къ своевольствамъ и возмущеніямъ въ работныхъ людяхъ.

Настояло еще ему дѣло устроевать большую проѣзжую дорогу, прямую, широкую, гладкую, отъ города Кіэу-Юэна [нынѣшняго Тшао-Тшеуа въ двѣнатцати миляхъ отъ Пе-Кинга] до Юн-Янга, что въ округѣ Кинг-Тшеу, какъ нынѣ зовется: то есть на тысячи восьми стахъ Ліяхъ, или на сто восмидесяти Французскихъ миляхъ разстоянія. Должно было просѣкать каменныя горы, засыпать долины, наводить великое множество мостовъ надъ стремнинами водъ, съ горъ и надъ рѣками, осушивать болота,

обсаживать объ закраины пути древесами, дабы уподобился саду для пъшеходовъ, дабы имълъ повсюду всякаго рода отдохновенія и прохлажденія. Не трудно понять, сколь неизчислимое количество народа потребно было.

Но еще казалось Ше-Гоанг-Тію, что не всъ подозрительные ему люди заняты были. Предпріялъ новыя зданія къ украшенію, какъ говорилъ онъ, столицы своей, преобразуя всю поверьхность земную страны Коан-Тшунгъ, на которой воздвижена была оная. Мъстомъ пребыванія своего имълъ, какъ уже нъгдъ сказано, Гіен-Гіангъ. Дворцы его по Съверному и Южному брегамъ ръки Уэи были наивеликолъпнъйшіе, возхотълъ умножить число ихъ тремя стами Дворцевъ внутри Коан-Тшунга и четырьмя стами извнъ.

Всъ же бы тако были расположены, чтобъ льзя было обозръть единымъ ударомъ очесъ; всъ совокупно уподоблялися извъстному оному въ Астрономіи Млечному пути, или такъ названной ръкъ Небесной.

Отъ сего тьмочисленнаго созвъздія присвоялъ себъ Ше-Гоанг-Ти благотворительныя вліянія, помощію коихъ побъждалъ враговъ, избъгалъ злоключеній, успъвалъ въ предначинаніяхъ. Нуженъ ему былъ памятникъ толикихъ благодъяній, да и достойныхъ обладателя вселенной; или, какъ самъ онъ себя называлъ, верьховнаго Владыки земныхъ Владыкъ.

Между Млечнымъ путемъ и иными разными созвъздіями, прилегающими къ оному, есть взаимныя сближенія звъздъ меньшія величины, имъющихъ тусклое блистаніе. Между послъдними есть пустоты,

какъ бы представленныя темнотою своею умножать сіяніе великихъ звѣздъ: то и въ расположеніи описываемыхъ здѣсь Дворцевъ были же бы пустыя междомѣстія и зданія мѣльче, но такъ, чтобъ не оставалось ниже сколько ни будь мѣстъ ни чемъ не занятыхъ. Деревни и пашни представилися ему наиудобнѣйшими для таковыхъ промежутковъ. Для первыхъ надлежало наискать жителей, для послѣднихъ земледѣльцевъ. Повелѣваетъ набрать въ Государствѣ семьдесятъ тысячь семействъ, тритцать тысячь для поселенія въ Ли-Шанѣ, сорокъ тысячь въ Юн-Янгѣ. Толикія предпріятія одно за другимъ въ краткое время воздвигли ропоты, отродили тьмы злорѣчія противу правительства. Къ нещастію людей ученыхъ, нашлися между ими многіе, немогшіе обуздать языка своего, какъ бы долженствовали по тогдашнему положенію ихъ вообще; ибо выискивалися токмо поводы губить ихъ.

Геу-Шэнъ, Лу-Шенгъ и еще нѣкоторые знатнѣйшіе изъ нихъ, не тако судили; посмѣли пререкать Императора явно. Но тѣмъ еще не были довольны; издали сочиненія наиязвительнѣйшія, въ коихъ описыванъ онъ былъ самыми отвратительными чертами; многіе списки съ сихъ сочиненій разсѣяли въ народѣ и послѣ обезпечили жизнь свою бѣгствомъ.

Ше Гоанг-Ти увѣдомленъ; почувствованный имъ гнѣвъ безпредѣленъ не только противу виновныхъ, но и противу всѣхъ тѣхъ, кои по природнымъ дарованіямъ могли стать таковыми же. Въ неизреченной досадѣ произноситъ: . . . „Чемъ оскорбилъ я Лу-
„Шенга, или паче, какихъ не являлъ я ему милостей?
„Возвелъ его на высокія степени, обогатилъ его,

 далъ

„далъ ему чинъ, который приближалъ его ко мнѣ; а,
„онъ толико злодѣйствуетъ мнѣ, забывъ всѣ мои
„благодѣянія. Онъ-то болѣе всѣхъ язвитъ меня сло-
„вами безстыдно, злобно до крайности. Чудовище
„неблагодарности! вѣдай, что мстить я умѣю.
„Тѣсное имѣлъ онъ дружество почти со всѣми уче-
„ными людьми въ Гіен-Янгѣ; былъ ихъ вѣщатель,
„былъ наисильнѣйшій покровитель ихъ. Со излише-
„ствомъ правдѣ подобно, что обще съ ними изливалъ
„онъ на меня ядъ бѣшенства своего, но пріемлетъ
„на одного себя; надобно изыскать истину. Раз-
„сматриватели книгъ да разсѣются по городу, да
„входятъ во всѣ домы, вопрошаютъ даже до единаго,
„какъ каждый въ особенности мыслитъ о прави-
„тельствѣ настоящемъ. Найдутъ ли дерзновенныхъ,
„соотвѣтственно изражающихся сочиненію Лу-Шенга,
„будутъ ли порочить поведеніе мое, будутъ ли тол-
„ковать худо мои законы: да предадутъ каждаго
„таковаго въ руки судей моихъ, которымъ не остав-
„лю предписать, что съ ними дѣлать надобно.„

Разсматриватели всякихъ сочиненій послуше-
ствуютъ. Въ единомъ городѣ Гіен-Янгѣ нашли четы-
ре ста шестьдесятъ ученыхъ людей столь великаго
духа, что за низкое для себя почитали не согласить
языка съ сердцемъ. Осуждены на смерть, смерть наи-
мучительнѣйшую, которая явилася мерзостна даже и
собственному сыну Ше-Гоанг-Тія, ожидаемому на-
слѣднику престола его. Человѣколюбный юноша сей
говоритъ отцу:... „Какое столь тяжкое преступленіе
„содѣлали ученые мужи, преклонивъ тебя, Государь!
„на толикія лютости? Упражнялися они въ Наукахъ,
„читали, почтительнѣе же всему, труды Конфуціуса.
„Любочестіе ихъ состояло только въ томъ, чтобъ
„на-

„научиться владѣть самими собою; показывать другимъ стези, ведущіе къ добродѣтели. Ты лишилъ „ихъ единаго утѣшенія, какое имѣли въ жизни, лишивъ книгъ ихъ: удивительно ли же, что нѣкоторые „возроптали? Проступокъ, естьли такъ имяновать „можно, заслуживаетъ ли казнь безчеловѣчную? Не „страшишся ли ты самъ, такъ поступая, что владычество твое будетъ проклинаемо, что растерзаешь любовь сердецъ къ тебѣ, что претворишь „во враговъ подданныхъ твоихъ? Я собственно открываюся, ужасают меня злоключенія. Раскаешся, но „уже поздно.„ Слова столь истинныя, произнесенныя гласомъ кроткимъ, навлекаютъ сыну гнѣвъ отческій. Сей отзывается: . . . „Вижу, что ты слишкомъ „изнѣженъ при мнѣ; что не знаеши, коликихъ трудовъ и попеченій стоитъ завоеваніе Имперіи и удержаніе по томъ за мною. Время научиться, время „привыкать тебѣ къ безпокойствіямъ воинскимъ, „предвожденію ратныхъ людей; праздность и забава „Дворскія будутъ тебѣ гибельны. Полководецъ мой „Монг-Тіенъ начальствуетъ тремя стами тысячь „оруженосцевъ: съ радостію раздѣлитъ съ тобою „званіе свое. День завтрашній да будетъ днемъ „отбытія твоего въ страну Ши-Кіунъ, гдѣ находятся воинскія его становищи. Пошлю къ нему „велѣнія мои, дабы давалъ тебѣ упражненія, соотвѣтствующія рожденію твоему и моимъ намѣреніямъ.„

Сей не отвѣчаетъ ниже слова; на завтрѣе уже на пути. Имя ему было Фу-Су; имя, достойное мѣста въ Исторіи, за участвованіе его въ нещастіи ученыхъ Китайцевъ.

Ше-Гоанг-Ти доселѣ обходился бережно съ подступавшими къ его особѣ, но начинаетъ не щадить ихъ наравнѣ съ прочими; всѣ и каждый становятся ему подозрительны.

Нѣкогда съ самой высокой насыпи подлѣ Дворца своего разсѣвалъ взоры на окрестныя мѣста. Видитъ колесницу, нелѣпно украшенную, со множествомъ всадниковъ, препровождавшихъ оную. Опознаетъ, что снарядъ таковый надлежалъ одному изъ его Дѣловцевъ; обратился къ предстоявшимъ и говоритъ: . . . „Вотъ повозка, какой богатѣе не видывалъ я . . . прямо Царская.„

Слова сіи въ точности пресказаны были помянутому Дѣловцу его; произвели дѣйствіе, какого ожидать было можно. Мандаринъ уменьшаетъ число препровождателей своихъ, премѣняетъ колесницу, но пріемлетъ осторожность на всякой случай. Императоръ узналъ о томъ, прогнѣвался, принялъ жестокое намѣреніе. Не ѣздившій въ великолѣпной повозкѣ бываетъ жертвою, а тѣ, которые пересказали ему слова Императоровы, скопцы, опричные, любимцы, придворные, допрашиваются порознь. Ниже одинъ не признается въ подозрѣваемой нескромности, но всѣхъ казнятъ смертію. Ше-Гоанг-Ти тако судитъ: . . . „Переносщики словъ моихъ необходимо между ими. „Люди, удостоеваемыя моея довѣренности, самовидцы „дѣлъ моихъ въ моемъ жилищѣ, чему должно оставаться вѣчною тайною, на что же и другое поступить не могутъ? На кого же отнынѣ полагаться могу?„

Еще иное стеченіе случаевъ открыло всю лютость души его. Донесено ему, что въ области Тунг-Кіунъ (*) упалъ съ небесъ камень, съ вырѣзанною на немъ надписью: . . . Ше-Гоанг-Тію жить не долго: по смерти его Имперія раздѣлится. Колико ни былъ легковѣренъ къ предзнаменованіямъ полезнымъ для себя, не могъ утвердиться, чтобъ камень сей былъ подъ рукою рѣщика на небесахъ. Розыскиваетъ о творцѣ надписи и кто оную вырабатывалъ; но какъ не успѣваетъ, то кладутъ камень по его велѣнію по срединѣ пространнаго поля. Окрестные жители мѣста, гдѣ будто бы низпалъ, сгоняются туда; камень обкладываютъ множествомъ дровъ, пламя претворяетъ его въ прахъ, послѣ кидаются воины въ собранныхъ такимъ образомъ жителей съ оружіемъ, и до единаго умерщвляютъ. . . . „Въ примѣръ „другимъ, говорилъ Ше-Гоанг-Ти, дерзновеннымъ, „которымъ когда либо пріидетъ на мысль лгать „на Небо.„

Отъ толикихъ безчеловѣчій умалялась день отъ дня любовь подданныхъ; однако же презиралъ онъ то, а остерегался только отъ злоумышленій на жизнь свою. Никогда не открывалъ за сутки, что намѣревался дѣлать, ниже куда хотѣлъ отправиться на завтрѣе. Никто не зналъ храмины, въ которой наступавшую ночь спать будетъ. Во всѣхъ отдѣлахъ Дворца готовы у него были ежечасно столы со снѣдьми, постели и тому подобное.

Та-

(*) Слова Тунг-Кіунъ означаютъ вообще Восточныя области Имперіи; Шанг-Кіунъ области Сѣверныя, но Тунг-Кіунъ особенно значили же страну наивосточнѣйшую, или точнѣе Восточные края; Шанг-Кіунъ рубежи Сѣверные.

Такій родъ жизни необходимо дѣлалъ его задумчивымъ, скорымъ карать даже и самыхъ ближайшихъ наперсниковъ своихъ.

Въ концѣ тридесять шестаго года царствованія его странное произшествіе усугубило его страхи. Отправленный къ нему съ Восточныхъ предѣловъ Имперіи, на пути изъ Пинг-Шу ко Гоа-Ину, увидѣлъ подходяща къ себѣ человѣка величественнаго вида; въ рукахъ имѣлъ камень агатъ, на которомъ было вырѣзано животное черепокожное, похожее на черепаху, называемое Китайцами Пи (*). Подаетъ ему оный и говоритъ: ... „Сіе принадлежитъ Тсин-„Ше-Гоангу; тотчасъ по прибытіи твоемъ въ Гіэн-„Янгъ не забудь вручить ему и въ точности пере-„скажи слѣдующія мои немногія слова: . . . Менѣе, „нежели чрезъ годъ, Тсу-Лунгъ (драконъ праотецъ) „не будетъ болѣе въ живыхъ.„ Гонецъ, пріявъ Пи, хотѣлъ вопрошать его о многомъ, но незнакомецъ не даетъ ему времени и уходитъ. Поднесь не дознаются, кто онъ, откуда, отъ кого и какъ получилъ бѣдственный таковый даръ.

Нарочный по пріѣздѣ въ столицу доноситъ о случившемся Государственнымъ Дѣловцамъ. Велятъ ему ничего не скрывая возвѣстить Императору. Идетъ, тре.

(*) Пи, есть родъ черепокожныхъ, носящихъ на себѣ жилище свое, подобно черепахамъ. Въ старину служили Китайцамъ особливо для нѣкотораго волхвованія; присвояли животнымъ симъ чудесныя силы, когда кто носитъ изображеніе ихъ на себѣ. Вѣрили, что даетъ щастіе, предотвращаетъ противныя приключенія. Императоры и Князи носили же оныя на себѣ, вырѣзанныя из агатѣ, или иныхъ драгоцѣнныхъ камняхъ, такъ какъ носятъ нынѣ медали, или какъ Рыцари Мальтискіе свои кресты.

требуетъ допуска, подноситъ присланныя съ нимъ бумаги, послѣ же и Пи, въ точности разсказывая видѣнное и слышанное имъ на пути.

Ше-Гоанг-Ти долго разсматриваетъ камень, обращая на ту и на другую сторону; является опознающимъ оный: цвѣтъ лица его перемѣняется. Дракономъ имѣли Китайскіе Императоры таинственный знакъ свой.

Ше-Гоанг-Ти, ставя себя главою имѣющихъ послѣдовать за нимъ преемниковъ до конца вѣковъ, давая законы вселенной, понималъ, что подъ именемъ дракона праотца разумѣемъ былъ онъ.

Въ смятеніи помолчавъ нѣсколько, произнесъ: . . . „Тсу-Лунгъ есть праотецъ всѣхъ человѣковъ. „Слова, предвозвѣщающія смерть его, чужды смысла; „не заслуживаютъ толкованія. Но и почему вѣдать „горнимъ духамъ, что будетъ произходить въ те„ченіи года сего? Да покажутъ камень сей всѣмъ гра„нильщикамъ; довѣдаются, не былъ ли у котораго либо „подъ руками, и донесутъ мнѣ со всею точностію.„

Дѣло не надолго осталось темно. Чрезъ немногіе дни провѣдали, что камень выработыванъ былъ по его велѣнію; что тотъ самый, который бросилъ онъ въ рѣку Кіангъ ко укрощенію бури въ двадесять восьмое лѣто царствованія своего.

Зналъ онъ то и самъ, какъ скоро увидѣлъ камень, но желалъ, чтобъ его обманули, дабы самъ себя обмануть же могъ; или по крайней мѣрѣ обмануть другихъ. Стараяся успокоить встревоженіе

духа, совоспрошается съ прорицателями. Славнѣйшіе сего рода пустословы призваны; находятъ единымъ средствомъ къ предотвращенію гибели для него, чтобъ путешествовалъ по областямъ Государства, на что тогда же и рѣшился съ радостію. Расположилъ путь къ Востоку; съ нимъ же отправилися младшій его сынъ Гу Гаи, Ли-Сэ первый его Дѣловецъ, Гиэо-Као, ближній его скопецъ, и всѣ тѣ, которымъ вѣрилъ и на коихъ полагался.

Достигнувъ Юн-Мена на горѣ Кіо-И, недалекой отъ города сего, приноситъ жертву въ честь Шуна, мудраго того Императора, коему Яо оставилъ по себѣ престолъ къ предосужденію собственныхъ дѣтей своихъ. По томъ поплылъ на судахъ рѣкою Кіангомъ; проминовалъ Гаи-Тшу-Тан-Янгъ, и Тсіен-Танг-Тіангъ, входитъ во внутренность Тше-Кіанга и посѣщаетъ знатнѣйшія мѣста страны сей. Далѣе на горѣ Куи-Ки приноситъ же жертву въ честь великому Юу.

Красивости мѣстоположеній тамошнихъ преклоняютъ его продолжать путь къ берегамъ Южнаго моря, которое еще онъ не видывалъ никогда. Слѣдуя вдоль берега, воздвигнулъ каменный памятникъ съ вырѣзанною похвалою себѣ по обычаю своему.

Бывъ доволенъ странствованіемъ таковымъ, предпріемлетъ обратный путь чрезъ Ланг Іе, восходитъ на гору Тше-Фу, покланяется духамъ, обитающимъ тамо, и умилостивляетъ ихъ жертвоприношеніями. Оттуда увидѣли его въ Понг Юэл-Тинѣ, гдѣ и преходитъ чрезъ мостъ. На семъ-то самомъ мостѣ почувствовалъ первые припадки болѣзни, низведшіе

его

его во гробѣ. Помощьми и предосторожностьми въ подобныхъ случаяхъ пренебрегъ. Много уже спустя дней, попускаетъ лечить себя, но уже поздно. Всѣ и каждый вѣдалъ, колико боялся онъ смерти: никто не дерзалъ произносить слова сего. Скоро примѣтили ближніе его, что не много часовъ остается ему жить.

Старшій его сынъ, Фу Су, хотя былъ отлученъ, по вышепомянутому, но не лишенъ права наслѣдовать по отцѣ, который ожидалъ удобности, или какого либо его преступленія, дабы учинить то съ нѣкоторою наружностію правосудія.

Скопецъ Тшао-Као вѣдалъ намѣренія Ше-Гоанг-Тія. Былъ преданъ второму его сыну Гу-Гаію; умышляетъ доставить его престоломъ. Имѣлъ необходимо нужду въ помощи Ли-Сеэя, дабы принялъ онъ то на себя одного, какъ первый Государственный Дѣловецъ. Идетъ къ нему и говоритъ. . . . „Императоръ уже при послѣднемъ издыханіи, а можетъ быть въ самое сіе мгновеніе и нѣтъ уже его „на свѣтѣ. Настоитъ дѣло дать намъ ему преемника „такого, чтобъ не послѣдовало никакихъ премѣнъ „въ правительствѣ. Фу-Су на краю Государства. „Извѣстно тебѣ, что онъ совсѣмъ инаковъ, нежели „отецъ его. Въ его царствованіе не устоять ничему „по прежнему; что же будетъ съ тобою и мною, „участниками содѣланнаго Ше-Гоанг-Тіемъ? Вотъ „что я мышлю: имянемъ Императора отрѣшимъ отъ „наслѣдства Фу-Суа, дадимъ оное Гу-Гаію, съ которымъ уже я условился. Но одного отрѣшенія не „довольно; надобно, чтобъ онъ и Полководецъ Монг-„Тіенъ, отъ коего непремѣнно будетъ подкрѣпляемъ, умерли.„

 Ли-

Ли-Сеэ колеблется; находитъ затрудненія, требуетъ срока до завтрашняго дня.

Между тѣмъ Ше-Гоанг-Тія не стало, въ день, имянуемый Пинг-Инъ седьмыя луны, тритцать седьмаго года царствованія его, на пятьдесятомъ году отъ рожденія, за двѣсти десять лѣтъ до рождества Христова.

Гу-Гаи, *Ли-Сеэ*, Тшао-Као съ немногими придворными Скопцами, таятъ кончину Императора, доколѣ не рѣшится великое оное дѣло, кому всходить на престолъ.

Ли-Сеэ соглашается со Тшао-Каомъ, ибо инаго дѣлать ему было не чего; созываетъ членовъ Государственнаго Совѣта предъ спальню мертваго уже Императора, возвѣщаетъ имъ его имянемъ, что Фу-Су лишенъ наслѣдства; что Гу-Гаія признаетъ наслѣдникомъ по себѣ. Приговоръ написуется, бываетъ прочтенъ, относится *Ли*-Сеэмъ къ постелѣ Ше-Гоанг-Тія, и вторично громкимъ гласомъ прочитанъ бываетъ. Скопецъ Тшао-Као, яко блюститель Государственныя печати, прикладываетъ оную. Бумага сія подобно же была читана и по всѣмъ Судилищамъ, нарочно собраннымъ на другой день. Тотчасъ по окончаніи всего того разсылаются по улицамъ бирючи и провозглашаютъ, что Императору легче.

Оставалось избрать дѣятельнѣйшія мѣры къ недопущенію законнаго наслѣдника оспоривать право брату своему. Былъ онъ вмѣстѣ съ Монг-Тіенемъ; Полководецъ сей начальствовалъ тремя стами тысячь рат-

ратниковъ. Призвать обоихъ ко Двору было бы кратчайшее средство, но поступить на оное боялись: умерить же на мѣстахъ пребыванія ихъ находили за невозможное. Не сомнѣвались впрочемъ въ упорствѣ ихъ признавать Гу Гаія Императоромъ. Ли-Сэ напослѣдокъ отваживается послать къ нимъ слѣдующее велѣніе: . . .

„Верьховный Владыка земныхъ владыкъ, Князю „Фу-Суу и Полководцу Монг-Тіену:

„Ты Фу-Су, ибо не могу назвать сыномъ моимъ „чего ты явился недостоинъ поступками твоими про-„тиву меня; приведи себѣ на память всѣ твои оскорби-„тельныя мнѣ рѣчи, относительно къ разнымъ ча-„стямъ правительства моего Государствомъ. По крайней „мѣрѣ, долженствуя имѣть почтеніе ко всему надле-„жащему до твоего родителя, возпомяни всѣ тѣ язви-„тельныя хулы твои моихъ указовъ, хотя ни одинъ „изъ оныхъ не имѣлъ цѣлію своею, окромѣ блаженства „областей моихъ. Взгляни на все твое прошедшее по-„веденіе, и суди самъ себя, заслуживаешь ли ты по „мнѣ престолъ мой?

Гу-Гаію, брату твоему, даю право воцариться „по мнѣ; уповаю несомнѣнно, что занимать будетъ „оный преславно; что я въ особѣ его жить буду.

„Предотвращая бѣдственныя слѣдствія злобы „твоей, или вредныхъ тебѣ совѣтовъ людей, ко-„имъ ты вѣришь, нахожу должностію моею отнять „жизнь у тебя: и тако пріявъ сіе мое повелѣніе, „умертви самъ себя. Образъ смерти предоставляю „избранію твоему.

„Ты, Монгъ-Тіэнъ! коего удостоивалъ я пол-„ною моею довѣренностію, коему не опасался прено-„ручить начальствіе надъ всѣми моими войсками; ты, „кому предписалъ наиточнѣйше назирать надъ по-„ступками сына моего, долженствовавшаго наслѣдо-„вать по мнѣ: какими злоупотребленіями милостей „моихъ не воздалъ мнѣ за оное? Фу-Су по прежне-„му виновенъ предо мною, слѣдовательно виновенъ же „и ты, оба вы недостойны жить: повелѣваю тебѣ, „умори самъ себя. Надлежало бы отнять у тебя „жизнь посторонними руками, но прежніе заслуги „твои преклоняютъ меня на сію послѣднюю ми-„лость.„

Бумага послана съ вѣрнымъ человѣкомъ, дабы вручилъ ее обоимъ вмѣстѣ, Фу-Суу, и Монг-Тіэну.

Послѣ Ли-Сеэ провозглашаетъ Гу-Гаія наслѣдникомъ престола, а чрезъ многіе уже дни и о смерти Императоровой.

Фу-Су и Монг-Тіэнъ между тѣмъ доставляются велѣніемъ Ше-Гоанг-Тія. Прочтя они вмѣстѣ, первый глубоко воздохнулъ, полялися у него слезы; наконецъ произнесъ: . . . „Умру! тако угодно отцу „моему!

Идетъ исполнить то самымъ дѣломъ, но останавляется Монг-Тіэномъ, слышитъ отъ него: . . . „Не тако, Государь! сгоняютъ со свѣта людей, ка-„ковы ты и я. Ожидаемый наслѣдникъ Имперіи, верь-„ховный Полководецъ надъ всѣми ея войсками! . . . „кроется тутъ что нибудь невразумительное, тре-„бующее лучшаго выясненія. Управляю я полновла-

„стно

„стно тремя стами тысящами ратниковъ; не отъ-
„емлютъ у меня начальства, не нарицаютъ имянемъ,
„кому мѣсто мое заступить, а хотятъ, чтобъ самъ
„я на себя поднялъ руки! . . . Умереть всегда еще
„будетъ время, естьли подлинно хощетъ того Им-
„ператоръ; но прежде должно разгнать всякое не-
„доумѣніе.

„Велѣніе отъ его имяни есть всеконечно под-
„ложное, послѣдовавшее по какой либо клеветѣ;
„легко намъ опровергнуть оную: помедлимъ, до-
„ждемся яснѣйшаго откровенія воли его.„

Фу-Су возражаетъ: . . . „Что ожидать? ви-
„жу Государственную печать, а сего уже и доволь-
„но. Сынъ долженствуетъ повиноваться родителю,
„подданный Государю. Отецъ и Государь хощутъ
„смерти моей: одному возвращаю, что далъ мнѣ;
„другому то, чемъ долженъ ему„ Обнажаетъ желѣзо,
пронзаетъ грудь, падаетъ предъ ногами Монг-
Тіэна.„

Но сей не мыслитъ подражать ему. Безвин-
ный въ совѣсти, отправляется ко Двору, твердо
надѣясь, что оправдаетъ себя предъ Императоромъ.
Прибылъ уже въ Янг-Тшеу (нынѣ зовется областію
Шен-Сискою), срѣтаетъ отправленныхъ къ нему
Ли-Сеэмъ, емлютъ его и налагаютъ оковы.

Монг-Тіэнъ имѣлъ брата, Монг-І, въ пер-
выхъ Государственныхъ чинахъ, снискавшаго всеоб-
щее почтеніе. Надобно было овладѣть и имъ. Ско-
пецъ Тшао-Као имѣлъ свои причины и боялся и
ненавидѣть его; Ли-Сеэ видѣлъ въ немъ тягостна-
го

го соперника, коего достоинствами затмѣвался, и который рано, или поздно, но могъ заступить мѣсто его.

Монг-И также былъ на пути въ столицу, исполнивъ нѣкое важное служеніе, препорученное ему Ше-Гоанг-Тіемъ. Задержанъ и окованъ же. Между тѣмъ Гу-Гаи воцарился подъ имянемъ Эульг-Ше-Гоанг-Тія, или втораго верьховнаго Владыки владыкъ земныхъ.

Первое его попеченіе было облещи всѣхъ подданныхъ безъ изъятія въ одежды сѣтованія, и совершать погребательные обряды отца своего. Тѣло его вынесено изъ Дворца Гіэн-Янскаго въ девятую луну, и началися похороны. Подъ могилу мѣсто избрано на горѣ *Ли*-Шанъ. В здвигнуто надъ нею великолѣпное зданіе, украшено наидрагоцѣннѣйшимъ изъ сокровищницъ Императорскихъ. Гробъ долженствовали препровождать всѣ тѣ обоего пола придворные, которыхъ званіе было веселить и забавлять умершаго. Достигнувъ горы, женскъ полъ, скопцы, краснопичныя юноши, окружили могилу: тѣло опущено. Во мгновеніе нарочно поставленное воинство пустивъ стрѣлы въ сихъ нещастныхъ, умертвили ихъ, дабы шли служить Ше-Гоанг-Тію на томъ свѣтѣ.

Кровопитіе таковое было токмо предверіемъ послѣдовавшаго на позорищѣ предъ всею Имперіею, чрезъ все то краткое время, доколѣ не истребилось совершенно поколѣніе Тсиновъ. Нововоцарившійся юноша безотвѣтенъ былъ сконцу Тшао-Каоу, у коего учился онъ званію законовъ; да и былъ ему особенно долженъ возведеніемъ своимъ на престолъ. Тшао-Као

онъ

отъ природы безчеловѣчный, во удержаніе себя на толикой высотѣ щастія, вліялъ въ сердце питомца кровожадничество свое. Самыеназнаменитѣйшіе головы падаютъ; казнятся смертію, кого подозрѣвать могли въ какомъ либо разномысліи съ Императоромъ и скопцемъ симъ.

Начинаютъ Полководцемъ Монг-Тіэномъ и братомъ его Монг-Іемъ, узничествовавшими въ темницахъ, по вышесказанному. За тѣмъ отъемлются жизни у Князей крови Императоровъ, одаренныхъ способностьми и дарованіями, достойныхъ владычествовать Катаемъ. Третій родъ жертвъ былъ Вельможи, за низкое почитавшіе для себя раболѣпствовать презрѣнному жено-мужу.

Первымъ, какъ бы изъ отмѣнной милости Гу-Гаія, данъ былъ ядъ. Монг-Тіэнъ взявъ въ руки и устремивъ взоры на сосудъ, сказалъ: . . . „И сія то „награда за толикіе успѣхи служенія моего тремъ „Государямъ Тсинскія династіи! Главнѣйшее орудіе „былъ я всѣхъ завоеваній ихъ; послѣдними моими по„бѣдами подвергнулъ я великому Ше-Гоанг-Тію столь „обширныя страны; начальствовалъ тремя стами „тысящъ воиновъ, какъ подано мнѣ будто бы отъ „имяни его лжевелѣніе, чтобъ уморилъ я самъ себя. „Простые ратники любили меня, чиновники разумѣ„ли отцемъ; единое бы слово изъ моихъ устъ за„ставило раскаяваться винотворцевъ таковой лжи „Приходило мнѣ то на мысль, но отвергнулъ. Луч„ше возхотѣлъ предстать я одинъ, безоружный, „предъ Государя моего, упасть къ его ногамъ; со„вѣсть вопіяла во мнѣ, что ничемъ его и никогда „не оскорбилъ: ни на что не поступалъ противное

„ долгу моего къ нему. . . . Заслуги и подвиги мои „ извѣстны Имперіи; да вѣдаетъ она, что умираю „ безвиненъ. „ Выговоривъ послѣднее слово, піетъ ядъ.

Смертныя казни толикаго множества первѣйшихъ въ Государствѣ людей производятъ повсюдное смятеніе, а далѣе и повсюдные же мятежи. Ли-Сэ былъ Дѣлоцемъ при Императорѣ только уже однимъ имянемъ; все зависѣло отъ Тшао-Каоа. Не проминовало года по смерти Ше-Гоанг-Тія, и уже пять Царствъ составилися изъ земель завоеванныхъ Государемъ симъ.

Тшао-Као, опасаясь, дабы напослѣдокъ не открылися глаза Гу-Гаія, помышляетъ свергнуть его съ престола и возвести на оный Тсеэ-Инга, старшаго сына Фу-Суева, льстяся, что за таковый даръ останется въ прежнемъ своемъ всемощіи.

Мѣшать ему никто не могъ, окромѣ Ли-Сэя. Былъ онъ первый Дѣловецъ Государственный, а его сынъ начальствовалъ войсками. Доноситъ Императору на него въ измѣнѣ. Сей отдаетъ его на судъ скопцу, коего велѣніемъ и бываетъ обезглавленъ на площади.

Тако гибнетъ злодѣй, подлое орудіе звѣрства и лютости Ше-Гоанг-Тія. Безъ того же бы заслуживалъ сопричтеніе къ Великимъ мужамъ, естьли бы жилъ во времяна Государя добродѣтельнаго; ибо былъ политикъ глубокій, имѣлъ свѣденія обширныя. Предпріемля что либо, прозиралъ конецъ онаго; дѣятельность, твердость духа, терпѣніе, готовыя на всякіе опыты, отличали его.

По

По Ли-Сеэ званіе перваго Государственнаго Дѣловца принялъ Тшао-Као на себя. Вся Имперія начала обагрятъся кровію ея жителей. Вездѣ слышно стало объ убійствахъ и утѣсненіяхъ. Наклоненные уже духи къ мятежничеству, обнаруживаютъ оное: Тшао-Као приступаетъ исполнять замыслъ, достойный себя.

Градоначальникъ въ столицѣ былъ его твореніе: скопцы внутрь и внѣ Двора усердствовали ему, яко главному надъ ними. Перваго посылаетъ ночью окружить Дворецъ. Дворовые скопцы, услышавъ приближеніе вооруженныхъ людей, получаютъ велѣніе разбудить Императора, и сказать ему, что городъ уже въ рукахъ непріятельскихъ: естьли по малодушію своему не умертвитъ самъ себя; дабы не впасть въ руки вражескія живу, то чтобъ пронзили ему грудь кинжалами.

Все происходитъ по желанію Тшао-Каоа.

Тсеэ-Ингъ воцаряется, вѣдая совершенно, что не надолго, естьли слѣпо поступать станетъ по совѣту главнаго скопца. Гнусныя его дѣла извѣстны ему были; извѣстно ему было и то, что онъ единый виновторствовалъ смерти отца его Фу Суа. Положилъ умертвить чудовище, отъ коего трепеталъ и самъ.

Дѣло не легкое. Нечестивецъ былъ первый Министръ, всемощенъ безпредѣльно, имѣлъ подъ властію всѣхъ прочихъ Государственныхъ чиновниковъ при Дворѣ и задворныхъ. Не посмѣвъ также наслать на него убійцевъ; рѣшится самъ стать палачемъ его.

ВЪ день третій по провозглашеніи его Императоромъ, правительствующій Совѣтъ собрался въ засѣданіе. Тсеэ-Ингъ, затѣявъ на себя болѣзнь, не прибылъ въ оное. Тшао-Као, оставивъ прочихъ членовъ продолжать начатыя разсужденія, идетъ къ Императору, дабы узнать, что приключилося ему. Представъ предъ него, по обычаю кланяется низко, и въ самое то мгновеніе получаетъ смертный ударъ ножемъ въ сердце. Тсеэ Ингъ, оставя мертвый трупъ въ чертогѣ своемъ, поспѣшаетъ въ помянутое засѣданіе, и даетъ вѣдать о смерти Тшао-Каоа, какъ ему было угодно.

Вѣ похвалили, или по крайней мѣрѣ хвалящими казались, что избавилъ онъ себя наилютѣйшаго врага.

Между тѣмъ мятежи усиливаются въ Имперіи. Ліэу-Пангъ и Тшу-Па-Уангъ, предводя многочисленныя ополченія, ближатся къ столицѣ. Первый упреждаетъ втораго. Тсеэ-Ингъ, не находя себя въ силахъ противустоять, выходитъ къ Ліэу-Пангу, препоручаетъ ему жребій жизни своей. . . . Сорокъ пять токмо дней царствовалъ онъ; уступаетъ охотно престолъ, который удержать не могъ. Ліэу-Пангъ преклоняется къ жалости, пріемлетъ его и обходится съ почтеніемъ.

Весьма скоро за тѣмъ, видятъ и другаго Полководца, входяща въ столицу: въ крайней досадѣ, что равный ему становится Императоромъ, начинаетъ воевать съ нимъ, дабы или отнять у него захваченный имъ престолъ, или обогатиться грабежемъ Дворца и города.

Ліэу

Ліэу-Пангъ вѣдая, съ какимъ человѣкомъ имѣлъ дѣло, не возбраняетъ хищничествовать Тшу-Па-Уангу, который назывался еще тогда Гіанг-Юемъ. Все предаетъ онъ огню и мечу. Сверженный Императоръ Тсеэ Ингъ падаетъ мертвъ отъ руки его; все поколѣніе Тсиновъ истребляется: даже гробы предковъ ихъ разрыты, кости выняты, сожжены и прахъ развѣянъ. Во Дворцахъ и домахъ знатнѣйшихъ людей осталися нагія стѣны.

Такъ окончалась династія Тсиновъ. Уподоблять ее можно сверкнувшей молніи со смертоносным ударомъ грома, на долгое время заражающія воздухъ отвратительнымъ своимъ запахомъ (*).

(*) Многое выпустилъ я изъ находящагося въ книгахъ Китайцевъ о Тсин-Ше-Гоанг-Тіѣ, чему не нашелъ основательныхъ доказательствъ. Пышность и роскошь, присвоемыя ему, описаны въ нихъ вонъ изъ мѣры. Взаимствовалъ же токмо отъ Историковъ, достойныхъ вѣроятія.

L.

Фу-Шенгъ, мужъ ученый.

Тсин-Шэ-Гоанг-Ти продолжалъ истреблять всякіе памятники учености, паче же книги нравоучительныя, описующія обычаи почтенныя древности. Мандаринъ, степени По-Хе, убоялся строгости законовъ его и предохранилъ отъ созженія имѣвшуюся у него въ домѣ книгу Шу-Кингъ и еще нѣкоторыя другія: возхотѣлъ охотнѣе лишиться жизни, нежели оныхъ. Сей человѣкъ толико же праведный судія, какъ мудролюбецъ, нарицался Фу-Шенгъ, по прозванію Тсеэ-Кіэнъ, что значитъ: . . . послѣдній изъ учениковъ, достойный презрѣнія. Тако наименовалъ самъ себя, учася еще въ школѣ.

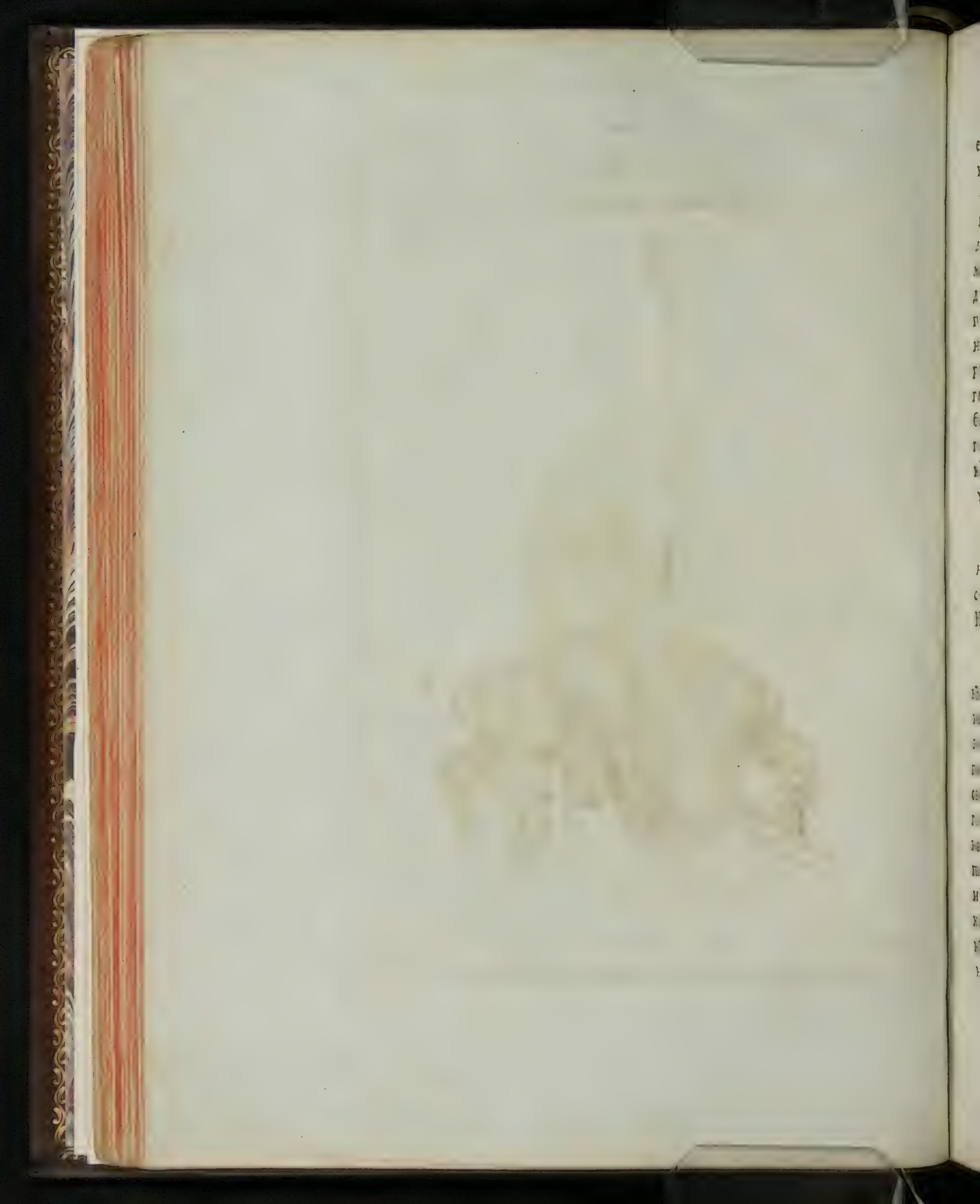
Произшелъ отъ родителей неимущихъ, въ деревнѣ, на девятнатцатой Ліи къ Сѣверовостоку отъ Тшеу-Пинг-Гіена, въ области Шан-Тонгской со временемъ разпространившейся, тогда же слыла просто Фу-Шенг-Гіангъ, сирѣчь Фу-Шенгова деревня; въ Наукахъ упражняющійся и поднесь, приходитъ на гробъ мужа сего для поклоненія, не съ меньшимъ благоговѣніемъ, какъ и на гробы же предковъ своихъ.

Достоинства Фу-Шенга возвели его на первыя степени учености, и поручено ему было съ нѣкоторыми другими назирать надъ поведеніемъ народа вообще. Предпочтительнѣе всему прилѣжалъ къ древней Исторіи.

Какъ настало гоненіе на ученыхъ, сложилъ съ себя чины и удалился въ деревню. Посчастливилось ему

Записки Китайския

Фу-шенгъ.

ему унести съ собою Шу-Кингъ и еще нѣсколько книгъ, которыя заслуживали уцѣлѣть для потомства: закладъ ихъ въ каменную стѣну. Книги въ тогдашнія времяна были не таковы, какъ нынѣ; дѣланіе бумаги и приуготовленіе кистей еще не вымышлено. Толстою желѣзною иглою, или жесткаго дерева спицею, чертили буквы на листахъ того рода пальмовника, которыя и поднесь служатъ къ подобному же употребленію въ Индіяхъ, частію же у народовъ Азіатскихъ; или на дщицахъ, лоснящихся и гладко выскобленныхъ, или на простыхъ дщицахъ бамбуеваго дерева. Буквы ставили одна подъ другою, строки вели съ правой стороны на лѣвую. Такія листья и дщицы замѣчали числительными знаками по порядку.

Необходимо надлежало быть книгамъ крупнѣе нынѣшнихъ, но сохранялися долѣе. Сырость и плѣсень не такъ ихъ вредила; не поѣдалъ моль, хотя Китайскій климатъ горячь и влаженъ.

Тако Фу-Шенгъ спряталъ помянутыя книги въ стѣнѣ собственнаго своего дома, и оставался неизвѣстнымъ въ деревнѣ своей. Нѣсколько десятинъ земли составляя собственность его, давали ему пропитаніе. Имѣя непрерывно занятыя мысли прежнимъ своимъ упражненіемъ въ Наукахъ, непрестанно же разговаривалъ объ нихъ съ друзьями и знакомыми; много нажилъ ихъ въ сосѣдствѣ. Но паче избиралъ слушателями молодыхъ людей, коихъ находилъ памятнѣе и охотнѣе научиться. Толковалъ имъ причины, для которыхъ праотцы учредили школы, нарицалъ славнѣйшія изъ книгъ, по которымъ преподавалося ученіе, и объяснялъ оныхъ содержанія.

Мы-

Мысленно созерцаю я добродушнаго мужа сего, прочитывающа наизусть длинныя мѣста изъ Шу-Кинга, цѣлые отрывки сочиненія Ку-Уэна, цѣлыя повѣсти о знатнѣйшихъ произшествіяхъ изъ древней Исторіи; какъ разчисляетъ онъ времяна и лѣта первѣйшихъ Императоровъ; изражается съ восторгомъ о доблестяхъ и добродѣтеляхъ Государей наиотдаленнѣйшей древности, о премудромъ ихъ народоправленіи, о пользахъ установленнаго ими; словомъ, о всѣхъ пособіяхъ, коими устроевали они блаженство подданныхъ; вижу его мысленно тако оканчевающа слова свои, проливая слезы: . . . „Вотъ чемъ я обогащалъ память мою нѣкогда въ школахъ! Увы! слабые токмо нахожу остатки того въ ней. Вотъ „чему учивали насъ тѣ, коихъ по всей справедливости разумѣли мы нашими наставниками. Благословенное время, миновало уже ты! свѣтильникъ, озарявшій насъ тогда, уже погасъ! возсіяетъ нѣкогда, „но не ласкаюся дожить до того. Станется, что „вы предуставлены наслаждаться щастіемъ тако„вымъ: не забывайте учиниться онаго достойными.„

Въ самопроизвольной ссылкѣ Фу-Шенга, въ томъ состояло наилучшее его и наиприятнѣйшее упражненіе, доколѣ Тсины занимали престолъ Императорскій. Около послѣднихъ лѣтъ царствованія Эульг-Ше-Гоанг-Тія, когда повсюду возникли мятежи, принужденъ былъ оставить отчизну, оставишь единое свое на свѣтѣ сокровище въ одной изъ стѣнъ дома своего; спасая жизнь отъ бѣшенства разбойниковъ, все грабившихъ, все убивавшихъ, бѣгствуетъ. Десять лѣтъ скитается по странѣ, что нынѣ слыветъ областію Шан-Тонгскою: однако же вездѣ находитъ учениковъ.

Ве-

Великій Ліэу-Пангъ положилъ конецъ внутреннимъ смятеніямъ въ Государствѣ, и подклонилъ подъ свою державу всѣ отпавшіе уже отрывки Имперіи. Науки начали изницать; каждому Китайцу позволено стало заниматься ими. Фу-Шенгъ идетъ обратно во своя. На пути увѣдомляется, что деревня, въ которой былъ домъ его, разорена до основанія, и видны уже токмо однѣ развалины. Сіе не премѣняетъ намѣренія его; прибылъ, ищетъ, не щадитъ труда и терпѣнія, наконецъ обрѣтаетъ часть спрятаннаго имъ сокровища; прочее же, какъ должно думать, сгорѣло. Пособіемъ толико слабымъ, помоществуяся памятію, написуетъ дватцать девять статей изъ книги Шэнг-Шу, или инако называемой Шу-Кингъ. Рыться въ землѣ и бережно разкладывать безобразные остатки жилищъ деревни, помогали ему окрестные жители, уцѣлѣвшіе отъ истребленія рукою Тсиновъ.

Понявъ, что провождая жизнь уединенную, не могъ усовершенствовать изданія своего, странствуетъ вновь по области Шан-Тонгской; снабдѣвается всѣми возможными свѣденіями, посѣщаетъ прежнихъ своихъ учениковъ: число ихъ множится еще новыми. Между послѣдними были Тшанг-Шенгъ, Нгісу-Янг-Шенгъ, Ни-Коанъ. Сіи-то три ученые мужи въ свое время провели первыя бразды на запустѣвшей землѣ учености. Ихъ-то ученіе произвело толикое множество Философовъ во времяна династіи Ганскія.

Школа сія безъ прекословія есть первонаставшая по сожженіи книгъ. Особенно училися въ ней древней Исторіи и толкованію неврэзумительныхъ буквъ, почти сгладившихся между времянами Фу-Шен-

говыми и послѣдовавшими. Хотя бы только объяснились чрезъ то и однѣ буквы, такъ называемыя Ко-Теу, то и по сему единому долженствуютъ тому новѣйшіе Китайцы свѣдѣніями о началахъ Имперіи своей; ибо буквами Ко-Теускими писаны Шу Кингъ, отрывки У-Уэна и большая часть древнихъ классическихъ книгъ, отъисканныхъ по истребленіи Тсинскія династіи. Вышедшіе изъ школы сей ученые люди непреложнымъ завсегда правиломъ имѣли, не хвалить другъ друга, никого не хулить, ни съ кѣмъ не спорить. Принимали съ одинакимъ равнодушіемъ и хвалы себѣ и охужденія, ни на то, ниже на другое, не отвѣтствуя. Желательно, чтобъ Европейскія ученыя общества подобныхъ же держалися правилъ.

Сказывали уже мы, что Фу-Шенгъ размножилъ учениковъ своихъ по округамъ Тси и Лу, сирѣчь области Шан-Тонгской. Какъ миновали уже дни преподавать имъ уроки урывками и скрытно, то начали послѣдніе къ первому вносить оттуда изъ древнихъ рукописей, что кто либо и гдѣ либо найти могъ. Между прочимъ посчастливилось Фу-Шенгу получить такимъ образомъ еще двѣнатцать полныхъ статей Шу-Кинга; прибавилъ оныя къ двадцати девяти статьямъ, кои уже имѣлъ у себя: учениками сняты со всего того списки, и онъ толковалъ имъ каждое мѣсто со всевозможными ему подробностьми.

Послѣ удалось ему даже и жить нѣсколько времяни въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Конфуцію. Пользуяся мѣстомъ пребыванія своего, насаждаетъ въ умѣ и сердцѣ потомка великаго сего Философа въ первомъ-надесять колѣнѣ, первыя сѣмяна глубокія учености, учинившія безсмертнымъ имяна его

на-

память. Юноша былъ тогда на четвертомъ, или пятомъ надесять году отъ рожденія, нарицался Кунг-Нган-Куэ; да и увидѣли въ немъ въ свое время свѣтило Наукъ, коему обязанъ Китай остатками достопочтенныя древности.

Кунг-Нган-Куэ, сказуютъ Лѣтописи, учился Стихотворству У-Шен-Кунга, древней же Исторіи у Фу-Шенга. Ему-то Кунг-Уангъ, Лускій Царь, отдалъ всѣ ветхія сочиненія, найденныя задѣланными въ стѣнахъ дома Конфуціусова, когда Государь сей очищалъ мѣсто отъ развалинъ, въ намѣреніи воздвигнуть на немъ зданіе, достойное себя и просвѣтителя Китайскія Имперіи.

Помянутыя сочиненія состояли въ запискахъ, надлежащихъ до великаго Юа; трехъ первыхъ династій: Гіаевой, Шанговой, Тшеуевъ и иныхъ подобной же важности содержаній. Кунг-Нган-Куэ съ помощію учениковъ своихъ, разобралъ смыслы и все привелъ въ порядокъ. Расположилъ статьями, раздѣлилъ на пятьдесятъ девять главъ, подъ названіемъ Шанг-Ку-Куэнъ, поднесъ Императору Ган-У-Тію, тогда владычествовавшему. Таковый даръ принятъ съ удовольствіемъ. Государь сей не почелъ за низкое приложить предсловіе собственнаго своего пера, потерянное впрочемъ изъ древнихъ книгъ, не прежде прошествія пяти сотъ лѣтъ найдено было, въ царствованіе Минг-Тія, третіяго Императора Тсинскія малыя династіи. Два ученые мужи, У Яо-Гингъ и Фанг Ю по случаю увидѣли то продаемымъ на нѣкоемъ годовомъ торжищѣ: купили, вручили Императору; а сей по надлежащемъ освидѣтельствованіи со славою внесъ

въ книгохранилище дворцовое, помѣстивъ между таковыми же остатками древности.

Къ немужъ Кунг Иган Куэу прибѣгалъ Сеэ Ма-Тсіенъ, дабы понять ему въ точности смыслы многихъ мѣстъ праотеческихъ книгъ; отъ него же заимствовался объясненіями статей Шу-Кинга подъ заглавіями: Гунг Фанъ Лэ-Тіенъ, Ю Кунгъ Уэи-Тсеэ-Кин-Тенгъ. Сеэ-Ма-Тсіенъ признается, что сему великому мужу долженъ онъ частію свѣдений своихъ о начаткахъ монархіи, особенно же со времянъ, какъ стала управляема быть непреложными законами даже до династіи Тшеуския

Къ Тшанг-Шенгу, Игнеу-Янг Шенгу, Кунг Иган-Куэу и еще нѣкоторымъ ученикамъ Фу-Шенговымъ, надлежитъ же пріобщить и того, который воспользовался наставленіями уже умирающаго сего старца. То былъ Тшао-Тсуо, приверженный къ Засѣданію Историческому. Когда Уэн-Ти, третій Императоръ Ганскія династіи, трудился приводить ученость въ первобытное оныя состояніе, его велѣніями доставлялась столица всякаго рода памятниками, рукописьми, находимыми во всѣхъ частяхъ владѣнія его. Собралъ онъ ученыхъ мужей, которые могли все то разобрать порядкомъ: но къ нещастію, почти вездѣ срѣтали буквы Ко-Теускія, мало понимаемыя ими, да и обезображенныя уже ѣдкостію времянъ.

Уэн-Ти услышалъ, что въ области Шан-Тонгской живъ еще престарѣлый мужъ, который помнитъ дни царствованія Тшеуевъ; что можно разумѣть его живою книгохранительницею; что всѣ сокрушающіеся

ся съ нимъ не отходятъ пищи; что провождаетъ остатки дней своихъ, да и положилъ окончать оные въ небольшей деревенькѣ.

Императоръ избираетъ Тшао-Тсуоа Посломъ къ Фу-Шенгу: съ нимъ же отпустилъ множество другихъ ученыхъ людей. Тшао-Тсуо находитъ старца почти столѣтняго, еще бодраго и крѣпкаго, однако же не въ силахъ предпріять путь далекій (Дворъ Китайскихъ Государей находился тогда въ области Шен-Сиской, сирѣчь на противномъ краю Имперіи). Присланные условилися между собою не упустить краткаго того времяни, которое доживать оставалось Фу-Шенгу безполезно, записывая все, что бы ни могли выспросить у старика. Каждый порознь просилъ у него толкованія какого либо особенно мѣста изъ древнихъ книгъ. Симъ образомъ многое узнали, непонимаемое ими до того.

Лѣтописи молчатъ, сколько еще Фу-Шенгъ жилъ на свѣтѣ по прибытіи къ нему гостей сихъ. Правдѣ подобно же, что уже начавъ второе столѣтіе. Упоминаютъ оныя о Фу-Ліѣ, его внукѣ, стихотворцѣ изящномъ. Императоръ Тшенг-Ти учился у него сочинять стихи; пожаловалъ Мандариномъ степени Таи-Фу. Фу-Тшенъ, сынъ Фу-Лія, также отличался поэзіею и оставилъ по себѣ многихъ учениковъ. Былъ Мандаринъ степени По-Хе, по томъ цѣнителемъ всякихъ издаваемыхъ въ свѣтъ сочиненій, а наконецъ Странноначальникъ Пинг-Юнскій при хищникѣ Императорскаго престола Уанг-Мангѣ и его преемникѣ. Исправляя должности послѣдняго своего званія, снискалъ славу, которая и поднесь учиняетъ имя его громкимъ въ Китаѣ. Упомянемъ объ одномъ

изЪ дѣлЪ его, и довольное получимЪ понятіе, каковЪ былЪ.

Междуусобіе свирѣпствовало тогда сЪ неизказанною лютостію: не было угла вЪ Имперіи не наполнявшагося ратниками; не было города, коего бы жители не дѣйствовали оружіемЪ противу соотечниковЪ своихЪ. Уанг-МангЪ имѣлЪ вездѣ соглядатаевЪ и прилѣпленцевЪ; но вездѣ же было много и вѣрныхЪ подданныхЪ, усердствовавшихЪ останкамЪ поколѣнія Ганскаго, отраслямЪ законныхЪ своихЪ Государей. ОдинЪ токмо городЪ Пинг-ЮэнЪ наслаждался тогда глубокимЪ безмятежіемЪ, долженствуя тѣмЪ мудрому правленію своего Странноначальника.

Не зная, или притворяясь онЪ незнающимЪ, что происходило извнѣ мѣстЪ, подчиненныхЪ ему, оказуетЪ всѣмЪ и каждому судЪ правый, свято исполняетЪ должности свои, какЪ бы вЪ наилучшее мирное время. ВЪ часы отдохновенія учитЪ юношество стихотворству и краснорѣчію. Такое поведеніе, противообразное поведенію большей части Государственных Чиновников, паче же воинскихЪ, ополчаетЪ ихЪ на него. УмышляютЪ оставить его упражняться вЪ НаукахЪ, правительство же города отнять.

НабираютЪ скрытно войски внутри города Пинг-Юэна и по окрестностямЪ; по темЪ представляютЪ предЪ него набранныхЪ ими ратниковЪ, яко предЪ главнаго правителя страны. Фу-ТшенЪ, не хваля и не хуля дерзость ихЪ, хладнокровно вопрошаетЪ, на какій учинено дѣло сіе конецЪ и кто былЪ онаго производитель?

Пер-

Первый зачинщикъ своевольства сего подступаетъ къ нему, чая услышать благодаренiе и похвалы. Фу-Тшенъ говоритъ ему спокойнымъ духомъ:

„Ты-то составилъ малое сiе воинство, котораго объявляешь ты меня вождемъ! Достойно и праведно, чтобъ ратники увидели Полководца своего. „Пойдемъ же смотрѣть ихъ.„ Прибывъ предъ строй, произноситъ къ новснабраннымъ: . . „Друзья мои! „увѣряютъ меня, что вы самопроизвольно приняли „на себя воинское званiе; что хотите имѣть меня „начальникомъ вашимъ. Правда ли все сi.?„ Рукоплесканiя и радостные крики доказуютъ, что донесена ему была истина. Фу-Тшенъ продолжаетъ: . . „Начинайте же послушествовать мнѣ. Передовый „рядъ приближайся ко мнѣ.„ Передовый рядъ къ нему подошелъ весьма близко. Тогда взявъ за руку зачинщика наборовъ, и подведши къ воинамъ, говоритъ: . . . „Во мгновенiе срубите голову у измѣнника сего, „который жизни недостоинъ. Онъ возмутитель „общественнаго спокойствiя; предатель, во зло употребившiй чинъ и званiе свое къ моей и вашей погибели. . . . Повинуйтеся.„

Вдругъ многими ударами сабель повергается злодѣй предъ ногами Фу-Тшена; а онъ велегласно отзывается: . . „Довольно! . . Прочихъ виновныхъ прощаю, въ надеждѣ, что впередъ исправитеся. Вы же „всѣ, мои друзья! какъ только попустили себя „обмануть, то и незаслуживаете наказанiя. Идите „съ миромъ, каждый во своя; возвратитеся въ нѣдро семействъ вашихъ, и наслаждайтеся по прежнему прiятностьми мирнаго времяни. Люди неспокойные, смутные, завистники благоденствiя

„ваше-

„вашего, разлучили васЪ сЪ родителями, женами и „дѣтьми на то только, чтобЪ испытали вы собою „всѣ злы, навлекаемыя войною: нищету и голодЪ; „дабы семьянЪ вашихЪ разорить, опустошить ихЪ „домы, обезчестить женЪ и дочерей вашихЪ. До се„го были вы кроткія дѣти отечества, трудолюбные „земледѣльцы, прилѣжные ремесленники, а вмѣсто „того претворяли васЪ вЪ разбойниковЪ, нече„стивцевЪ!

„Идите же, дѣти мои! каждый вЪ домЪ свой. „ОтецЪ вашЪ повелѣваетЪ вамЪ; идите отерети сле„зы даровавшихЪ вамЪ жизнь: оплакиваютЪ они те„перь, что лишилися опорЪ старости своея. СЪ ка„кою радостію разпрострутЪ кЪ вамЪ обЪятія! иди„те утѣшить женЪ вашихЪ и дѣтей: первыя уже „почитаютЪ себя вдовами, другія осиротѣвшими. Вы, „ремесленники! возвращайтеся кЪ дѣлу рукЪ вашихЪ; „вы, земледѣльцы! ожидаютЪ васЪ нивы и поля; всѣ „и каждый грядите продолжать по прежнему зва„нія ваши.

„Естьли кто нибудь изЪ васЪ задолжалЪ, я по„рука вЪ платежѣ. У кого недостаетЪ пропитанія, „я оное доставлю; открывайте предо мною нужды „ваши, ничего не пожалѣю удовольствовать всякаго. „Должности мои, часы вЪ моей жизни, служащіе для „меня отрадою, заставляютЪ меня входить вЪ самыя „мѣлочныя подробности, дабы содѣлать васЪ всѣхЪ „до единаго благоденствующими. Награждать, помо„гать, подкрѣплять состояніе каждаго изЪ васЪ, по„ручилЪ я женѣ моей. Подступайте кЪ ней смѣло: „не отпуститЪ васЪ не утѣшивЪ. Она знающа вЪ хо„зяйствѣ, ласкова, добросердечна, всегда готова кЪ по-

„мощи

,,мощи ближняго. Поступитъ съ вами, какъ чадолюби-
,, вая матерь съ рожденными ею. Върьте моему слову,
,, доколѣ въ домѣ моемъ есть горсть пшена, раздѣлять
,, буду по поламъ съ вами. Жалованье мое, мои доходы
,, столько же принадлежатъ вамъ, какъ и мнѣ.

,, Друзья! оставимъ оспоривать право къ пре-
,, столу Императорскому тѣмъ, коимъ приличе-
,, ствуетъ сіе. Для насъ же полно повиноваться законамъ,
,, и не будемъ никогда имѣть недостатка въ прави-
,, теляхъ надъ нами. Кто бы ни возложилъ на рамена
,, свои столь тягостное бремя, будемъ ему повино-
,, ваться; будемъ ему вѣрны, елико человѣчески воз-
,, можно: пусть увидимъ въ немъ наилютѣйшаго мучи-
,, теля, изверга, чудовища: не станетъ карать насъ,
,, узнавъ несомнѣнно, что мы свято хранимъ должности
,, наши, которыя даже и нынѣ не нарушаемъ; нынѣ,
,, когда всякаго рода злодѣянія и своевольства позво-
,, ленными кажутся.

,, Еще повторяю: идите друзья мои! оживить
,, радость въ семействахъ вашихъ. Сіи шлемы, сіи
,, щиты, воинскія сіи одежды, оружіе сіе, съ коими
,, вижу я васъ, не приличествуютъ вамъ. Вы хотѣли
,, учинить оныя орудіями вашихъ побѣдъ? Бросьте при-
,, надлежности не вашего званія. Мѣсто, гдѣ теперь
,, стоите, да будетъ послѣднее въ жизни вашей мѣсто
,, сраженія. Одержали вы на немъ наиполезнѣйшую изъ
,, побѣдъ всякаго рода; ибо возвращаетеся въ состояніе,
,, для котораго вы родились; возвращаете самихъ себя
,, отечеству, сродникамъ, друзьямъ; а притомъ и
,, безъ наималѣйшаго урона, безъ наималѣйшаго усилія;
,, возвращаете себѣ все то совокупно, что намѣрева-
,, лися вы купить цѣною вашея крови.

„Чувствуете ли въ сердцахъ хотя нѣкоторые „остатки уваженія къ вашему Странофачальнику, ко„торый любитъ васъ, какъ своихъ дѣтей; который „ласкается, что и вами любимъ же? покажите ему „единый опытъ того: требовать онаго отваживается „онъ. Снимайте съ себя воинскіе доспѣхи. Не могу „видѣть васъ облеченными въ оныя безъ сокрушенія. „Всѣ и каждый по томъ да поспѣшаетъ въ мирѣ къ „жилищамъ своимъ. . . . Тако повелѣваю вамъ.„

Вдругъ наполняется воздухъ радостными восклицаніями. Чиновники, простые ратники другъ предъ другомъ свергаютъ съ себя оружіе, и каждый идетъ веселяся въ домъ свой.

Слухъ о произшествіи таковомъ разсѣялся по области, а далѣе и по всему Китаю. Собранія, бесѣды, разговоры семейственные, его одного имѣютъ предметомъ. Не вѣдаютъ, кому дать предпочтеніе, мудрости ли Странoначальника, или послушанію подчиненныхъ его. Страны, обитаемыя столь добродѣтельными человѣками, суть святыни для всѣхъ. Никто не дерзаетъ безпокоить ихъ; напротивъ же всѣ поспѣшествуютъ обилію и безмятежію окрестностей Пинг-Юэнскихъ.

Нѣкто изъ потомковъ Государей Ганскія династіи превозмогъ надъ соперниками своими, и воцарился подъ имянемъ Коанг-У-Тія. Призвалъ Фу-Тиана ко Двору, возвелъ въ первѣйшіе чины, удостоилъ его довѣренности своей, почтилъ степеньми Государственнаго Дѣловца и Князя Янг-Тускаго.

Фу-

Фу-Тшанъ жилъ при Императорѣ семъ тринатцать лѣтъ, доставляя его наипріятнѣйшими въ жизни минутами. Скончался, оставивъ по себѣ сына Фу-Гоа, достойнаго подражателя себѣ во всемъ.

Правнукъ Фу-Гоевъ имяновался Фу-Ки. Отъ него рожденъ Фу-Тше, Мандаринъ степени Та-Тсээ-Нунгъ, коего сынъ Фу-Уангъ удостоенъ былъ вступленія въ семейство Государей своихъ, женясь на Янг-Нганѣ, дочери Императора Гуен-Тія. Отъ сего брака произошла супруга сему Императору; онъ и она лишилися жизни во времяна междуусобныя, коими разрушилась Имперія до составленія трехъ Царствъ. Тсао-Тсао ставъ обладателемъ той части Китая, гдѣ находился Императорскій Дворъ, истребилъ потомство Фу-Шенга, не оставивъ въ живѣ ниже одной отрасли крови его (*).

(*) Повѣствованное здѣсь мною о Фу-Шенгѣ, его школѣ, его семействѣ, взято изъ Лѣтописей Шенг-Менъ Ли-Ю-Тунгъ, Кеуэ-Ли-Тше, Тсанг-Шу и иныхъ сочинителей.

Су-Тсеэ КингЪ, ДѢловая особа.

Су-Тсеэ-КингЪ, инако называемый Су-У, сынЪ Су-Кіена, одного изЪ знаменитѢйшихЪ МандариновЪ по Имперіи во дни Гіа-У Тія, пятаго Императора Ганскія династіи. За отеческія заслуги вЪ молодыхЪ еще лѢтахЪ началЪ получать высокіе чины. Учтивство, просвѢщенный науками разумЪ, прилѢжаніе кЪ должностямЪ званія своего, безкорыстіе, правота, и иныя многія добродѢтели, учиняютЪ его любезнымЪ для зависящихЪ отЪ него, почтеннымЪ же отЪ вышшихЪ. ВЪ сороковое лѢто царствованія Гіао-У-Тія, то есть за сто одинЪ годЪ до рождества Христова, Су У былЪ МандариномЪ степени Тшунг Нанг ТсіангЪ, когда прибыли Послы отЪ ТатарЪ Гіунг-НускихЪ. Дикіе сіи орды вели себя не столько данниками Китайскихъ Государей, какЪ ихЪ врагами. Частыми набѢгами и грабежами разоряли и опустошали порубежныя мѢста. НапослѢдокЪ даже до того усилились и ввели вЪ обычай своевольствовать, что должно сЪ державцемЪ ихЪ стало обходиться Императору, какЪ сЪ равнымЪ. СЪ обѢихЪ сторонЪ отправлялися уже посольники рѢшить общія дѣла; а вЪ вѢрности точнаго исполненія договоровЪ, взаимно же размѢнивалися знатными особами вЪ залогЪ.

Таковые договоры тщательно наблюдаемы были Китайцами; коварство и обманы напротивЪ завсегда оказывали Татара. КакЪ жили только разбойничествомЪ, то наислабѢйшіе поводы не пропускали вЪ нарушенію обязательствЪ; даже до вратЪ городовЪ Китая доходили непріятельски, и обременися добычами, возвращались во своя нажидать перваго удобняго случая кЪ подобному же вѢроломству. Имперія Китайская

Су-тзее-кинг, или Су-у.

ская была въ силахъ наказать ихъ; но владѣлъ сю Государь миролюбный, лучше восхотѣлъ прекратить съ ними всякую вражду чрезъ посольства и совѣщанія, нежели оружіемъ. Гіао-У-Ти отряжаетъ къ нимъ десять изъ первѣйшихъ Государственныхъ Чиновниковъ, главными же были Као-Ки и Лу-Тшунг-Куэ. Имъ надлежало доводить Татаръ къ выдачѣ всего похищеннаго у Китайцевъ, чтобъ не дѣлали къ тому набѣговъ и не разоряли порубежныхъ жителей. Гіунг-Нусцы, ни во что вмѣняя право народное, учреждали у себя Пословъ и всячески преклоняли у нихъ остаться навсегда. Императоръ велѣлъ переловить Татаръ, которые на то время случилися въ областяхъ его.

Въ такомъ состояніи были дѣла, какъ скончался Гіу-Ли-Гу, Тшан-Ю, или Царь Гіунг-Нускій. Мѣсто его заступилъ братъ его Кіу-Ти-Геу. Новый Тшан-Ю находя себя въ опасности отъ Китайцевъ, особливо же за послѣднюю поступку братнюю въ разсужденіи Пословъ, возхотѣлъ снискать дружество послѣднихъ, или по крайней мѣрѣ отвлечь ихъ, дабы не присоединилися къ тѣмъ посреди Татаръ, которые объявили уже себя непріятелями его. Покорность избралъ за наилучшее средство; наиспособнѣйшіе мужи Двора его получаютъ велѣніе препроводить Куо-Кіа, Ліу-Тшунгъ Куэа и еще многихъ Китайцевъ, плѣненныхъ на войнѣ и похищенныхъ насильственно, къ Государю ихъ. Сихъ своихъ Вельможей нарекъ Послами къ великому Обладателю Китая, коему впредь будетъ онъ повиноваться, какъ сынъ отцу, какъ младшій въ семействѣ старѣйшему предъ собою.

Татарскіе Послы прибыли въ столицу Китая сорокъ перваго лѣта царствованія Гіао-У-Тін. Под-

несли ему дань, вручили увѣрительныя о себѣ письма и говорили имянемъ Царя своего, что Гіунг-Нусцы не будутъ уже никогда безпокоить его подданныхъ, напротивъ же всячески стараться загладить въ мысляхъ послѣднихъ праведныя причины къ жалобамъ; что возвращеніе Куо-Кіа, Лу Тшунгъ-Куэа, и иныхъ многихъ, есть несомнѣнное доказательство истинны словесъ ихъ, Татарскихъ Пословъ.

Гіао-У-Ти радъ былъ тому; а чтобы никто и никогда не могъ превзойти его въ великодушіи, повелѣваетъ угощать Пословъ со всѣми возможными почестьми; отряжаетъ нарочныхъ и многоцѣнные дары Царю Гіунг-Нускому. Первымъ надъ прочими назначается Су-У, который и отправляется въ путь въ третію луну, перваго изъ годовъ, нареченныхъ Тіен-Нганъ, за сто лѣтъ до рождества Христова.

Су-У съ товарищи при дворѣ Татарскаго Царя находитъ затрудненія, какихъ не ожидалъ. Тщетно требуетъ выдачи поселившихся Китайцевъ въ ордахъ его. Кіу-Те-Геу подговариваетъ и вновь прибывшихъ къ нему, особенно же Су-Уа остаться при немъ всякими обѣщаніями соблазняя.

Су-У, мужъ достоинствъ рѣдкихъ, строгій наблюдатель должности подданнаго, отмещетъ таковыя предложенія негодуя; наститъ съ большимъ усиліемъ объ отпускѣ измѣнниковъ отечества своего. Столь благоразумныя пріемлетъ мѣры, что Царь Татарскій соглашается наконецъ исполнить его требованія. Приближился уже день послѣдняго допуска къ нему; но отъ внезапнаго приключенія изчезаютъ его надежды и едва самъ онъ не лишается жизни.

Тшанг-

Тшанг-Тшенгъ, второй по немъ, нѣкогда бывалъ другомъ Ю-Тшангу, одному изъ поселившихся Китайцовъ въ Татаріи. Сей наскучивъ сего рода ссылкою, провождая жизнь удаленно отъ наилюбезнѣйшихъ себѣ людей, мыслитъ, какъ бы получить прощеніе отъ Императора. Остановился на томъ, чтобъ поднести ему голову другаго подобнаго же бѣглеца, имянемъ Уэи-Ліуа, въ великой чести и довѣренности при Царѣ Татарскомъ. Прежде нежели приступить ему къ тому самымъ дѣломъ, открылъ намѣреніе одному изъ Пословъ Китайскихъ Тшангъ-Шенгу, которой не только совѣтуетъ умертвить Уэи-Ліуа, но и увезти насильственно Іэн-Тшею, мать Тшан-Юэ. Похищеніе Государыни сей представляется умыслителямъ наивѣрнѣйшимъ средствомъ къ выпуску въ отечество всѣхъ задерживаемыхъ Татарами.

Дѣло таковое не могло быть исполнено инако, какъ многолюдствомъ. Тайна открылась. Ю-Тшенгъ взятъ подъ стражу, допрашиванъ, признался; не скрылъ и того, что вторый Посолъ Китайскій участникъ заговора. Тшанг-Шенгъ, узнавъ о томъ, обнажаетъ душу предъ Су-Уэмъ; извиняется несомнѣнною надеждою оказать услугу Имперіи, благоугодить Государю, естьли предпріятіе возъимѣетъ успѣхъ. Су-У не можетъ обуздать гнѣва: . . . . Проклятый человѣкъ! говоритъ ему, развѣ послалъ насъ Императоръ „съ тѣмъ на сіи мѣста, чтобъ мы злодѣйствовали? „Развѣ съ тѣмъ, чтобъ мы посрамили званіе Пословъ „предъ лицемъ звѣрскаго здѣшняго народа? Я виновенъ, что избралъ въ товарищи столь гнуснаго „изверга, наносящаго безславіе великому нашему Обладателю. Какъ посмѣю явиться къ нему? Нѣтъ! не „снести его взоровъ! умремъ же.„ Выговоривъ последнее слово, обнажаетъ мечь, хочетъ пронзить грудь

свою

свою, но Тшанг-Шенгъ, бросившись на него, не допускаетъ.

Въ то самое мгновеніе входятъ вооруженныя люди, емлютъ Пословъ, ведутъ ихъ къ Китайцу измѣннику Уэи-Ліуу, коему поручено было Царемъ Татарскимъ произвести надъ ними уголовное слѣдствіе и осудить, къ чему явятся достойны. Уэи-Ліу вѣдалъ безвинность Су-Уа; однако же, дабы заставить его не возвращаться въ Китай, признаетъ и его участникомъ злоумышленія, сулитъ ему прощеніе за такую цѣну; сулитъ самыя знатнѣйшія степени и почести при Дворѣ Царя своего. Сей возражаетъ ему язвительными укоризнами въ предательствѣ природному своему Государю, и что даже до того онъ подлъ, осмѣливаяся совѣтовать ему подобное же учинить злодѣйство. Уэи-Ліу старается оправдать удаленіе отъ отечества; напослѣдокъ даетъ ему знать, что со всею его силою при Шан-Юѣ не можетъ избавить его отъ смерти, естьли не согласится исполнить волю послѣдняго: . . . „Измѣнникъ! отвѣчаетъ Су-У; „не смерти боюся я, но безчестія. Уличу тебя, что „не пекуся о жизни. Сіе желѣзо (ухватяся за мечь „свой и обнаживъ оный) не допуститъ меня сомовидствовать новѣйшее твое злодѣяніе; не велѣніемъ Царя „безчеловѣчнаго, ниже руками невольниковъ его, какимъ „не стыдишся быть и ты, проліется кровь Посла „Китайскаго: да узнаетъ нѣкогда Великій мой Государь причину смерти моей!„

Ударъ совершенъ при изреченіи послѣднихъ словъ; падаетъ бездыханенъ. Уэи-Ліу мчится во Дворецъ, доноситъ Царю случившееся, который вопрошаетъ его: . . . „Уже ли въ немъ нѣтъ никакихъ остатковъ жизни? . . . Точно сказать не могу, а только

„пла-

„плаваетъ въ крови своей . . . . Спѣши же обратно, и естьли еще не умеръ, всячески старайся „излѣчить его; скажи ему, что онъ совершенно „оправданъ въ моихъ мысляхъ; что вѣчно буду имѣть „къ нему почтеніе; что увидитъ, какъ умѣю отличать Пословъ Великаго Государя; чтобъ пекся только возстановить здоровье свое. Исполню безъ „изключенія все то, за чемъ онъ прибылъ ко мнѣ, „чтобъ былъ токмо спокоенъ.

„Уэи-Ліу-находитъ Су-Уа еще дышаща, „обвязываютъ рану его, не забываютъ никакихъ по„мощей въ его состояніи. Какъ скоро открылъ глаза „и пришелъ въ себя, пересказываютъ ему слова Царя „Татарскаго. Чрезъ мѣсяцъ времяни вылѣчивается. „Предсталъ Тшан-Юу благодарить его за милостивыя обнадеживанія, и продолжаетъ: . . . . Овладѣвшая скорбь душею моею, когда услышалъ о мерзостномъ злоумышленіи, составившемся безъ вѣдома „моего нѣкоторыми изъ принадлежащихъ мнѣ; гнусность сопричисленія и меня собственно къ нещастію „таковому, посрамили вдругъ и меня лично, и мое „званіе, и моихъ соотечниковъ вообще, и великаго „Самодержца, Государя моего. Явили мнѣ самаго меня недостойнымъ жить болѣе. Поднялъ на себя руки. Посолъ, коего подчиненные злодѣйствуютъ, не „можетъ разумѣться безвиннымъ. Тако по меньшей мѣрѣ мыслятъ обычайно человѣки. Однако же не ты, „Царю! прозорливость твоя обнажила предъ тобою „истину, правота твоего сердца не позволила тебѣ сокрыть того отъ меня. Твои слова, пересказыванныя мнѣ Уэи-Ліуэмъ, паче подѣйствовали надъ „моею раною, нежели всякія лѣкарства. Ты одинъ „возвратилъ мнѣ жизнь, тебѣ одному остаюся дол-

„женЪ ею. Не здѣсь мѣсто доказывать за что благо-
„дарность, а предоставляю, когда прибуду обратно
„во своя. Тамо предЪ очами священнаго моего Вла-
„дыки буду повѣствовать сЪ точностію, что я
„видѣлЪ при ДворѢ твоемЪ. Скажу: . . . Сіи Гіунг-
„Нуцы, толикократно нарушавшіе обѣты свои кЪ
„намЪ, толикократно вмѣнившіе себѣ вЪ забаву опу-
„стошать рубежи наши, похищать подданныхЪ тво-
„ихЪ, Государь! отгонять скотЪ; сіи Гіун Нусцы,
„нынѣ уже не таковы, праводушны. Царствуешь
„надЪ ними мужЪ, умѣющій чтить добродѣтель, на-
„казывать преступленія: тому я и свидѣтель и
„опытЪ. ВѢроломецЪ, коего кЪ нещастію имѣлЪ со-
„товарищемЪ вЪ посольствѢ моемЪ, скрытно отЪ ме-
„ня составляемЪ заговорЪ; открылся: онЪ взятЪ
„подЪ стражу. Береть прибѣжище кЪ праву народно-
„му, ограждающему безопасностію личною ПословЪ:
„званіе, которое самЪ вЪ себѢ попранилЪ злодѣяніемЪ,
„слѣдовательно самЪ же себя и лишилЪ онаго. Выры-
„вается у него изо устЪ имя мое; не могЪ я быть
„не подозрѣваемЪ, а по тому судилЪ я самЪ себя
„недостойнымЪ болѣе жить. Рѣшился умереть отЪ
„руки моей. Желѣзо вонзилЪ вЪ грудь: но не могЪ
„совершенно пресѣчь мое бытіе. ИзЪ глубокія раны
„потекла кровь ручьемЪ, память и чувства оставили
„меня; но еще дышалЪ. Премудрый обладатель Гіунг-
„Нуцев узнавЪ сіе, поспѣшаетЪ со всевозможными
„ко мнѣ помощьми; возвращаетЪ вЪ число живыхЪ:
„вЪ краткое время исцѣляюсь я.

„КЪ таковымЪ благотвореніямЪ своимЪ для ме-
„ня лично, пріобщилЪ онЪ знаки благоговѣнія своего
„кЪ священной твоей особѣ, безпредѣльнаго покоре-
„нія хотѣніямЪ твоимЪ. На все требуемое мною тво-
„имЪ

„ имъ именемъ соглашается безъ изъятій, безъ условій, единое имѣя мѣтою, обрѣсти благодать предъ „ тобою, сообразуяся токмо съ правосудіемъ и невазорностію. Съ таковыми-то Самодержцами Имперія „ твоя, Государь, долженствуетъ заключать вѣчные „ союзы: ихъ-то сынамъ довлѣетъ отдавать въ супружество дщерей Императоровъ Китая; подобныя „ же сродненія да связуютъ Вельможей ихъ съ нашими Вельможами. Народы сіи съ твоимъ Народомъ, „ Государь, какъ единоплеменныя по разнымъ областямъ, какъ подданные одного и того же обладателя. Повели токмо, и Гіунг-Нусцы послушествуютъ тебѣ. Они да просятъ у тебя, а ты да снизходишь къ нимъ милостьми твоими. Татарія не „ будетъ уже служить убѣжищемъ для преступниковъ и недовольныхъ правительствомъ твоимъ; Мандарины твои воздержатся отъ всякаго преткновенія; ибо нѣтъ уже для нихъ мѣста, гдѣ бы ненаказанно укрываться. Подданные твои, коихъ мнѣ „ выдали руками, коихъ привожу къ тебѣ, послужатъ „ предотвращеніемъ подобнаго поползновенія.„

Рѣчь сія Су-Уа произвела въ мысляхъ Царя Татарскаго противное дѣйствіе чаянію его. Наполняется великимъ почтеніемъ къ произнесшему ее; предпріемлетъ удержать его, обогатить, возвести на самыя высокія степени знатности, и чрезъ то привергнуть его къ себѣ. Дѣло сіе возлагаетъ на Уэн-Ліуа, не отваживаяся самъ собою приступить къ оному.

Сей не щадитъ ни обѣщаній, ниже угрозъ: „ „ Естьли не отринешь предлагаемаго мною тебѣ, въ „ богатствѣ и силѣ будеши мнѣ равенъ. Многія ты-

„сящи людей послушествуютъ мнѣ, какъ бы были „подданные мои; имѣю конскіе заводы, какихъ пожелать лучше не можно; безчисленныя стада пасутся у меня на тучныхъ лугахъ; имѣю плодоносныя нивы почти на неизмѣримое разстояніе; на „самомъ верьхѣ щастія и славы; во всемъ обилую. „Послушайся, окончи дни свои въ предѣлахъ сихъ. „Въ противномъ случаѣ не льстись увидѣть паки „отчизну твою. Сія есть непреложная воля моего „Царя. Въ противномъ случаѣ не вступлюся за тебя. „Самъ ты будешь причиною гибели твоей. . . . Презираю всякое ходатайство за меня измѣнника Государю и отечеству: убѣгать тебя буду вездѣ, сколько могу: но прежде выслушай то, въ чемъ состоитъ должность твоя. На мѣстахъ рожденія твоего имѣлъ ты знатный чинъ. Подлая душа твоя „влечетъ тебя въ страну чуждую; часть Самодержавія законнаго твоего Государя была тебѣ ввѣрена; „но ты, гнусный человѣкъ, мѣняеши на иго рабства чужестраннаго, да и не стыдишься оное носить, дабы избѣгнуть праведно заслуженное наказаніе; ищеши безопасности въ народѣ дикомъ, паче „нежели въ милосердіи Императора, всегда готоваго „прощать. Послѣднее сіе злодѣяніе твое не можетъ „инако загладиться, какъ наилютѣйшею казнію. Однако же и еще предостается къ тому стезя. Повѣрь мнѣ, оставь страну сію; воспользуйся моимъ „отъѣздомъ; упади къ ногамъ природнаго твоего „Государя: покайся предъ нимъ отъ всей искренности, и послѣ умри, жалѣя, что ты его прогнѣвалъ.„

Во гнѣвѣ вырывалися иногда слова изо устъ его: Царь варварскій, народъ грубый; а сіе служитъ поводомъ Уаи-Ліу удовольствовать свое мщеніе. Оставляетъ

вляетъ вдругъ Катайскаго Посла, идетъ обвинять его предъ Шан-Юэмъ.

Сей, не умаляя почтенія, которое возымѣлъ въ Су Уу, раздражился до крайности, что не только отвергаетъ милости его, но и поноситъ его язвительно. Естьли бы послѣдовалъ первымъ движеніямъ досады, въ тотъ же бы часъ велѣлъ его казнить смертію: но предпочелъ тому отъимать жизнь Су-Уа протяжно, надѣяся учинить его сговорчивымъ. Низверженъ онъ былъ въ глубокій ровъ умереть съ голоду, естьли не будетъ уничиженно просить пощады и не возхощетъ вступить въ службу Татарскаго Царя.

Приговоръ таковый исполненъ. Су-У снизходитъ въ ровъ; одѣянный рубищами, опираяся простымъ жезломъ, на концѣ коего, ругаяся ему, привязано было нѣсколько коровьей шерсти, вмѣсто знака, отличающаго посольское его достоинство. Мужъ мудрый все обращаетъ къ чести своей и соображается съ обстоятельствами. Разумѣя себя подозрѣваемымъ основательно въ преступленіи, безчестящемъ и Государя его и его соотечниковъ, судилъ самъ себя недостойнымъ жизни, и лишался уже единожды оныя собственными своими руками, но когда сталъ увѣренъ, что невинность его извѣстна, сохраняетъ ту же самую жизнь тщательно. Настоялъ случай торжественно ему доказать мужество свое. Рубищи, коими покрывался, къ тому ему служили: раздралъ на самыя мѣлкія частицы и вмѣстѣ съ снѣгомъ, обильно падающимъ въ ровъ, употреблялъ въ пищу. Приставленные къ нему стражи на вопросы ихъ, уже ли соглашается откупиться отъ смерти повелѣваемою отъ

Царя цѣною, и наскучивъ какъ его упорствомъ, такъ и тѣмъ, что такъ долго не умираетъ, совершенно впрочемъ вѣдая, что ни откуда не приносятъ ему ничего снѣднаго, начали почитать сіе чудомъ вышеестественнымъ. Пропускаютъ еще нѣсколько дней, по томъ представъ къ Царю, говорятъ: . . . „Китаецъ, осужденный тобою, Государь! умереть съ „голоду, человѣкъ превыше человѣковъ: надобно, „чтобъ былъ онъ или нѣкій духъ, или любимецъ ка„кого либо всемогущаго безплотнаго, дающаго ему не„видимо пищу. . . . Естьли въ самой вещи онъ чело„вѣкъ чрезвычайной, дадимъ ему случай проявить дѣ„ла чрезвычайныя же. Возмите, отведите на вскрай „моря, да пасетъ стадо овновъ, въ которомъ бы не „было ниже одной овцы. Скажите ему имянемъ „моимъ, какъ скоро овны, ввѣренные паствѣ его, объ„ягнятся, отпущу его съ честію въ отечество.„

Паки увѣщавается, дабы помиловалъ самъ себя и заслужилъ милости и почести Царя; что безумно предпочитать бѣдственное разрушеніе жизни тому превеликому щастію, которымъ чрезъ одно токмо слово доставить себя можетъ. Су-У отвѣчаетъ: . . . „Когда я не боялся дать мнѣ смерть, не боюся и „продолжать жизнь мою. Да подавляютъ меня не„сносными трудами, да истощаютъ самыя наилютѣй„шія кары мучительства; готовъ на все. Поднесь „ни чемъ не нарушалъ я должностей моихъ; нахожу „въ себѣ довольно духа и силы пребыть таковымъ „навсегда. Ведите, куда предписано вамъ.„

По многихъ дняхъ шествія, сдаютъ его нѣкоему мѣлкому чиновнику береговой стражи. Сей препоручаетъ ему стадо овновъ, между коими не было ниже

же одной овцы; назначаетъ пажити, извѣщаетъ его, что не будетъ имѣть ни какія иныя пищи, окромѣ самой отвратительной, дабы только ему не издохнуть. . . . „Отъ тебя зависитъ, продолжаетъ чи„новникъ, учинить ся наиблагополучнѣйшимъ челов„комъ; покорися изволенію Царя. . . . выговори, что „хощеши ему служить, и увидимъ въ тебѣ перваго „по немъ.„ Су-У кажетъ жезлъ чиновнику съ клокомъ коровьей шерсти, на концѣ и произноситъ немногія слова: . . . „Знакъ сей достоинства моего „предотвращать будетъ меня отъ всего того, что „услышу отъ тебя и подобныхъ тебѣ, ко отвле„ченію меня отъ долга моего. Я Китаецъ, никогда „не возъимѣю инаго Государя, кромѣ Императора „Китайцевъ же.„ Тотчасъ гонитъ стадо на первый лугъ, встрѣтившійся взору его.

Не ропщетъ противу Небесъ, не жалуется на жребій, не злорѣчитъ на правосудіе человѣковъ, но всесовершенно предаетъ себя промыслу Всевышняго. Хранитъ равнодушіе, свойственное только мудрымъ мужамъ, любящимъ добродѣтель, простирающимся въ законахъ ея. Начинаетъ новой родъ жизни, таковыя, какъ бы была она подражательная жизни же предковъ его, къ которой предуставленъ породою своею. Шесть первыхъ лѣтъ были для него несноснѣйшимъ искусомъ самаго себя. Въ дикой песчаной пустынѣ, на которой изрѣдка расли немногія былинки; долженствовавшіе въ уреченные дни приносить къ нему пищу, или пропускали оные часто, или и совсѣмъ не являлись. Рубищи его спали отъ ветхости; одна твердость души и примышленія въ толикой крайности подкрѣпляютъ его.

Не

Не подалеку отъ мѣстъ, отведенныхъ ему пасти стадо, былъ узкій перешеекъ земли, вдавшійся въ море, подъ непроходимымъ лѣсомъ. Тамо-то наискивалъ онъ корней и питался ими; устроилъ луки и стрѣлы, плелъ сѣти изъ древесныхъ лыкъ: ловилъ птицъ и рыбу.

Старинная есть пословица: . . . „Добродѣтель „не можетъ вовсе неизвѣстною оставаться, хотя „бы скрылась подъ девятымъ слоемъ земныя поверх„ности. Сіяніе ея проникнетъ и уразитъ глаза по „крайней мѣрѣ хотя одного токмо изъ человѣковъ.„ Шесть лѣтъ протекли. Присмотры за стадомъ, доставаніе пищи, занимали всѣ часы житія Су-Уэва. Не ожидалъ уже помощи ни откуда, разумѣя себя забвеннымъ отъ всего рода человѣческаго; но имѣлъ тайныхъ назирателей: они вѣрно доносили Царю о всемъ до него надлежащемъ.

Изъ братій послѣдняго, (Лѣтописи нарицаютъ его Ю-Кан-Уангомъ) удивленный сказаніями о Су-Уѣ, возхотѣлъ видѣть его. Удѣлъ владѣнія его. Касался морю съ той стороны, гдѣ провождалъ онъ страдальческую жизнь. Конскія и овечьи стада давали сему Князю большую часть его доходовъ. Подъ прикровеніемъ осмотровъ принадлежащихъ ему земель отправляется на ловлю (обычай нѣкогда имѣли Татарскіе Князи, звѣроловствуя осматривать недвижимыя свои имущества по малымъ ордамъ, которыми владѣли). Достигнувъ моря, ищетъ по берегамъ онаго знаменитаго пастыря. Находитъ; бесѣдуетъ съ нимъ, чудится его премудрости, наполняется почтительностію къ нему и благоговѣніемъ. Разстается и говоритъ: . . . . „Явно покровителемъ твоимъ быть не могу „безъ

„ безъ прогнѣванія брата моего, однако же не отчаявайся: можетъ быть настанетъ день, и возвратишся съ честію во своя. Между тѣмъ ничего не „ упущу облегчать мученія твои. „

Ю-Кан-Уангъ сдержалъ слово. Руки его простерлися къ оставленному отъ всѣхъ на земли. Су-У не имѣетъ уже недостатка въ жизненныхъ потребностяхъ всякаго рода, да и тако, что Царь не можетъ имѣть подозрѣнія. Нарочные изъ приставниковъ къ стадамъ Ю Кан-Уанга, размѣщаются въ нѣкоторомъ извѣстномъ одинъ отъ другаго разстояніи, и приносятъ къ Су-Уу снабдѣнія владѣльца своего.

Человѣколюбный сей Князь жилъ послѣ того три года, не преставая благодѣтельствовать нещастному чужестранцу. На смертномъ одрѣ завѣщаваетъ дѣтямъ своимъ не покидать бѣднаго Су-Уа. Проситъ у брата послѣдніи милости, не препятствовать въ томъ. Скончался, и завѣщаніе его исполняется въ точности; Су-У внезапу приводится въ равное состояніе богатѣйшихъ края того жителей.

Царь однако же не покидаетъ прежняго намѣренія. Уважая волю братнюю, притворяется на нѣсколько времяни; но прежде прошествія года, Уэи-Ліу посланъ возобновить прежнія покушенія надъ Су-Уемъ.

Сей, называвшійся при Татарскомъ Дворѣ Княземъ Тинг Лингъ, внутренно былъ увѣренъ, что не превозможетъ надъ твердостію соотечественника своего; опустошаетъ мѣста принадлежащія ему, похищаетъ его шатры и отгоняетъ скотъ, оставивъ

токмо ему пятьдесятъ овновъ безъ овецъ; произноситъ прежнюю же насмѣшку: . . . „Какъ скоро овны „сіи ягниться начнутъ, будутъ доить ихъ, тогда „Су-У отпустится въ Китай.„

Приведенный въ нищету, каковъ былъ сначала ссылки своей, слышитъ послѣднія слова Уон-Ліуа: . . . „Еще разъ говорить съ тобой хочу, да и никогда уже болѣе не увидишь меня; еще разъ дружески тебѣ совѣтую, выложи изъ головы, что „когда нибудь возвратишися въ отечество; понапрасну мучить себя. Мнимая твоя добродѣтель, вѣрность къ Государю твоему, ничемъ не преодолимая, „коими тщеславишься, и всѣ тѣ хитросплетенныя „рѣчи, которыя говорилъ ты во многихъ случаяхъ, „пребудутъ въ вѣчной неизвѣстности предъ свѣтомъ, а станутъ вѣрить напротивъ, что ты самопроизвольно остался въ странѣ сей. Въ нашей состоитъ волѣ разсѣять слухъ таковый даже до твоихъ семьянъ. Я беру то на себя. Послушайся же, „премѣнися доброю волею, не имѣй сомнѣнія, что „самое сіе мгновеніе будетъ начаткомъ щастія; инако же умереть ты долженъ: теперь же велю отрубить тебѣ голову. . . . Не могу преславнѣе оканчать жизнь, отвѣтствуетъ Су-У. Умереть вѣрнымъ законному Государю, есть общій долгъ подданныхъ; умереть же за непреклонность вѣрность „ему сохранять, есть долгъ необходимый для удостоенныхъ довѣренности его. Я Посолъ великаго „Императора отъ крови Гановъ: какъ же могу вдругъ „нарушить обязанности мои Самодержцу, отечеству, „степени, которою почтенъ я, и самому мнѣ собственно? Сила въ рукахъ твоихъ, противиться не „могу. Вотъ голова моя: естьли смѣешь, отруби

„ее;

„ее; но помысли о всѣхъ тѣхъ злоключеніяхъ, какія „навлечешь чрезъ оное на того, коего безстыдно „имянуешь Государемъ твоимъ.

„Довольно извѣстна тебѣ Исторія наша. При„веду тебѣ на память нѣкоторыя изъ ней мѣста. „. . . Народъ Нан-Юэскій умертвилъ Посла Китай„скаго; что же онъ нынѣ? . . . Завоеванная область „Имперіи. Уанскій Царь велѣвъ застрѣлить одного „изъ Пословъ же нашихъ; чрезъ немногіе дни застрѣ„ленъ и самъ: голова его долго висѣла надъ сѣверны„ми вратами столицы нашей. Царь Тшао-Гіэновъ „лишилъ жизни Посланника же Китайскаго: остался „ли ненаказанъ? Тьмочисленныя войски нашли его на „самомъ отдаленномъ краю его областей, опустоши„ли достояніе его, истребили его семейство, соб„ственная его жизнь вырвана мученіями. Вѣдаешь, „что я ни за что на свѣтѣ не буду измѣнникъ. Умру „отъ рукъ твоихъ. Великій Самодержецъ Китая „безъ сомнѣнія отмститъ за меня; ибо обижается „онъ: что же постигнетъ Царство Гіунг-Нуское? „колико прольется крови за столь малое количество „одной моей крови!„

Пораженный слышаннымъ Уэн-Ліу, кладетъ мечь во влагалище, отходитъ съ бывшими. При немъ оставляетъ навсегда человѣка, коего добродѣтель поколебать отчаявается.

Императоръ У-Ти не забываетъ между тѣмъ Дѣловца своего; касается слуху его извѣстіе объ его вѣрности къ нему и како страждетъ отъ Татаръ. Многажды посылаетъ грамоты, требуя возвращенія удерживаемыхъ, особенно же Посла своего и его спут-

 ни-

никовъ, но отвѣтствуется токмо новыми оскорбленіями. Вооружается. Войски его сначала успѣваютъ; но появившіеся недостатки въ съѣстныхъ вещахъ возбраняютъ оному простирать далѣе побѣды.

Чрезъ годъ паки въ походъ выступаютъ подъ предвожденіемъ *Ли-Коанг-Ліи*, и уже за рубежами. *Ли-Лингъ*, племянникъ наименованнаго Полководца, ставъ недоволенъ, что удерживаютъ его оберегать токмо обозы, приноситъ жалобы Императору; допускается до него, слышитъ слова сіи изъ его устъ: . . . Слы„халъ я о тебѣ много; сказывали мнѣ, что ты „вступаешь въ слѣды *Ли-Коанг-Ліи*; что владѣешь ору„жіемъ съ ловкостію и проворствомъ; что ты чело„вѣколюбенъ, обходишься токмо съ честными людьми, „избирая между ими друзей тебѣ: но слышалъ же и „то, что ты не доволенъ порученною тебѣ должно„стію оберегать обозы. Откройся мнѣ, какую же „бы иную исполнить ты хотѣлъ? „

„Государь! я могу начальствовать войсками, „сражаться съ непріятелями твоими. Жители Кинг-„Тшускіе видѣли, каковъ я съ оружіемъ въ рукѣ; „вѣдаютъ, сколь мѣтко попадаю, во что бы ни цѣ„лилъ; извѣстно имъ, что не имѣя никакого оружія „въ силахъ преодолѣвать наисвирѣпѣйшихъ тигровъ; „а меня оставляютъ для провозовъ съѣстныхъ вещей „и иныхъ воинскихъ потребностей! Естьли угодно „тебѣ, Государь, дай мнѣ отдѣленный участокъ „ратниковъ: съ ними найду я Гіунг-Нускаго Царя „даже и въ самомъ сердцѣ его земель.

„Но, возражаетъ Императоръ, почти всѣ уже „конныя мои войски въ полѣ. . . Всадники или пѣ-

„хо-

„хотя для меня равно. Пожалуй только мнѣ пять „тысячь человѣкъ, обращу на меня часть силъ „Тшан-Юэвыхъ и чрезъ то ослаблю его противу моего дяди.„

Пять тысячь пѣхоты дано *Линг-Лингу*. Съ поспѣшеніемъ достигаетъ онъ горы Сіуэн-Ти Шанъ: едва успѣлъ разбить шатры, устремляются на него тритцать тысячь Татаръ; идетъ на встрѣчу; строится въ боевой порядокъ; не малую часть непріятелей кладетъ на мѣстѣ, овладѣваетъ довольнымъ числомъ коней для своихъ. Самъ Тшан-Ю съ восемьюдесятью тысячами конницы, окружаетъ его. *Ли-Лингъ* еще повергаетъ мертвыми три тысячи Татаръ, многихъ ранитъ и плѣняетъ. Тшан-Ю дрогнулъ; не сомнѣвается, чтобъ цѣлое ополченіе Китайцевъ было не близко: бѣгствуетъ, охраняетъ токмо узкіе проходы, дабы не стать принуждену къ валовой битвѣ.

На пути уже увѣдомляется переметчикомъ изъ вражескаго стана, что *Ли-Лингъ* весьма малочисленъ; что недостаетъ ему запасовъ; что далеко находится отъ главнаго Китайскаго ополченія. Тшан-Ю конницу свою, въ чемъ обычайно состоятъ Татарскія войски, раздѣляетъ на два участка: одинъ отряжаетъ пресѣчь путь *Ли-Лингу*, съ другимъ же самъ намѣревается ударить съ тылу, и тако поставить его между двухъ огней.

Ли-Лингъ, увидѣвъ внезапу себя обхваченнымъ, безъ запасовъ, безъ оружія, безъ надежды о помощи, раскидавъ въ непріятелей послѣднія свои стрѣлы, сдается. Изъ пяти тысячь человѣкъ, бывшихъ съ нимъ,

возвратилися только до четырехЪ сотЪ кЪ рубежамЪ Китая, прочіе же всѣ или убиты, или плѣнены.

Царь Гіунг-НусцевЪ, радуяся, что получилЪ вЪ руки столь храбраго воина, предлагаетЪ ему начальство надЪ всемЪ ополченіемЪ своимЪ; но отрицается дѣйствовать оружіемЪ противу соотечниковЪ. Тшан-Ю еще болѣе наполняется кЪ нему почтеніемЪ, даетЪ мѣсто вЪ СовѣтѢ и избираетЪ вЪ ближайшіе наперстники.

Ли-ЛингЪ, разумѣя себя военноплѣннымЪ, слѣдовательно ласкаяся быть размѣненЪ нѣкогда; но не замедлилЪ узнать, что за мнимую таковую вину казнили смертію всѣхЪ его семьянЪ; что знаменитаго его друга Сея-Ма-Тсіена оскопили за то только, что отважился оправдывать его предЪ ИмператоромЪ. ПризнаетЪ Тшан-Юа ГосударемЪ и безЪ отрицанія вступаетЪ во всѣ тѣ званія и должности, какими почтить его возхотѣлЪ; не чаялЪ однако же, что будетЪ заставленЪ развращать вѣрность Су-Уа. Тшан-Ю провѣдалЪ, что оба они нѣкогда засѣдали вЪ одномЪ СудилищѢ и были искренніе друзья: должно было повиноваться.

Ли-ЛингЪ достигаетЪ береговЪ Сѣвернаго моря, находитЪ стариннаго своего друга, разсказываетЪ ему о всемЪ приключившемся ему, а наконецЪ открываетЪ не обинуяся причину прибытія своего. : . . . „По „велѣнію Тшан-Юа я здѣсь. Извѣстно ему стало, „что мы нѣкогда любилися сЪ тобою нѣжно. Возхо„тѣлЪ доставить меня несравненнымЪ удовольстві„емЪ увидѣться сЪ тобою. СверьхЪ того возложено „на меня, дабы согласить друга моего Су Уа явиться

„до-

„достойнымъ его милостей: почтеніе его къ тебѣ „безпредѣльно; ничего столько не желаетъ, какъ „имѣть тебя въ числѣ подданныхъ, всего человѣчески „возможнаго ожидать отъ него можеши, чтобъ ни „произошло; твердо онъ положилъ самъ въ себѣ не „отпускать тебя въ Китай. Прошу тебя, привы- „кай забывать отчизну; ибо долженствуеши скон- „чить жизнь твою на мѣстахъ сихъ. Не будь вра- „гомъ самъ себѣ, не будь невольникъ, когда въ твоей „состоитъ волѣ стать Вельможею. Но и гдѣ на „свѣтѣ человѣки толико правосудны, чтобъ воздава- „ли справедливость добродѣтели твоей? Кто узнаетъ „когда либо, какіе суть подвиги поведенія твоего? „Послушайся, слѣдуй правиламъ мудраго мужа, подра- „жай примѣру моему.

„Нещастія одно за другимъ, постигнувшія „твое семейство, запрещаютъ тебѣ жалѣть о мѣстахъ „рожденія твоего. Два твои брата подняли на себя „руки, дабы избѣжать позорныя казни, которую ни „чемъ не заслуживали. Престарѣлая твоя мать безъ „утѣшителей, безъ помощниковъ; Императоръ не „удостоеваетъ тебя ниже напоминанія. Супруга „твоя, отчаяся когда либо услышать о тебѣ, всту- „пила въ новой бракъ. Одна остается младшая твоя „сестра съ сыномъ и дочерью твоею; но думаю, что „нѣтъ уже и ихъ въ живыхъ.

„Жизнь наша подобна утренней росѣ: отъ пер- „выхъ лучей восходящаго солнца исчезаетъ; чего же „ради дѣлать намъ ее самимъ себѣ горестною, когда „отъ насъ зависитъ премѣнить ее на пріятную и ве- „селую? Императоръ уже въ преклонности вѣка; уже „не таковъ, какимъ бывалъ нѣкогда; ни чего нѣтъ

„твер-

,, твердаго въ его дѣяніяхъ; не чтитъ уже болѣе до-
,, стоинствъ; награждаетъ токмо по прихотямъ,
,, иногда суровъ даже до звѣрства; болѣе пятидесяти
,, семействъ истреблены имъ не за преступленія, а за
,, проступки ничтожныя; ему ли въ угодность толи-
,, ко страждеши? . . . Другъ! отвѣтствуетъ Су-У,
,, отецъ мой малыя показалъ заслуги отечеству, а я
,, того мѣньше; но онъ и я взысканы великими благо-
,, дѣяніями У-Тія. Отецъ мой пожалованъ Полковод-
,, цемъ, Государственнымъ Вельможею; меня наимено-
,, валъ Посломъ своимъ въ добавокъ къ прочимъ знат-
,, нымъ чинамъ, полученнымъ мною отъ руки его.
,, Вотъ что обязуетъ меня вѣчною благодарностію.
,, Надобна ли ему моя жизнь, надобно ли дать извле-
,, щи оную наилютѣйшими карами? Готовъ. Долгъ
,, подданнаго къ Государю есть тотъ же самый, какъ
,, и сына къ отцу. Который сынъ благорожденный
,, не умретъ охотно за даровавшаго ему жизнь? Ли-
,, Лингъ! хощеши ли остаться другомъ моимъ, да не
,, услышу никогда подобнаго изъ твоихъ устенъ.

Ли-Лингъ отзывается: . . ,, Станемъ говорить
,, объ иномъ. Воля пославшаго меня къ тебѣ, чтобъ
,, я одарилъ тебя по-Царски. Со мною отпущены
,, наилучшія снѣди и напитки Двора его; со мною
,, отпущено множество музыкантовъ. Должно мнѣ со-
,, ставить предъ тобою веселѣтное пиршество. . . .
,, Изрядно! онъ намѣренъ угостить меня, какъ Посла
,, великаго Государя; не противлюсь: сядемъ же за
,, столъ, вели играть музыкѣ; званіе мое, коимъ поч-
,, тенъ я отъ У-Тія, буду удерживать до конца.,,

Полилися слезы изъ глазъ *Ли-Линга*, рыданіями,
прерывающимся голосомъ возопилъ: . . . ,, О добродѣ-
,, тель!

„тель! колико ты возхитительна! Неоцѣненный
„Су-У! ты-то по самой строгой справедливости
„премудрый мужъ!„

Оба друзья начинаютъ пиршествовать съ тою же степенностію, какъ бы находилися предъ лицемъ Государя своего. Но гдѣ происходило сіе? Въ убогомъ шалашѣ изъ древесныхъ вѣтвей, обмазанныхъ извнѣ глиною (жилище Су-Уа). На какомъ столѣ? .... Дикомъ камнѣ; разговоры ихъ имѣли одно токмо содержаніемъ: Китай. Су-У входитъ въ подробности о всемъ случившемся по отбытіи его. Съ крайнею горестію слушалъ о нещастіи Сеэ Ма-Тсіена, коего любилъ душею, и о нещастіи же нѣкоторыхъ Вельможей, коихъ разумѣлъ любви достойными. О сродникахъ своихъ умышленно не заводилъ рѣчи. Естьли *Ли-Лингъ* и начиналъ многажды увѣдомлять его объ нихъ, всякой разъ прерывалъ слова его, говоря: ..... „Ты уже сказывалъ мнѣ о семъ.„

Празднество таковое, безподобное въ родѣ своемъ, длилось многіе дни. Приспѣло время разлученія; *Ли-Лингъ* еще покушается на концѣ последняго обѣда своего съ нимъ, и тако вѣщаетъ ему: .. „Достой-
„ный другъ! можешь ли снести еще разъ убѣжденія
„мои, относительно къ волѣ Царской? .... Давно
„уже съ сей стороны почитай меня умершимъ. Ниче-
„го не могу слушать; не теряй напрасно словъ. Еже-
„ли Царь велѣлъ лишить меня жизни въ случаѣ от-
„рицанія, не противлюсь: съ радостію взирать буду,
„какъ потечетъ кровь моя отъ дружескія руки.„

Ли-Лингъ воздохнувъ, произнесъ: ... „О Тсеэ-
„Кингъ! [другое имя Су-Уа] вмѣстилище премудро-

„сти! я виновенъ; я подобенъ Уэи - Ліу. Злодѣяніе „мое вопіетъ на небо.„ Рыданія задушаютъ его голосъ, источники слезъ стремятся по лицу; встаалъ съ мѣста, простился впослѣдніе и предается пути. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ восемьдесятъ седьмомъ до рождества Христова) Императоръ Гіао - У - Ти скончался. Дошелъ слухъ о томъ въ страну Гіунг - Нускую. Ли - Лингъ пользуется случаемъ, проситъ Царя, дабы отпустить его къ Су - Уу. Получаетъ желаемое, съ тѣмъ однако же, дабы еще испыталъ силъ своихъ уговорить его.

Сей, не ожидавъ уже таковаго посѣщенія, показываетъ на лицѣ своемъ знаки удивленія и безпокойства. Ли - Лингъ вѣщаетъ ему: . . „ Успокойся! при- „чину прибытія моего угадати не можеши. Прино- „шу тебѣ печальную вѣсть; Гіао - У - Тія уже нѣтъ „въ живыхъ. Тепеть разсуждай самъ, что ты дѣлать „долженъ: найдеши меня готова помоществовать „тебѣ.„

Су - У не разверзая устенъ, обращается къ полудню. Трижды падаетъ ницъ на землю. Девять кратъ біетъ челомъ и совершаетъ прочіе обряды, бываемые при погребеніяхъ, какъ бы предстоялъ гробу Государя своего: и по томъ чрезъ многіе дни сряду то же повторяетъ на всякое утро, на всякой вечеръ.

Государственный Дѣловецъ при нововоцарившемся осьмилѣтнемъ Императорѣ Тшао-Тіѣ, по кончинѣ отца его Гіао - У - Тія, изъ главнѣйшихъ попеченій своихъ имѣлъ составить вѣрный списокъ имянъ достойныхъ и заслуженыхъ людей, дабы опредѣлять ихъ при случаѣ къ должностямъ, или награждать. Имя Су - Уа по-

помѣстилось въономъ съ отличеніемъ, а притомъ и означено было, что живъ ли онъ, еще не извѣстно. Младенчествующій Государь, коему разсказана уже была часть приключеній великаго сего мужа, говоритъ: .. „Надобно наиприлѣжнѣйше изслѣдовать о немъ; пошлю „въ Орду Гіунг-Нускую требовать возвращенія ко мнѣ „Пословъ и прочихъ подданныхъ моихъ, удерживае-„мыхъ противу народнаго права.„ Тышара отвѣтствуютъ двоесмысленно и отрицательно; но Тшао-Ти намѣренія своего не перемѣняетъ. Уже Китайцы у оныхъ не столь строго назираемы. Многіе бѣгутъ въ отечество, достальные же безъ дальнаго труда доставляютъ письма сродникамъ и друзьямъ; слѣдовательно о всемъ до нихъ надлежащемъ доходили слухи въ Китай. Вѣдали тамо, что за нѣсколько лѣтъ Кіу-Ти-Геуа не стало, а по немъ и преемника его; что царствуетъ младолѣтный отрокъ. Стеченіе случаевъ способное. Отправляется новое посольство съ предложеніемъ мира, или войны, приняты ли, или отвержены будутъ условія. Главное состояло въ отпускѣ Су-Уа и прочихъ Китайцевъ, желающихъ возвратиться во своя.

Гіунг-Нусцы во всемъ соглашаются, кромѣ Су-Уа, коего показывали уже давно умершимъ; но многіе знали о противномъ тому. Нѣкто изъ находящихся въ Ордѣ Китайцевъ тайно представляется Посламъ, нарицаетъ мѣсто пребыванія Су-Уа, сказываетъ средство, какъ получить его въ руки свои: ... „Донесите Царю, что за немногіе дни отбы-„тія вашего Императоръ забавлялся въ садахъ сво-„ихъ стрѣльбою по ластовицамъ; что упала одна съ „лоскуткомъ бумаги, привязаннымъ къ ея ногѣ; что на „ней было написано рукою Су-Уа въ немногихъ

„словахъ житіе его въ Ордѣ; что Тшао-Ти извѣ-
„стенъ о всемъ, но все же и хощетъ забыть, естьли
„отпустите къ нему Су-Уа и другихъ его поддан-
„ныхъ.„ Вымыслъ возъимѣлъ успѣхъ.

Ли-Лингъ, стыдившійся до того показаться на глаза присланныхъ отъ Императора, не можетъ преодолѣть желанія, дабы впослѣдній не увидѣться ему съ другомъ своимъ. Поспѣшаетъ, и представъ къ нему говоритъ: . . . „Любезный другъ! имя твое
„уже знаменито посреди Гіунг-Нусцевъ; достоин-
„ствамъ твоимъ, твоимъ добродѣтелямъ, готовятъ
„уже увѣнчаніе въ отчизнѣ нашей. Во всѣ грядущія
„времяна будутъ тебя приводить въ примѣръ и об-
„разецъ ненарушимыя вѣрности подданнаго къ пре-
„держащей власти. Что ты проявилъ здѣсь, превоз-
„ходитъ пишемое и изображаемое на дскахъ и на
„шелкѣ. Имя *Ли-Линга* промчится же въ потомствѣ;
„не сомнѣваюсь, но наравнѣ съ именемъ Уэи-Ліуа;
„онъ и я послужимъ въ памяти человѣковъ противо-
„положеніемъ, яко измѣнники, яко нечестивцы. Увы!
„но естьли бы клевета могла меня пощадить; есть-
„ли бы не вовсе очернили меня въ мысляхъ Гіао-У-
„Тія; когда бы Государь сей не столь поторопился
„осудить меня, или бы по малой мѣрѣ пощадилъ
„семейство мое: съ какою бы радостію сопутство-
„валъ я тебѣ нынѣ! Не мнѣ уже ласкаться тѣмъ.
„Исчезли надежды увидѣть страну рожденія моего.
„Благодѣяніями Царя Нунг-Нускаго, моимъ сродне-
„ніемъ со Уэи-Ліуэмъ, коего на дочери я женился,
„прицѣпляюся навсегда къ здѣшнимъ мѣстамъ. Без-
„цѣнный другъ! се открываю тебѣ душу мою, удо-
„стоевай нѣкогда напоминанія твоего нещастливца;
„от-

„отдавай справедливость его чувствованіямъ; про-
„сти, вѣчно тебя не забуду.„

Удаленіе отъ черты повѣствованія моего, упоминая объ *Ли-Лингѣ*, естьли такъ оное назвать можно, привело мнѣ къ слову не умолчать о военоносцѣ, достойномъ сожалѣнія. Измѣнилъ Государю, но противу воли. Имѣнія его описаны, семейство истреблено, мать умерщвлена мучительски за мнимое токмо преступленіе сыновнее. Писанное мною въ статьѣ Сэ-Ма-Тсіэна и говоренныя рѣчи по случаю его нещастія, довершитъ предъ Читателями изображеніе *Ли-Линга*, каковъ онъ былъ. Смотри статью о Сэ-Ма Тсіэнѣ.

Напослѣдокъ Су-У, въ препровожденіи девяти Мандариновъ, касается пути въ Китай. Сотовариществовалъ ему Ма-Гунгъ, знатный же Мандаринъ, который нѣкогда бывъ посланъ въ сосѣдственную Орду Гіунг-Нусцевъ, задержанъ былъ послѣдними со всѣми бывшими при немъ: подобно же Су-Уу, не хотѣлъ никогда принять службы у Царя ихъ.

Всякое повѣствованіе будетъ слабо, какими знаками радости наполнилась Государственная столица, когда узнали о прибытіи Су-Уа. Слава имяни его упредила уже оное. Когда открылось, что онъ еще живъ; что получилъ вольность и скоро его увидятъ, сталъ предметомъ нетерпѣливѣйшаго ожиданія всеобщаго, ниже одинъ житель великаго сего города не остался не искавшимъ всячески насладиться лицезрѣнія его. По первомъ слухѣ, что уже онъ близь вратъ градскихъ, стѣснилися улицы всякаго возраста и состоянія людьми. Полъ женскъ, законами благопри-

пристойности остановляемый въ домахъ, на сей разъ ропщетъ на строгость оныхъ. Прорѣзываютъ малыя отверзтія на дверяхъ, дабы видѣть, не бывъ видимы; дабы удивляться, чему удивляются всѣ.

Су-У, въ томъ же самомъ одѣяніи, изъявлявшемъ нѣкогда достоинство Посла Императорскаго, которое отъ ветхости и воздушныхъ суровостей превратилося уже въ почтенныя рубищи, имѣя въ рукѣ тотъ же самый жезлъ, которой возложенъ ему былъ въ руки при отпускѣ отъ Императора, и на которомъ вмѣсто всякаго украшенія зрѣлися малые остатки коровьей шерсти, почти уже истлѣвшей, лишившейся краски своей (*). Великій Су-У преходитъ градъ при восклицаніяхъ народа, отъ вратъ онаго до Дворца, гдѣ уже ожидаетъ его торжественная встрѣча. Юный Тшао-Ти, окруженный первѣйшими мужами Имперіи, пріемлетъ его радостно. Говоритъ: . . .
„Часто утѣшали меня повѣствованіями о тебѣ; всякой разъ находилъ я тебя образцемъ для подданныхъ моихъ; ожидалъ тебя съ крайнею нетерпѣливостію. Да узнаютъ всѣ концы владычества моего, что умѣю цѣнить достоинства и добродѣтели; что умѣю воздавать имъ почести. Гряди, достопочтенный Су-У! не трать мгновеній, гряди на мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ отца моего; соверши жертву твою, соверши всѣ обряды надъ его гро-
„бомъ

(*) Во времяна Гановъ Посламъ давалися жезлы, какой изображенъ на картинѣ Су-Уа. Называю жезлъ, за недостаткомъ изразительнаго слова, лучше бы можетъ быть могъ имяноваться знамемъ.

Знаки разныхъ степеней Мандаринскихъ и иныхъ достоинствъ, состояли или въ шитьѣ, или въ разкрашеніяхъ верьхняго передa одеждъ, какъ оное видѣть можно въ портретѣ Су-Уа.

„бомъ, свойственныя токмо единому Обладателю „Княжя. Мужу наипревосходнѣйшему, довлѣютъ наи„превосходнѣйшія же отличія. Мое дѣло впрочемъ „доставить тебя преславнымъ успокоеніемъ остат„ковъ твоея жизни.

„Отъ сего часа возвожу тебя на степень Кня„зя; въ семъ званіи соучаствуй во всякихъ чинополо„женіяхъ, отправляемыхъ во внутренности черто„говъ моихъ. Препоручаю твоему вѣдомству верьхо„вное назираніе надъ всемъ, относительно къ наро„дамъ чужестраннымъ; да прибѣгаютъ къ тебѣ съ „требованіями и прошеніями своими, съ полною до„вѣренностію; а ты будеши ходатайствовать за „нихъ предо мною. Даю тебѣ ежегодныхъ доходовъ „двѣ тысячи мѣръ хлѣба, три милліона ходячихъ „денегъ. Въ городѣ возъимѣеши великолѣпный домъ, „приличный знатности твоей; по окрестностямъ же „онаго двѣсти десятинъ земли, подъ постройку „загородныхъ домовъ и подъ разведеніе садовъ (*); „да наслаждаешися щастіемъ и увеселеніемъ, коихъ „толико достоинъ!„

Су-У отвѣтствуетъ кротко. . . . „Милости „твои снизходятъ даже и до меня. За почести, ко„ихъ удостоеваюсь, за богатства, текущія на меня „столь обильно отъ руки твоей, вѣчною токмо „благодарностію воздавать остается мнѣ. Восьмна„тцать лѣтъ вѣрность моя къ престолу твоему „выдержала наилютѣйшія испытанія, но все то сла„бое есть подобіе тому, что я готовъ доказать на „лѣ-

(*) Зову десятиною земли то, что зовутъ Китайцы Му. Му есть разстояніе земли на двѣсти сорокъ шаговъ въ длину, въ пять футовъ ширины.

„ дѣлѣ. Повелѣвай, Государь! послушествую.„ Сказавъ послѣднее слово, біетъ челомъ по обычаю; послѣ отходитъ ко гробу Гіао-У-Тія, совершаетъ обряды по Императорски.

Достойно и праведно замѣнять преславнымъ успокоеніемъ мученія, понесенныя за отечество законнаго Государя, за честь имяни Китайскаго народа. Су-У благодѣяніями Тшао-Тія видитъ себя вдругъ на верьхѣ щастія. Онъ него любимъ, уважаемъ Вельможами, совоспрошаемъ отъ Государственныхъ Дѣльцевъ, во всеобщемъ почтеніи у каждаго и всѣхъ. Ничего недоставало, какъ казалось, дабы совершенно ему благоденствовать. Но рокъ скоро низринулъ его паки въ бездну золъ. Жребій его былъ таковъ, дабы страдать за преступленія другихъ. Злоумышленіе, составленное у Гіунг-Нусцевъ товарищемъ его въ посольствѣ, послужило первымъ поводомъ ко взятію его подъ стражу. Происки дворскіе въ пользу Князя Іена бываютъ причиною, что едва не лишенъ жизни на лобномъ мѣстѣ.

Князь Іенскій имянемъ Ліэу-Танъ, старшій братъ Императора Тшао-Тіа, рожденный отъ матери, Царскія же крови, почему и болѣе имѣлъ права къ престолу по смерти Гіао-У-Тія; сей отказавъ оный младшему сыну, еще при жизни своей составилъ правительствующій Совѣтъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ мужей въ Имперіи. Ліэу-Танъ не могъ заводить дѣла противу толикаго множества сильныхъ лицъ при Дворѣ; однако началъ подъ рукою привергать къ себѣ, кого токмо могъ изъ находящихся въ службѣ гражданской и воинской. Су-Іуэнъ сынъ Су-Уа, попустилъ [illegible]мѣстить себя между прочими.

Ми-

Министерство и правительствующій Совѣтъ Императора, коихъ отъ вниманія ничто не скрывалось, узнаютъ о заговорѣ. Участники даже до единаго и съ семействами ихъ лишены жизни. Не избѣжать бы того же и знаменитому Су-Уу, ибо законъ осуждаетъ родителей за измѣну дѣтей, естьли бы не вступился за него Полководецъ Го-Коангъ. Сей входитъ въ засѣданіе Совѣта, говоритъ въ присутствіи самаго Тшао-Тія. . . „Есть нѣкто, для ко„его удержать должно исполненіе наказательнаго за„кона: таковъ достопочтенный Су-У. Вѣрность „его къ престолу испытана толиками мученіями, да „и чрезъ восьмнатцать лѣтъ безпрерывно. А по сему „ясно, что не его наставленія, не его примѣры во„влекли Су Іуэна въ злодѣйство, каковымъ его уко„ряютъ. Укоряютъ, повторяю; ибо онъ частію то„кмо преступникъ, естьли позволится мнѣ такъ „имяновать его. Усердіе его къ Князю Уенскому и „нѣкоторымъ частнымъ его друзьямъ не допустило „открыть тайну, ввѣренную ему. Су-Іуенъ да по„гибнетъ; заслуживаетъ то, не противлюся; но „оставивъ живымъ Су-Уа отца его, пощадимъ дни, „которые почтенными казалися и варварамъ Ііунг„Нуцамъ. А дабы законъ возъимѣлъ нѣкоторое удовле„твореніе, отберите у него чины его и должности. „Пусть будетъ мертвъ для Имперіи.„ Всѣ похвалили представленіе Го-Коанга. Су-У лишенъ чиновъ, но дали ему спокойно доживать вѣкъ, пользуяся имуществами. Великій мужъ превыше ударовъ рока сноситъ съ твердостію нещастіе. Удаляется въ одинъ изъ садовъ своихъ, обрабатываетъ своими руками и тако проводитъ шесть лѣтъ, доколѣ царствовалъ Тшао-Ти.

По кончинѣ послѣдняго, престолъ остался праздень; ибо не было мужеска пола наслѣдниковъ. Славолюбіе Князей крови произвело бы неминуемо междуусобную войну, естьли бы Го-Коангъ не принялъ дѣятельнѣйшихъ мѣръ къ предупрежденію того; яко отъ верьховнаго Полководца въ Имперіи, зависѣли отъ него всѣ войски: дѣйствуетъ ими во удержаніе внутренняго спокойствія. Обще съ Государственными Дѣловцами, имянемъ Императрицы владѣющія, созываетъ Вельможей въ собраніе, даетъ мѣсто на ономъ Су-Уу, яко старинному члену. По большинству голосовъ положено возвести на престолъ *Ліэу-Гоа*, Князя Тшанг-Искаго, дядю не давно скончавшагося Тшао-Тія, который бываетъ призванъ въ столицу и провозглашенъ законнымъ обладателемъ Китая.

Но скоро раскаяваются избиратели: *Ліэу-Го* возъимѣлъ наперсниками льстецовъ, прибывшихъ изъ княжества Тшанг-Искаго, поступаетъ на насильства, вопіющія на небо, вдается въ распутства всякаго рода, не хранитъ даже и пристойностей сана своего. Возведшая его рука на престолъ низвергаетъ со онаго въ теченіи втораго мѣсяца по воцареніи его. Вельможи, особы дѣловыя, члены первѣйшихъ судилищъ, не бывъ выслушиваемы отъ него, тайно подступаютъ къ Императрицѣ, которая до того правительствовала Государствомъ, и испрашиваютъ созыва знатнѣйшихъ людей Государства, подъ охраненіемъ верьховнаго Полководца Го-Коанга.

Сей прежде хощетъ совѣтовать о дѣлѣ толикія важности съ другомъ своимъ Су-Уемъ. Нарочно посѣтивъ его, слышитъ слѣдующее: . . „Друже! „предлагаемое тобою требовало бы глубокихъ обмы-

„шленій, естьли бы съ перваго дня возведенія на „престолъ Князя Шанг Ія не предвидѣлъ я, что послѣ„довать будетъ должно. Вельможи властію прави„тельствующія Государыни избрали Ліэу Го Импе„раторомъ, въ чаяніи всеконечно, что онъ достоинъ „того. Обманулися: весь Китай познаетъ оное. Без„человѣчія, распутства, глупости, коихъ мы повсе„дневные свидѣтели есьмы, доказуютъ очевидно, что „не сынъ онъ Неба. Тѣ же Вельможи, тою же властію, „могутъ исправить ошибку свою; но да берегутся, „дабы имъ не навлещи еще горшаго, то есть пролитія „крови. Сіе до тебя надлежитъ лично. Начальству„еши ратными людьми, чтутъ тебя, любятъ; слѣ„довательно исполнятъ все, что бы ни предписалъ „имъ.

Ліэу-Го не мыслилъ о престолѣ, какъ пред„стали къ нему звать на оный. Пришелъ, ибо пред„лагали ему; отречется, ибо отъимутъ у него. Да „останется живъ, пусть препроводятъ его во своя, „не обидѣвъ ничемъ. Лишая того, что ему не при„надлежитъ, ибо не хотѣлъ выполнять условія, на „которыхъ воцарили его, возвращаютъ его въ преж„ній родъ жизни. На что же роптать имѣетъ пра„во? Не бойтеся происковъ и умысловъ въ пользу „его: онъ робокъ, низкодушенъ, слѣдовательно не въ „силахъ предпріять что либо самъ собою; онъ нена„видимъ, проклинаемъ: слѣдственно никто не при„соединится къ нему.

„Тотъ же, кого вы на мѣсто его избрать должны, „чтобъ первое въ себѣ имѣлъ качество человѣкъ: „умѣлъ бы чувствовать, что онъ человѣкъ. Кому ща„стіе завсегда благотворило; кто никогда не вкусилъ

„страданій, сопряженныхъ съ человѣчествомъ, есшьли „по праву рожденія, или по сцѣпленію случаевъ, станетъ превыше прочихъ человѣковъ: тотъ разумѣетъ „себя отмѣннымъ по естеству отъ нихъ; не пріемлетъ никакого участія въ ихъ жребіи; не имѣетъ „яснаго понятія, что такое гладъ, жажда, сокрушенія, производимыя различными превратностьми, „что такое обиды, поруганія, несправедливости, постыдная нищета, недостатокъ въ необходимыхъ „потребностяхъ жизни, таковый какъ можетъ сострадать нещастнымъ? какъ можетъ избирать мѣры „къ облегченію ихъ, къ предотвращенію того, дабы уменьшалось число сихъ золъ? Преславнѣйшіе изъ „Императоровъ нашихъ суть тѣ, которые бывали „людьми частными, которые раздѣляли наравнѣ общественныя бѣдствія, служили подобно имъ жертвою „забот и попеченій, обременялися трудами и „работами не одного рода. . . . Знаю юнаго Князя, „правнука Гіао - У - Тія, только что не родившагося „въ темницѣ, гдѣ во младенчествѣ съ матерію своею „заключенъ по преступленію, затѣянному на нее: „поднесь провождаетъ жизнь простаго гражданина. „Знакомъ тебѣ Пинг - Ки; вѣдаеши, что онъ глубокъ „въ дѣлахъ Государственныхъ, мужъ ученый, первыя „степени. У него-то въ домѣ обрящеши юношу сего. Пинг - Ки спасъ жизнь его, когда надлежало „ему умереть съ матерію своею: воспиталъ при себѣ. „Тщательно научилъ всему, что нужно для каждаго „человѣка. Не нахожу иныя отрасли крови нашихъ „Государей, которая бы болѣе удобна была царствовать нами. Иди къ Пинг Кію, навѣдайся обстоятельно, и по томъ разполагай, къ чему приступить „тебѣ должно для величія Имперіи, блага народнаго, „особенныя славы династіи Ганскія. Друже! вотъ

„мысли

„мысли мои, не причастныя пристрастій и предразсуд-„ковъ; долгомъ моимъ судилъ изліять предъ тобою „сердце.„

Го-Коангъ посѣщаетъ Пинг Кіа, проситъ описать ему младаго Князя со всевозможною искренностію и слышитъ отъ него:

„У Императора Гіа-У Тія было много дѣтей, „какъ всякому извѣстно. Между оными имѣлъ сына „Узія, отъ котораго родился Ше-Гоанг-Сунъ, а отъ „сего юноша сей. Поднесь имянуютъ его Гоанг-Тсенъ „Суномъ, а иные и Пинг-Кіемъ. Подъ послѣднимъ „извѣстенъ онъ почти отъ самаго рожденія по при-„чинѣ частыхъ болѣзней, коимъ подверженъ былъ(*).

„Неустройства различныя, производимыя мни-„мыми чародѣями во Дворцѣ, навлекаютъ подозрѣнія „на Ше-Гоанг-Суна и его супругу. Императоръ въ „первомъ движеніи гнѣва своего обоихъ ихъ заклю-„чаетъ въ темницу. Учреждены нарочные уличать „въ затѣянномъ преступленіи. Пинг-Ки воздоевался „еще тогда матерію, слѣдовательно долженъ былъ „раздѣлять съ нею нещастія ея.

„Приговорены къ смерти не только отецъ его „и мать, но и все семейство. Объявить каждому „порознь о томъ на меня возложено. Вѣдая невин-„ность, не могъ я удержать слезъ, особливо же при „воззрѣніи на младенца, готоваго на заколеніе. Взялъ „его, сокрылъ и донынѣ воспитываю; держу его при „себѣ: старанія мои о наученіи его не тщетны „являются.

(*) Имя собственное Пинг-Ки Императора сего и воспитателя его пишется различно, и различное же имѣютъ знаменованіе.

„Девятый надесять уже идетъ ему годъ. Имѣетъ „чувствительную и высокую душу, сердце искреннее „и доброе. Въ поступкахъ степененъ, въ обхожденіи хранитъ пристойности, откровененъ и веселъ съ „друзьями, ласковъ ко всѣмъ, сострраждущъ къ ближнему, готовъ на всякую помощь; начитался Книговъ, понимаетъ смыслы оныхъ, послѣдуетъ правиламъ, содержащимся въ нихъ. . . . Вотъ достохвальныя качества его. Худнаго же едва ли что обрѣсти можно: по крайней мѣрѣ, естьли бы могъ что „сказать, не потаилъ бы.„

Верьховный Полководецъ былъ доволенъ отвѣтомъ; но не хотѣлъ ни на что отважиться, не пососовѣтовавъ съ Тіен-Іен-Іеномъ, Вельможею первѣйшимъ въ Государствѣ, коего превосходныя добродѣтели снискали ему право говорить не обинуяся со всѣми и обо всемъ. Идетъ къ нему, увѣдомляетъ о находкѣ своей. Тіен-Іен-Іенъ становится одинакаго съ нимъ мнѣнія. Созываютъ въ собраніе Государственные чины въ домъ Императрицы. Верьховный Полководецъ говоритъ „ей: . Ліеу Го, Князь Шанг Искій, учинилъ себя недостойнымъ совершать обряды въ храминѣ предковъ, какъ „же можетъ быть Императоромъ? . . Отъ тебя, яко „матери Имперіи, долженъ я получить велѣніе, представить его тебѣ, дабы услышалъ, какъ обвиняться будетъ . . . Дѣлай, что надлежитъ, во всемъ „на тебя полагаюсь.„

Го-Кэонгъ окружаетъ Дворецъ ратными людьми. Берутъ изъ онаго Государственныя печати и клейноды Императорскіе, по томъ приводитъ самаго Князя предъ собраніе. Читаютъ ему громогласно описаніе всѣхъ его нечестій и приговоръ Императрицы, что ли-

лишенъ онъ высочайшаго сана. Го-Коангъ подноситъ ей ключь и ларецъ, гдѣ лежали печати; она воззрѣвъ на Ліэу-Гоа, произноситъ: . . . „Милосердіе есть „первая добродѣтель Самодержцевъ. Дарую тебѣ жизнь. Потомъ обратяся къ верьховному Полководцу, продол„жаетъ: . . „Препроводи его во Княжество Шанг„Иское, дабы опытностію умудрился. . . Ліэу-Го отвозится въ прежній свой удѣлъ, правитъ онымъ, и приходитъ у всѣхъ въ забвеніе.

Го-Коангъ во второй разъ созываетъ Вельможей въ жилище Императрицы, и тамо вѣщаетъ ей отъ общаго лица: . . . „Тебѣ, матери Имперіи, „принадлежитъ избрать намъ Государя. Существуетъ „еще отрасль крови дѣтей Неба, достойная засту„пить мѣсто ихъ. Правнукъ Гіао-У-Тія юноша „осьмнатцатилѣтній, однако же начитавшійся Ше„Кинга, Люн-Юа, Гіао-Кинга. Кротокъ нравомъ, „поведеніе его безпорочно. Сострадателенъ и человѣко„любивъ; имя ему Пинг-Ки . . . его избираю Сы„номъ Неба; отвѣтствуетъ Императрица: да возхо„дитъ на престолъ.„

Тако-то осужденный рокомъ погибнуть при самомъ почти рожденіи, доведенный провождать первые годы вѣка своего въ узилищѣ, по томъ быть воздоеваему сосцами наемницы, далѣе жить простымъ подданнымъ, въ домѣ частнаго гражданина, безпрестанно трепеща, дабы не открылась природа его, единымъ имѣя упражненіемъ Науки, спознаванія сердецъ человѣческихъ и своего собственнаго: внезапно, и противу воли становится обладателемъ Китая.

На-

Начинаетъ царствовать подъ имянемъ Тшунг-Тсунгъ Гіао-Сивенъ Гоанг-Ти, или просто Сивен-Ти. Первое его попеченіе было наградить благодѣтелей своихъ, между же другими и Су-У. Возвращаетъ ему прежніе чины, достоинства и доходы, отнятыя за преступленіе сыновне. Призывается ко Двору, получаетъ право представлять обо всемъ словесно и письменно самому Императору: отличіе рѣдкое въ тогдашнія времяна. Сверьхъ того изъ особеннаго уваженія къ добродѣтели и престарѣлости, Императоръ не называетъ никогда его имянемъ, а чиномъ главнѣйшимъ. Освобожденъ отъ обрядовъ при подступахъ къ нему, и предоставлено ему на волю являться или не являться ко Двору. . . . „Въ замѣ„неніе же, сказалъ ему добрый сей Государь, прошу „и у тебя милости: не лишай меня удовольствія „видѣться съ тобою, по крайней мѣрѣ перваго и „пятагонадесять числа каждаго мѣсяца.„

Преисполненный благодарностію Су-У, истощаетъ силы быть день отъ дня достойнѣе толикихъ благодѣяній. Настоитъ или объ отмѣненіи какого либо узаконенія, тягостнаго народу; или о наградахъ заслуженнымъ людямъ. Говаривалъ съ Государемъ лицемъ къ лицу почти ежедневно, никогда не заводя инако рѣчи, какъ только о томъ, чтобъ вывлещи изъ мрака смиренномудрое достоинство, но забытое, полезныя дарованія, но мало извѣстныя; испытанныя добродѣтели, но безъ покровителей.

Подобными докучливостьми не въ тягость ему, а еще любезнѣе бываетъ. Почтеніе Императора и дружество къ нему, даже до того простерлися, что сказалъ нѣкогда ближнимъ Вельможамъ, услышавъ

„Каж-

что Су-У заболѣлъ: . . . „Какъ же жаль, что послѣ
„таковаго мужа не остается сына! что имѣлъ одного,
„праведно казненнаго смертію! Вы, его друзья! старай-
„теся каждый порознь снискивать, нѣтъ ли хотя еди-
„ныя отрасли столь добродѣтельнаго племени. Вы
„нашли меня отъ всѣхъ оставленнаго; не обрящете
„ли подобно же и того, что я возлагаю на васъ?„

Князю Пинг Нгуен-Гею удается лучше другихъ; былъ онъ тесть Императора, былъ особенный другъ Су-Уа; говоритъ нѣкогда послѣднему: . . . „Почтен-
„ный старче! Сивен-Ти хощетъ всячески выискать
„кого нибудь отъ крови твоей, чая, что могло кому
„нибудь изъ таковыхъ случиться подобное же и ему
„собственно. Прорцы, можемъ ли удовлетворить не-
„терпѣливость его? . . . Послѣ казни недостойна-
„го сына моего все мое семейство истреблено: не
„спасся бы и я безъ помощи Го-Коанга. Во всемъ
„Китаѣ никого не знаю единокровнаго мнѣ, признаюсь
„однако же тебѣ, живъ я въ ссылкѣ отъ Царя Гіунг-
„Нускаго, имѣлъ жену изъ тамошнихъ Татарокъ,
„которая родила мнѣ сына. Естьли не умеръ, надобно
„ему быть между невольниками злодѣя Уэи-Ліуа;
„ибо людьми послѣдняго похищенъ у меня былъ по
„кончинѣ Князя Ю-Кан-Уанга.

„Сей человѣколюбецъ, хотя братъ гонителя и
„мучителя моего, не убоялся покровительствовать
„мнѣ; оказывалъ всякую возможную ему милость;
„отъ руки его принялъ жену, дабы по крайней мѣрѣ
„было кому закрыть глаза мои сномъ вѣчнымъ, было
„бы кому меня погребсти. Жилъ я съ нею не съ
„большимъ два года: родила мнѣ сына, имянемъ Су-
Тунг Куэ.

„Не стало моего благодѣтеля. Вѣроломный Уэи-„Ліу разорилъ мое селеніе, разграбилъ все принадлежа-„щее мнѣ, жену, сына и служителей моихъ отнялъ „у меня. Увидѣлъ я себя въ прежней нищетѣ, съ „того времяни ничего уже не слыхалъ ни о матери ни „о немъ. . . . Скоро узнаемъ, отвѣчалъ тесть Импе-„раторовъ.„ Тогда же послѣдній посылаетъ Мандарина, искать посреди Гіунг Нусцевъ Су Тунг Куэа. Находитъ; привезенъ; возвращенъ отцу самымъ Императоромъ сими словами: . . . „Не отдаю тебѣ его, а ввѣряю токмо твоему храненію какъ нѣкоторое сокровище, „наравнѣ мнѣ съ тобою принадлежащее. Отъ сего „часа приставляются къ нему учители Китайскаго „языка и прочихъ нужныхъ знатнѣйшему человѣку „Наукъ. Освобождаю его и отъ обрядовъ при подсту-„пахъ ко мнѣ.„ Особый для него строятъ домъ, особые опредѣляютъ доходы; жалуютъ Лянг-Коаномъ (Военнымъ Мандариномъ.)

Су-У достальные дни вѣка своего проводилъ въ мирѣ и тишинѣ. Императоръ обходился съ нимъ какъ съ другомъ; народъ имѣлъ въ немъ прибѣжище, имѣлъ покровителя безпристрастнаго; безъ завистниковъ, ибо никому и ни чемъ не мѣшалъ; безъ непріятелей, ибо всѣмъ и каждому дѣлалъ добро; спокойно наслаждался плодами славы, благотворительства, добродѣтели. Завсегда одинаковый въ различныхъ положеніяхъ жизни своей, оканчиваетъ вѣкъ ко всеобщему жалѣнію соотечниковъ, восьмидесяти съ нѣкоторыми годами отъ рожденія, въ шестидесятое лѣто предъ Христіанскимъ лѣточисленіемъ, въ четвертое-надесять владычества Гіао-Сивен-Тіа, во второе же Шен-Кіоа. Нарочные Вельможи изъ самыхъ знатнѣйшихъ были избраны великолѣпно похоронить

ронить тѣло его на счетъ казны. Имя и дѣла его надолго становятся предметами повсюдныхъ разговоровъ. Писатели преславные даютъ ему мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ; Стихотворцы превозносятъ; безчисленное множество списковъ лица его разсѣявается по Государству. Но наибольшая честь памяти его учинена самымъ Императоромъ, чрезъ девять мѣсяцовъ по его кончинѣ.

Въ третіе лѣто Кан-*Луа*, вѣщаетъ *Лѣтопись*, сирѣчь въ двадесять третіе царствованія Сивен-Тія, на пятьдесятъ первомъ до Христа, Ѣ-Тшан-Ю Царь Гунг-Нускій, прибылъ свидѣтельствовать даньничество Императору. Сей принявъ его велелѣпно, отпускаетъ во своя и говоритъ: . . . „Не мнѣ присвоять должно знаменитыя произшествія владѣнія „моего, но храбрости моихъ военоносцевъ, премудро„сти и опытностямъ членовъ Совѣта моего. Достой„но же и праведно, чтобъ память мужей таковыхъ „почтена была видимыми знаками, могущими уцѣ„лѣть даже до позднѣйшаго потомства. . . . Вотъ „что примыслилъ я . . . Ки-*Линъ* есть животное „рѣдкое, рѣдко видаемое; мужи таковые суть рѣдки „же. Хощу изображенія лицъ знаменитѣйшихъ изъ „оныхъ собрать во особомъ зданіи, подъ названіемъ „Ки-*Линъ*. Подъ каждымъ да напишется, или да „положится таинственный знакъ, особеннаго достоин„ства его. Кого же имянемъ удостоитъ симъ, пред„оставляю вашему избранію. Вельможи мои! да безпри„страстіе всесовершенное руководствуетъ вами. Честь „таковая безсмертныя памяти достойнымъ мужамъ „послужитъ отнынѣ и для насъ и для послѣдователей на„шихъ лестною надеждою, поощреніемъ уподоблятся „имъ.„

 Избра-

Избрано одиннатцать мужей, жившихъ во дни Сивен-Тізвы. Су-У изъ первыхъ. Самъ Императоръ сочинилъ къ лицу его надпись, въ сихъ токмо трехъ буквахъ: Тіен-Шуэ-Куэ. Надпись краткая, но глубоко обмышленная; означаетъ единымъ разомъ званіе „судейское, выполненное ко удивленію вселенной; „образецъ къ подражанію подданныхъ. Ни на какомъ Европейскомъ языкѣ тако изразить того не можно; двоякій же онаго смыслъ есть: . . . Су-У учитель всѣхъ Царствъ. Подъ симъ названіемъ установленъ былъ для него особый чинъ, коего званіе состояло во освѣдомленіи Императора обо всемъ томъ, что надлежало до чужестранныхъ державъ, въ каковомъ либо сношеніи съ Китаемъ. . . . „Ученіе непреложное, „преподанное всѣмъ Государствамъ чрезъ Су-Уа.„ Сіе означаетъ добродѣтели великаго мужа, особенно же непреодолимую твердость души, непрерывное постоянство; вѣрность, на всякіе опыты готовую.

Нѣкоторый стихотворецъ послѣдовавшихъ затѣмъ времянъ сочинилъ родъ Эпитафіи, гдѣ сличаетъ онъ Су-Уа съ *Уэн-Ліуемъ* и *Ли-Лингомъ*. Тако гласитъ оная въ переводѣ:

Предатель Государю и отечеству

Уэн-Ліу, достигнулъ верьха позора:

Отрекся праотцевъ своихъ (*).

Ли-Лингъ цѣною безчестія

Иску-

(*) Отречься отъ праотцевъ, на языкѣ Китайскомъ значитъ оставить отечество.

Искупилъ жизнь;

Согласился носить гнусное иго (*).

Но Су-У, достойный нашъ образецъ,

Былъ инаковъ:

Предпоставляетъ себя всякимъ ударамъ рока:

Жажду, гладъ, смерть презираетъ.

(*) Ли-Лингъ противу воли подвергнулся Государю Татарскому; когда уже изчезла для него надежда возвратить милость къ себѣ законнаго Самодержавца.

LII.

Пан-Юэи-Пана, жена, прославившаяся ученостію.

Пан-Юэи Пана, дочь Пан-Піаоа, сестра историка Пан-Куа, супруга Тсао-Ше Шуа, безъ прекословія заслуживаетъ помѣщеніе между особъ своего пола, которые жили къ чести отечества и вѣка ихъ.

Родилась во Фу-Фонг-Гіенѣ, городѣ третіей степени, въ области Шен-Сиской, отъ праотцевъ, оставлявшихъ по себѣ чрезъ многія столѣтія потомковъ ученыхъ и храбрыхъ. Богатство, безпорочное поведеніе и правота души уравнивали ее съ самыми знатнѣйшими особами пола ея. Воспитана отцемъ прилично ея рожденію. Къ прелестному лицу и всему тому, что учиняетъ женскъ полъ любезнымъ, имѣла разумъ проницательный, неутомимое прилѣжаніе, послушность къ тѣмъ, отъ коихъ чемъ либо зависѣла, примѣрную. Множество имянъ, подъ коими была извѣстна до замужства, суть свидѣтельства, сколь высоко почитали качества ея ума и сердца.

Сначала наречена была Тшао, что значитъ свойственно сіяніе солнца; въ пространномъ же смыслѣ, что само собою ознаменуется, ознаменуяся же, услаждаетъ умы. Острыя же слова, замысловатыя шутки, завсегда въ предѣлахъ пристойныхъ полу ея и возрасту, служили поводомъ къ наимянованію таковому. Разговоры ея о Наукахъ были ясны, красноречивы въ немногихъ словахъ; опрятность во одеждахъ даже и вседневныхъ; вкусъ въ нарядахъ и ловкость украшаться оными, были причиною втораго ея имяни Юэи Панъ, что можно толковать тако: украшающая истину

прі-

Записки Китайскія.

Пан-Хоеи-Панъ, ученая.

пріятностьми, располагающая все порядкомъ. Еще прозвали ее Ки въ знакъ того, что умѣла соединять премудрость съ красотою тѣлесною.

Почерпала познанія свои въ однихъ книгахъ съ братіями ея, но такъ сказать, украдкою. Упражненія, свойственныя полу ея, не прерывалися чрезъ то: шила, вышивала, слушала преподаваемые братіямъ ея уроки; ибо крамина была объ стѣну со школою, въ которой толковали предъ ними Кинга и Ку Уенъ. Извѣстно уже ей было премножество буквъ, могла уже изъяснять труднѣйшія мѣста Шанг-Шуа, прежде нежели узнали въ домѣ, что можетъ читать что либо. Пан-Піао, ея отецъ, не разсудилъ препятствовать столь примѣтнымъ дарованіямъ природы. Отдалъ ее женщинѣ, которая была въ состояніи наставлять въ Наукахъ и должностяхъ званія пола своего.

Но какъ не было его намѣренія учинить ее славною съ сей стороны, то помышляетъ ее пристроить замужствомъ достойнымъ. Четырнатцати лѣтъ выдаетъ за молодаго человѣка, имянемъ Тсао-Ше-Шу, сына Мандаринскаго, готоваго уже вступить въ знатный чинъ.

Первое попеченіе ея было снискать любовь отъ семейства, въ которое вступила, и прилѣжать къ хозяйству. Мужъ ея заимствовалъ отъ ней свѣденія съ великою для себя пользою во многихъ случаяхъ. Ставъ матерію, никакъ не хотѣла сложить долгъ воздоеванія раждаемыхъ ею. Когда же младенецъ началъ приспѣвать въ возрастъ, обратила всѣ часы жизни своей на воспитаніе и на ученіе его. Бывъ дочерію

со-

составляла утѣшеніе родителей; учинясь женою, никто уже въ сердцѣ ея болѣе мужа незанималъ мѣста.

Преждевременная смерть мужня вводитъ ее еще въ новое состояніе. Совершивъ должное оплакиваніе и обряды поминные, удаляется въ домъ брата своего Пан-Куа; непреложное пріемлетъ намѣреніе вдовствовать вѣчно, въ Наукахъ токмо находя отраду.

Пан-Ку былъ Государственный Исторіографъ. Тогда занимался просмотрами Лѣтописей Сеэ-Ма Тіеновыхъ, прибавляя ко онымъ отъ себя сочиненіе, названное имъ Ган-Шу, или книга о Ганахъ. Еще прилѣжалъ къ двумъ сочиненіямъ же Па-Пізо, то есть восемь образцевъ, и Піен-Уэн-Тше, или наставленія Астрономическія. Подобные труды требовали великія учености, вкуса, исправности въ цѣненіи книгъ, неутомленнаго упражненія. Все то раздѣляла съ нимъ сестра его. Не упускалъ случая отдавать ей справедливость, даже читая что либо и предъ самимъ Императоромъ, говаривалъ останавливаяся: . . . Сіе мѣсто пера Пан-Куева, а сіе другое Пан-Гоэи-Паны. Щастливъ бы былъ, естьли бы только слава во учености была мѣтою любочестія его.

Свободный доступъ къ Вельможамъ послужилъ причиною гибели его. Старинный Полководецъ Теу-Гіенъ, братъ матери Императрицы, удостоилъ его особеннаго своего дружества. Теу-Гіенъ былъ всемощенъ въ царствованіе Тшанг-Тія, но въ четвертое лѣто послѣ того, какъ возшелъ на престолъ Го-Ти, по наговорамъ непріятелей его Государь сей прогнѣвался на наго и на всѣхъ тѣхъ, которые ему преданы были.

Хотя

Хотя еще былъ токмо на четвертомъ-надесять году отъ рожденія, но желая уже правительствовать самъ собою, не пропускаетъ удобности удалить отъ Двора бывшихъ приономъ въ силѣ. Нѣкто Тшенг-Тшунгъ именемъ, весьма скрытно емлетъ подъ стражу Теу-Гіэна, сродниковъ его, и всѣхъ тѣхъ, которые обогатились съ помощію его покровительства. Между послѣдними былъ и Пан-Ку. Страхъ смертныя казни столь уразилъ его, что чрезъ немногіе дни умеръ въ темницѣ. Го-Ти услышавъ о томъ, не могъ не сожалѣть, что Китай лишился ученаго мужа, который могъ прославить Ганскую династію въ потомствѣ. Представляютъ ему утрату сію легко замѣняемою; ибо осталася послѣ него сестра, столь же имѣющая превосходную ученость. Государь читывалъ уже нѣкогда и удивлялся произведеніямъ пера ея. Возлагаетъ на нее довершеніе братнихъ трудовъ; опредѣляетъ ей доходы, отводитъ комнаты во Дворцѣ близъ книгохранилища. Здѣсь-то прилежитъ Пан-Юэи Пана къ новому своему званію, оканчеваетъ начатое братомъ и подноситъ Императору.

Особенно прославляется довершеніемъ сочиненія Ган-Шу: книга изъ наилучшихъ въ Китаѣ; содержитъ описанія жизней двѣнатцати Императоровъ, начиная Као-Тсуемъ, основателемъ династіи, до хищника Уанг-Манга, то есть Исторія всего примѣчательнѣйшаго въ Имперіи чрезъ двѣсти тритцать лѣтъ.

Изданіе книги сей снискало ей почтеніе Го-Тія. Самъ онъ былъ довольно для великаго Государя просвѣщенъ Науками. Происки скопцовъ преклонили его

развестися съ супругою; взялъ другую, особу добродѣтельную, покровительницу ученыхъ; ибо съ младенчества упражнялась въ Наукахъ, которыя и были для нее наилучшимъ утѣшеніемъ. Между вещьми, приданое ея составлявшими, нашлася бумага, вновь вымышленная, и новаго же изобрѣтенія кисти. Тѣ и другія оставила у себя, а всѣ прочіе отослала въ домъ отеческій. Императоръ радъ былъ, нашедъ супругу, могущую занимать праздные его часы съ пользою и пріятностію. Пан-Гоэи-Пану даетъ ей учительницею Стихотворства, Краснорѣчія и Исторіи.

Пан-Гоэи-Пана почтена названіемъ, каковымъ никакая до того женщина не называлась, то есть имянемъ мужа своего Тсао. Еще къ тому прибавлено Та-Кія, что толкуется жена великая.

Ставъ наставницею Императрицы, скоро увидѣли ее таковою же и для всѣхъ знатныхъ женщинъ при Дворѣ. Вмѣсто щегольства, суетныхъ украшеній и драгоцѣнныхъ камней; вмѣсто обычайныхъ сплетней женскихъ и скопческихъ, Дворъ Императора превратился въ нѣкій родъ Академіи. Не проходило дни безъ состязаній ученыхъ, безъ появленія новыхъ трудовъ въ Краснорѣчіи и Стихотворствѣ. Жена великая налагала каждому произведенію послѣднюю цѣну. Отъ сего не возгордилась; однако же выдаетъ подъ своимъ имянемъ сочиненіе наставительное для женскаго пола вообще. Между прочимъ изражается она въ предсловіи:

„Имѣю посредственный разумъ, весьма не об-„ширныя свѣденія. Но какъ отецъ мой не оставилъ „ниче-

„ничего, просвѣщая меня Науками; какъ моя мать съ „младенчества моего дѣлала мнѣ любезными должно„сти моего пола: то сужу я себя не вовсе неспо„собною сказать нѣчто въ пользу женщинъ вообще.

„Четырнатцати лѣтъ прешла я изъ дому роди„тельскаго въ домъ Тсао-Ше-Шуа, избраннаго срод„никами моими въ супруга мнѣ; тому уже около со„рока лѣтъ. Долгота времяни таковаго подала мнѣ „случай узнать многое, хотя не мое дѣло препода„вать о главнѣйшихъ обязательствахъ половины ро„да человѣческаго, подвластной другой онаго поло„винѣ же.

„Провождая дни въ родительскомъ домѣ, по„слушествовала я безотвѣтно добрымъ наставленіямъ, „откудабы ни приходили. По вступленіи въ состо„яніе брачное, благодарю сама себя, что не небрегла „никогда даже самомалѣйшими должностьми званія „моего, и обрѣла, что снискивается щастіе чрезъ „единое токмо поспѣшествованіе щастія же человѣка, „съ коимъ соединяемся мы узами супружества. Каж„дая дѣвица обязана быть всегда послушна, внем„люща совѣта и наставленія, воздержна въ словахъ и „поступкахъ, любяща уединеніе, благонравна, сми„ренна; словомъ, имѣть всѣ тѣ добродѣтели, коихъ „мужья требовать могутъ отъ тѣхъ, которые дол„жны давать имъ дѣтей и раздѣлять съ ними забо„ты хозяйства.

„Оныя дѣвы да необманываются: не могутъ „быть дононачальницами благими; не могутъ долго „нравиться мужьямъ, весьма не рѣдко находящимъ „поводы отнять у нихъ права ихъ, когда въ домахъ

„родителей своихъ не научатся вѣдать совершенно „должности своего званія, и не учинятся вь силахъ „исполнять состояніе ожидающее ихъ. Для нихъ-то „издаю не большее сочиненіе сіе, подъ заглавіемъ Ніу-„Кіе-Теи-Тіенъ: седьмь статей, содержащихъ глав-„ныя должности нашего пола.„

Какъ таковый трудъ Пан-Гоэи-Паны скоро прочитать можно, и замыкаетъ вь себѣ преполезныя правила, то вь угодность Читателей сообщаю здѣсь.

СЕДЬМЬ СТАТЕЙ.

Статья первая. Состояніе женщины есть состояніе уничиженное. Женщина есть существо немощное.

„Послѣднюю составляемъ мы степень въ родѣ „человѣческомь; немощная мы часть онаго. Сдѣлія „низкія суть жребій нашъ. Истину таковую нужно „намъ проникнуть; ибо правитъ всемъ нашимъ по-„веденіемъ и становится блаженствомъ для насъ, „есть ли располагаемъ жизнь нашу соотвѣтственно „ей. Да не ожидаемъ научиться горестными опыт-„ностьми и противу воли, что такое есмы мы? „потрудимся, сколь возможно ранѣе, уличить самихъ „себя; и по тому вести жизнь, какъ долженствуемъ.

„Въ старину, когда родится женска пола мла-„денецъ, трои сутки въ семействѣ томъ почти не „помышляютъ объ немъ. Бросаютъ нѣсколько ста-„рыхъ тряпицъ подлѣ постели родильницы, и кла-„дутъ его на оныя.

„Въ

„Въ день третій отецъ и мать новорожденныя „начинаютъ примѣчать, что семейство ихъ умножилось. Подъимаютъ младенца съ трапицъ, несутъ въ „храмину предковъ. Отецъ держитъ его на рукахъ „своихъ, въ рукахъ же каждаго изъ семьянъ или кирпичь, или черепица. Тако стоятъ они нѣсколько „предъ гробницами праотеческими и приносятъ имъ „молча въ жертву кирпичи и черепицу.

„Все сіе изразительно, все сіе можетъ назваться „урокомъ для женскаго пола.

„Родится домоначальнику сынъ; семейство „изъявляетъ знаки радости; родится дочь: оказуемое „къ ней презрѣніе означаетъ уничиженіе ея предъ „первымъ.

„Поверженіе на старые лоскутья означаетъ, „что поверженная на нихъ будетъ изъ послѣднѣйшихъ въ родительскомъ домѣ; означаетъ небреженіе о ней семейства, развѣ изящными качествами, „простираніями въ добродѣтеляхъ, свойственныхъ „полу ея, не заслужитъ уваженіе. Кирпичи и черепица провозвѣщаютъ уничиженіе и тягость трудовъ, ожидающихъ ее въ семействѣ. Кирпичи служатъ на ограды мѣстъ, и бывая дѣлаемы, топчутся ногами; черепица дѣлается сносить всякія воздушныя безпокойства.

„Заклинаю юныхъ дѣвъ, да размышляютъ о пишемомъ мною; да проникаютъ смыслъ древняго „обычая; да располагаютъ поведеніе жизни сообразно „тому. Познавъ онѣ себя, каковы суть самою вещію, „никогда не преступятъ за предѣлы, предписанныя

„имъ природою; увѣряся, что состояніе ихъ есть „состояніе немощное; что все не возможно для нихъ, „безъ посторонняго помощи. Тогда то съ точностію „исполнять будутъ даже и самыя мѣлкія должности „свои; не найдутъ ничего выше силъ своихъ. Взыскуемое отъ нихъ смѣло обнадежитъ ихъ, что почувствуютъ въ груди удовольствіе безъ всякія примѣси печалей и досадъ внутрь домовъ своихъ: внѣ „же оныхъ заслужатъ доброе имя. Злорѣчіе и мрачная клевета не прикоснется къ нимъ.„

Статья вторая. Общія должности пола женскаго, замужняго:

„Дѣва не всегда должна оставаться дѣвою „по смерть; достигнувъ зрѣлаго возраста, отдаютъ „ее въ чужое семейство для размноженія рода человѣческаго. Новое состояніе, новыя должности, не „въ томъ только, чтобъ выполнять требуемое отъ „нее, но паче упреждать оное. Мужъ благоразумный „бываетъ доволенъ, когда жена послушествуетъ его „велѣніямъ; а чрезъ то доказуетъ подчиненство свое „ему, когда не вмѣшивается въ дѣла чужихъ семействъ, „когда видятъ ее безпрестанно вѣжливою, воздержною „на словахъ и въ поступкахъ, ни съ кѣмъ паче мѣръ „не дружащеюся; когда видятъ ее праводушною, безпристрастною, даже и въ разсужденіи собственныхъ „своихъ дѣтей; не дающею послѣднимъ поводовъ „огорчевать прочихъ дѣтей же, въ домѣ томъ родившихся и воспитываемыхъ; когда не оказуетъ ревности „противу могущихъ подавать ей оную.

„*Легко* понимаю, какъ мужья, приходящіе къ „себѣ въ домъ насытиться и успокоиться отъ трудовъ

„реме-

„ремесла своего, могутъ быть довольны женами, есть„ли находятъ ихъ имѣющими потребныя качества, „до супружества надлежащія.

„Но не понимаю, какъ такія жены могутъ быть „собою довольны и неразвратиться въ поведеніи. Гор„дяся довѣренностію мужей, коимъ кажутся по на„ружности любви достойными, скоро начинаютъ „презирать все прочее. Заслужатъ негодованіе, жа„лобы на себя, а отъ того отродятся домашнія ссо„ры; далѣе же ненависти семьянъ, далѣе же и самыя „бѣдственныя слѣдствія.

„Къ предупрежденію того, о чемъ ихъ нынѣшнія „жены мало думаютъ, надобно искоренять зло при его „началѣ; надобно не допускать отродиться ему; надобно „одолѣть предразсудокъ почти всемѣстный. Обычайно „говорится: . . . . Полно для дѣвки повиноваться „наставленіямъ въ домѣ родительскомъ; и по тому „разполагать поведеніе въ оставшіе дни вѣка. Но я „мыслю инако. Отцы и матери; назираютъ болѣе „надъ сыновьями: какъ скоро достигнутъ нѣкотораго „извѣстнаго возраста, отдаютъ ихъ въ школы. Сіи „любезные ихъ дѣти суть предметы всея горячно„сти ихъ, всѣхъ попеченій. Дочери же едва приходятъ „ли на умъ. Для чего же бы отказывать послѣднимъ „истощаемое на первыхъ ими? И тѣ и другія равно „имѣютъ страсти ко обузданію, должности къ вы„полненію, слабости ко исправленію, добродѣтели къ „снисканію; равно для нихъ нужно научиться благопри„стойностямъ и добронравію. Напротивъ все какъ „бы совокупными силами приводитъ женскій полъ „въ несовершенство; женскій полъ по естеству сво„ему со излишествомъ несовершенный. За недостат-

„комъ

„комЪ другихЪ лучшихЪ пособій, сіе малое сочиненіе „мое, оному посвящаемое, послужитъ можетЪ вмѣ„сто пространнаго наставленія.„

Статья третія. Жена долженствуетЪ мужу безпредѣльнымЪ почтеніемЪ; безпрестанно назирать, чѣмЪ должна сама себѣ.

„Есть пословица: . . . Родился у тебя младе„нецЪ мужеска пола, кажется тебѣ волкомЪ, кото„раго ничто не испугаетЪ; а можетЪ быть будетЪ „онЪ презрѣнная гадина всѣмЪ, кто токмо захочетЪ „раздавить его. Родился у тебя младенецЪ пола жен„скаго, кажется тебѣ робкою мышью; но можетЪ „быть увидимЪ ужасную львицу, развѣвающую устра„шеніе повсюду. . . . Остановлюсь на послѣдней поло„винѣ пословицы.

„Робкая мышь можетЪ стать со времянемЪ „страшною львицею. . . . Отцы! матери! ваше есть „дѣло не допускать до такого превращенія. . . Старай„тесь удерживать мышь вЪ мышьемЪ состояніи; а „притомЪ вѣдайте, что безЪ добровольнаго вамЪ „содѣйствія отЪ сей самой гадины не успѣете. На„мѣреніе мое вразумить мнѣ подобныхЪ женщинЪ, „да и кЪ нимЪ однимЪ обращаю слово мое.

„Вы, кои по праву уравниваетеся мышамЪ! хоти„те ли не быть львицами? Храните завсегда свой„ственную вашу робкость. Вышли ли вы изЪ роди„тельскаго дома вЪ домЪ супружній: что бы сЪ вами „ни случилось, вЪ какомЪ бы ни находили вы себя по„ложеніи, не ослабѣвайте вЪ двухЪ добродѣтеляхЪ, „которыя суть основаніе всѣхЪ прочихЪ; которыя

„од-

„одни составляютъ наилучшее украшеніе ваше: безпредѣльное почтеніе къ тому, чье носите вы имя; „безпрестанное назираніе надъ самими собою.

„Воздаваемое почтеніе снискиваетъ же почтеніе оплатное; производитъ согласіе и любовь „прочныя, превыше всякихъ приключеній. Назирающая сама надъ собою избѣгаетъ проступковъ, коимъ весьма подверженъ полъ нашъ.

„Хощеши ли, дабы мужъ уважалъ тебя? Чти „его безпредѣльно. Хощеши ли, чтобъ имѣлъ и къ „тебѣ почтеніе, любовь постоянную? Ниже на единое мгновеніе не преставай назирать сама надъ собою, дабы не могъ примѣтить твоихъ слабостей; „всѣми твоими силами исправляйся въ оныхъ. Женщина, въ ничто вмѣняющая двѣ сіи добродѣтели, „или которая не созидаетъ на нихъ спокойствія дней „своихъ, скоро заразится пороками, противными „онымъ, и будетъ наинещастливѣйшая изъ всѣхъ „женщинъ.

„Мужъ въ нѣдрахъ семьи своей скидываетъ, „такъ сказать, степенную наружность, подъ какою „видятъ внѣ его семейства: будетъ изливать откровенность сердца, чувствованія любви и нѣжности, „не требуя никакого себѣ предпочтенія.

„Жена, видя уравненіе таковое себя мужу, „какого можетъ быть не могла ожидать, не замедлитъ употребить то во зло, или по крайней мѣрѣ „дастъ волю языку: позволитъ себѣ то, что ей неприлично. А еще того горшее послѣдуетъ, естьли „мужъ къ подобному снисхожденію пріобщитъ и

„благоугожденіе женѣ: не замедлитъ она имѣть „прихоти и причуды; пожелаетъ видѣть у себя то „сіе, то иное; пожелаетъ сидѣть за дѣломъ, когда „должно покоиться; покоиться, когда должно си„дѣть за дѣломъ, безъ разбора. То возникать бу„дутъ въ сердцѣ ея неначисти, наклоненія къ чему „либо, и сама она не будетъ вѣдать, для чего: „оказывать начнетъ тѣ и другія, не прозирая, ни„же заботяся о слѣдствіяхъ. А какъ не возможно „удовлетворять ей всѣ свои пожеланія, то отказы „пріемлетъ обидами. Гордость ея раздражится, бу„детъ находить несправедливостьми справедливости, „разсердится, возропщетъ, услышатъ ее жалующею„ся, вырвутся у ней непристойныя слова: мужъ „отвѣчать ей будетъ подобными же, изъ словъ ро„дится брань. . . . Мужъ сколь бы ни былъ кротка„го нрава, отъ частаго повторенія таковыхъ нелѣ„постей жены не допуститъ себя стать предме„томъ презрѣнія людскаго. Минувшія снизхожденія „его къ женѣ произведутъ въ немъ стыдъ; на„чнетъ говорить съ нею инымъ голосомъ, и вмѣсто „товарища въ жизни и друга, явится ей повелите„лемъ. Холодность, равнодушіе, презрѣніе, отмстятъ „ей за ея своевольство. Премѣняется видъ семейства „сего: жена злобится; премѣна таковая ей несносна; „приступитъ къ тщетнымъ усиліямъ возвратить „прежніе дни: а чрезъ то и отдалитъ ихъ навсе„гда. Не привыкнувъ владѣть собою, не можетъ „стать превыше уничиженія, до коего довела сама „себя; не можетъ выдержать оскомины, такъ ска„зать, и горести, коими пресыщаться будетъ. Нравъ „ея портится; все говорить, все дѣлать, на все „глядѣть станетъ съ лицемъ сердитымъ; увидятъ „ее вздорною, сварливою, упрямою вездѣ, высоко-

„мѣр-

„мѣрною, жестокосердою къ дѣтямъ и домочадцамъ, „несносною мужу, который увидитъ прежнюю свою „мышь львицею; ничего столько желать не будетъ, „какъ чтобъ избавиться отъ нея какъ наискорѣе. „По многихъ однако же безполезныхъ увѣщаніяхъ, „угрозахъ, наказаніяхъ, прибѣгнетъ къ послѣднему „уврачеванію, позволяемому законами: разведется съ „нею, отошлетъ къ родителямъ, естьли имѣетъ, „инако же заключитъ въ самую отдаленнѣйшую „часть дома своего, гдѣ образомъ пищи и одеждъ „сравнится съ послѣдними его рабами. . . . Дабы не „навлечь вамъ не себя столь гнуснаго жребія, будьте „завсегда почтительны, завсегда назирайте надъ са„мими вами.„

Статья четвертая. Что учиняетъ женщину любезною.

„Четыре качества: добродѣтель, языкъ, лице, „станъ тѣла.„

„Добродѣтель женщинѣ должно имѣть проч„ную, совершенную, непреложную, выше всякаго „подозрѣнія; чтобъ наружный ея видъ не имѣлъ въ „себѣ ни малѣйшей дикости, не былъ суровъ и от„вратителенъ; ничего бы не имѣла въ себѣ рабячь„яго, не прилѣплялася бы къ мѣлочамъ; изъ устъ „ея выходили бы завсегда слова пристойныя полу „ея, краткія, въ маломъ числѣ, ко времяни и мѣ„сту; чтобъ не была никогда угрюма, однако же и „боязлива; низкаго, подлаго никто бы отъ нея и „никогда не слыхалъ: однако же не надлежитъ ей „говорить отборными словами, и казаться имѣющею „изящный разумъ. Довольно ли просвѣщена Науками,

„да изъясняется о нихъ умѣренно: не пріятно слы-
„шать, естьли у женщины часто на языкѣ Кинги,
„Стихотворцы, или Ку-Уэнъ. Къ женщинѣ имѣютъ
„обычайно великое почтеніе, которыя ученость из-
„вѣстна, но она скрывается и не заводитъ рѣчи о
„Наукахъ, или въ немногихъ токмо словахъ упоми-
„наетъ объ нихъ изъ единаго послушанія просящихъ
„ее о томъ.

„Тщеславіе, думаю я, есть паче всѣхъ иныхъ
„свойственная страсть обоимъ поламъ, по крайней
„мѣрѣ въ нашемъ наипаче господствующая. Ничто
„толико насъ не оскорбляетъ, какъ обижаемое на-
„ше тщеславіе отъ другаго пола. Женщина учинит-
„ся ненавистна, когда своими разговорами, голосомъ,
„взыскуетъ уваженія къ себѣ; когда хочетъ пере-
„спориватъ другихъ; когда вырываются у ней сло-
„ва язвительныя, непристойныя насмѣшки, а еще
„того хуже, когда она сердится, досадуетъ и раз-
„дражается. Отъ всѣхъ таковыхъ слабостей и тьмы
„иныхъ, происходящихъ отъ онаго, должна ка-
„ждая женщина предохранять себя. Предохранитъ
„же себя та, которая будетъ говорить мало; ко-
„торая увѣрится, что уста ей даны разверзать
„тогда только, когда можетъ нравиться.

„Къ пріятностямъ словъ ея потребна красо-
„та лица и стройность стана. Не помощію послѣд-
„нихъ, однако же искать ей должно быть люби-
„мою. Красота тѣлесная не отъ насъ зависитъ; до-
„брый нравъ, ласки, обязательное обхожденіе со
„всѣми, зависитъ отъ насъ. Жена всегда довольно
„прекрасна для мужа, естьли взоры ея никогда не
„престаютъ быть кротки, голосъ умилительный,
„опря-

„опрятность въ одеждахъ, пристойный выборъ и „разположеніе нарядовъ, воздержность въ словахъ, „пристойность въ поступкахъ, всѣ ея дѣла чтобъ „были въ порядкѣ, ко времяни и мѣсту, были бы „благими примѣрами для дѣтей ея и челядинцевъ; „никакой бы не имѣла иной цѣли, кромѣ хозяйства. „Все бы происходило въ надлежащее время, только „бы не дѣлалася рабою минутъ и мгновеній; нико„гда бы не видѣли ее медленною въ упражненіи, „или спѣшащую; прилѣжною, но не безпокоящеюся; „охотною, но безъ принужденности.„

Статья пятая. О ненарушимой вѣрности жены къ мужу.

„Дѣва, оставляя отеческій домъ, оставляетъ „въ немъ и прежнее имя свое. Ничего уже ей тогда „собственно не принадлежитъ: а какъ она сама, такъ „и все, что съ нею отпускается, есть достояніе муж„нее; къ мужу единому съ сего времяни клониться „долженствуютъ всѣ ея намѣренія, всѣ желанія; му„жу единому долженствуетъ она нравиться и въ „жизни и по смерти его; сердце ея ему одному да „принадлежитъ.

„По обычаямъ нашимъ, мужъ по смерти жены „можетъ вступить въ новый бракъ; можетъ и при „живой женѣ, по благословнымъ причинамъ, учинить „то же; но жена ни при жизни, ни по кончинѣ „мужней, не обезчестя себя, не нарушивъ установ„ленныхъ обрядовъ брака, неможетъ имѣть втораго „мужа. . . . Мужъ есть небо для жены его, гласитъ „символъ непреложный. Есть ли на поверьхности земной „мѣсто, которое было бы не подъ небомъ? Тако и

„жена не можетъ имѣть, кромѣ одного надъ собою „мужа. Законы для пола нашего въ книгѣ Нiу-Гiен-„Шу тако пишутся: . . . жена, имѣющая мужа по „сердцу своему, имѣетъ его на всю жизнь; жена, „имѣющая мужа не по сердцу своему, имѣетъ его на „всю жизнь. . . Въ первомъ случаѣ жена щастливая, „во второмъ нещастная: нещастiе свое долженствуетъ „взять съ собою во гробъ.

„Доколѣ не послѣдуетъ у мужа съ женою раз-„водъ въ законахъ, первый надъ послѣднею имѣетъ „всѣ свои ненарушимыя вѣрности. Жена, доколѣ „подъ властiю мужа, сердце ея принадлежитъ не ей, „но тому, чье носитъ имя. Достоинъ ли онъ любви, „несносенъ ли, равно мужъ ей, сирѣчь владыка, повелитель, „товарищъ, единое все для нее на свѣтѣ: безъ котора-„го ничто для нее не существуетъ, безъ котораго „вездѣ для нее нищета, тягости, страданiя и всякаго „рода печали. Но и какая женщина столь можетъ „быть безразсудна, столь врагъ самой себѣ, чтобъ „не привергнуться всею душею къ человѣку, ко-„торый одинъ укрыть можетъ отъ нищеты, облег-„чить тягости, уврачевать болѣзни тѣла и духа, „утѣшить въ прискорбiяхъ, доставить выгодами „жизни? Естьли здравый разумъ, законы, правосу-„дiе, сама природа безсильны влiять въ васъ долж-„ныя любви приверженiя къ мужьямъ вашимъ, по „крайней мѣрѣ собственная ваша польза заставляетъ „всеусильно стараться пребывать таковыми.„

Статья шестая. О послушанiи жены къ мужу, свекру и свекровѣ.

„Послушанiе, безъ всякаго изключенiя временъ, „обстоятельствъ, трудностей, причинъ ко отвраще-„нiю,

„нію, разпростирается на все; всѣмъ бываетъ изъявляемо „въ нѣдрѣ семейства, относительно къ домашнему со„стоянію. О таковомъ-то послушаніи говорить хочу.

„Такимъ родомъ послушанія должна жена мужу, „отцу его и матери. Жена, чуждая сей добродѣтели „въ совершенствѣ, недостойна имяни жены; имѣю„щая добродѣтель сію частію токмо, не имѣетъ „права къ жалобамъ, естьли поступлено съ нею бу„детъ по всей строгости законовъ.

„Нѣтъ на землѣ вещи, которой бы не льзя „соединить съ вещію другою; нѣтъ ничего столь „тѣсно соединеннаго, чего бы раздѣлить было не „льзя. Есть вещи легко соединяющіяся, какъ бы „взаимнымъ нагибомъ естественнымъ; есть и такія, „которыя соединяемы бываютъ ухищренно для на„кихъ либо выгодъ, или по совмѣстности состояній „обѣихъ. Соединяющіяся легко по взаимному совле„ченію, также легко и раздѣляются сами же собою. „Соединяющіяся хитростію для выгодъ, или совмѣ„стности состояній, чрезъ ухищренность же разлу„чаются: когда престанетъ дѣйствовать вышеска„занный общій нагибъ, или нарушится совмѣстность „состояній соединенныхъ вещей.

„Жена, любящая мужа, любимая имъ, повинуется „ему безъ труда; ибо слѣдуетъ наклонности „сердца. Жена, тако повинующаяся, вполы токмо „дѣлаетъ, чемъ должна сама себѣ. Охотное ея по„виновеніе продлится, доколѣ живетъ согласно съ „мужемъ; согласіе съ мужемъ бездѣлкою иногда раз„рушается, да и навѣкъ! Повиновеніе жены къ мужу „можетъ быть вѣчно. . . . Когда же? . . . Доколѣ

„жена

„жена дѣлаетъ, что хочетъ, подъ прикровеніемъ „исполненія воли мужней. Симъ поведеніемъ обманывается мужъ, но не свекоръ и свекровь; ибо не „одними глядятъ на нее глазами съ первымъ. Буде „она не безотвѣтна предъ отцемъ и матерію мужа „своего; естьли не исполняетъ съ крайнею точностію „взыскуемое ими отъ нее: станутъ ее увѣщавать, „употребятъ угрозы, велятъ мужу наказывать ее... „Не поможетъ ли все сіе имъ прибѣгнуть къ законамъ? „... Отъимутъ у сына жену непослушную: вредный „для него примѣръ, препятствіе въ собственномъ его „къ нимъ повиновеніи дѣтскомъ(*).

„Пусть произойдетъ разводъ судебнымъ порядкомъ, однако же не меньше дѣйствителенъ, не меньше безчестенъ, какъ и разводъ же по волѣ мужней. Безмолвное повиновеніе столько же къ мужу, какъ „и свекру и свекровѣ, единое предохраняетъ жену „отъ укоризнъ. Такая токмо жена выполняетъ всѣ обязательства супружескаго состоянія. . . Въ книгѣ „Ніу Гіенъ-Шу читаемъ: . . . Жена въ домѣ мужнемъ да будетъ тѣнью его и отголоскомъ. . . Отголосокъ повторяетъ токмо говоренное.„

Статья седьмая. Жена долженствуетъ жить въ мирѣ и согласіи съ деверями и золовками.

„Послѣдняя статья сія моего наставленія къ „полу моему есть наиважнѣйшая, хотя можетъ „быть сначала и не покажется таковою. Мужъ „не всегда дома. Занятъ по большей части внѣ онаго. Не рѣдко приходитъ токмо насытиться и успо-

кошть.

(*) Права и должности дѣтскаго повиновенія смотри въ слѣдующемъ за симъ Томѣ.

„коиться; но остается въ домѣ или деверь, или золовка: слѣдовательно жена находитъ поводы къ прекословіямъ, спорамъ. Кто нибудь досаждаетъ ей словомъ, или дѣломъ; кто ни будь не нравится ей, или не нравится она ему: все такое упражняетъ ея терпѣніе. Жена здравомыслящая, которая хочетъ жить мирно со всѣми, должна начать собою и сносить подобныя непріятности, не разлучныя съ ея званіемъ. Надобно ей быть всегда готовою къ безпрестаннымъ досадамъ отъ семьянъ своихъ; надобно вѣдать ей, что не можетъ жить покойно въ домѣ мужнемъ, не можетъ удерживать доброе свое имя извнѣ онаго, не снискавъ любви себѣ свекра, свекрови, деверей и золовокъ. Чемъ же взыскивается любовь отъ нихъ? Не противорѣча ни кому, снося противорѣчія, на досадныя слова не отвѣчая подобными же, не жалуяся мужу ни на кого, не осуждая, что видитъ, или слышитъ; во всемъ повинуяся не противному благопристойности и долгу ея. Свекоръ, свекровь, девери, золовки, пусть были бы люты какъ тигры: ласковая, послушливая и почтительная невѣстка, будетъ мила имъ, вездѣ и всегда станутъ хвалить ея смиреніе и безпорочную жизнь. Родъ похвалы часто повторяемый пріобрящетъ ей сердце мужнее, почтеніе отъ сродниковъ, славима будетъ отъ сограждан, учинится предметомъ общаго уваженія, будутъ приводить ее въ примѣръ другимъ женамъ, дабы подражали ея поведенію.

„Юныя дѣвы, провождающія дни подъ очами отцевъ и матерей вашихъ! не упускайте времяни напрасно, учитеся знать должности настоящія и грядущія.

„Юныя жены, преселившіяся уже изъ домовъ „родительскихъ въ домы супруговъ вашихъ! естьли „вознебрегли вы доселѣ научиться тому, научайтеся „заблаговременно, дабы предотвратить бѣдствія, коихъ „не избѣгнете. Читайте седьмь статей моихъ, об„мышляйте, вразумитеся, что вамъ дѣлать и отъ „чего уклоняться. Предписываемое ими исполняйте „самою вещію, да и безпрерывно: каждый день жизни „вашей протечетъ для васъ пріятно; пріуготовитесь „стать со временемъ благими домоначальницами; возъ„имѣете нѣкогда дѣтей, примѣры ваши впечатлѣ„ваться будутъ въ нѣжныхъ ихъ душахъ несрав„ненно паче, нежели всякія преподаваемыя правила „учителей; заблаговременно вліете въ нихъ любовь къ „должности и добродѣтели; повиновеніе дѣтское „водворится въ сердцахъ ихъ; не оставятъ вамъ ни„чего къ пожеланію чрезъ весь прочій остатокъ жи„зни вашей, и вознаградитеся за подъятые вами „труды въ воспитаніи ихъ; вознаградитеся за пре„терпѣнныя вами уничиженія, печали и побѣды, „одержанныя вами надъ самими собою; ибо явилися „таковы, каковыми быть долженствуете.„

Пан-Гоэн-Пана не прежде издала въ свѣтъ сіе сочиненіе, какъ получивъ одобреніе отъ мужей степенныхъ, отличныхъ въ учености и опытностьми своими; между прочими же отъ Ма Юнга, Предсѣдателя упражняющихся въ Наукахъ, ежедневно посѣщавшаго Дворцовое книгохранилище, близъ коего она жила.

Ма-Юнгъ, не дождавшися еще напечатанія, описываетъ своею рукою; велитъ вытвердить наизусть женѣ своей. То же самое дѣлаютъ и другіе

„уче-

ученые Мандарины, а наконецъ и всѣ мужья въ Столицѣ.

Пан-Гоэи-Пана скончалась на семидесятомъ году отъ рожденія, и была оплакиваема всѣми тѣми, кто имѣлъ щастіе быть знаемъ ею. Императрица носила по ней одежды сѣтованія. Императоръ повелѣлъ особымъ Мандаринамъ, въ лицѣ своемъ, совершить надгробные обряды, не жалѣя денегъ изъ казны; самъ разпорядилъ чрезвычайное велелѣпіе похоронъ, подтвердивъ славное титло великія жены, коимъ почтилъ ее въ жизни.

Множество вышло на свѣтъ сочиненій въ честь ей въ стихахъ и прозѣ: надгробными рѣчьми, разговорами, эпитафіями наполнилися листовыя книги.

По днесь еще остается надпись на камнѣ трудовъ знаменитыя Тинг-Хеи, супруги одного изъ сыновей Пан-Гоэи-Паны, коею украсила она гробницу свекрови своей. Пріобщимъ оную здѣсь.

„Пан-Гоэи-Пана, проимянованная Тсао, вели1„кая жена, супруга Тсаоа, дщерь Панг-Хеи, се„стра Пан Куа, довершила ученые труды отца и „брата своего, истолковала, украсила.

„Была учительница Императрицѣ, знаменитою „изъ Придворныхъ госпожъ. Наставляя знаменитыхъ „же учениц своихъ въ Стихотворствѣ, Краснорѣчіи „и Исторіи, научила ихъ давать пріятный видъ „глубокой учености красотою словесныхъ Наукъ, сло„весныя же Науки обогащать глубокою ученостію.

 „Благо-

„ Благоволеніемъ, каковымъ не удостоевалася ни-
„ какая женщина въ свѣтѣ, Императоръ препоручилъ
„ ея начальству изъ книгохранилищъ своихъ то, въ
„ которомъ помѣщаются драгоцѣнныя рукописи древ-
„ нихъ и новѣйшихъ Сочинителей, не разобранныя
„ еще до того и не приведенныя въ порядокъ.

„ Предсѣдательствуя она отборнымъ ученымъ
„ мужамъ въ книгохранилищѣ семъ, трудилась съ
„ успѣхами, удивившими Китай, и которые превзо-
„ шли надежды ея. Изъ посреди непроницаемаго за-
„ бвенія извлекла полезные труды, давно минувшихъ
„ столѣтій; истолковала съ ясностію нѣсколько со-
„ чиненій новѣйшихъ творцевъ, коихъ слогъ без-
„ мѣрно темный и дикообразныя выраженія учиняли
„ оныя почти невразумительными.

„ Возвысилась, не искавъ того, на степень
„ наипревосходнѣйшихъ учителей вселенныя. Тонкость
„ вкуса ея, красота слога, глубина учености, без-
„ пристрастная оцѣнка содержаній, дали ей мѣсто
„ между первѣйшими изъ нихъ.

„ Унижалася самопроизвольно до равенства съ
„ обыкновенными женщинами: простотою нравовъ,
„ прилѣжностію къ званію домоначальницы, не небре-
„ женіемъ даже и самыхъ мѣлочныхъ подробностей
„ хозяйства, не вмѣнила себѣ за низкое уподоблять-
„ ся имъ, дабы научить ихъ, что женщина во вся-
„ комъ состояніи долженствуетъ наблюдать и вы-
„ полнять неутомляемо долгъ званія своего.

Пользуяся всѣми почестьми, воздаемыми даро-
„ ваніямъ и достоинствамъ, всеобще дознаннымъ, по-

„ чи-

„ читаема учеными, которые разумѣли ее вѣщательницею своею; уважаема своимъ поломъ повсюдно, „ коему однако же смѣла высказывать самыя уничижительныя истины; дожила до крайняго престарѣнія, трудяся и добродѣтельствуя въ мірѣ съ „ собою и ближними.

„ Несцѣненное напоминаніе добродѣтели и заслугъ даруетъ ей безсмертіе; да живетъ въ устахъ „ и сердцахъ потомства наипозднѣйшаго!„

Тинг-Хе не довольна была симъ засвидѣтельствованіемъ, но истощала труды и попеченія, дабы достать все писанное кистью ея во всѣ дни ея вѣка. Составилися изъ того многія листовыя книги, изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Собраніе трудовъ Пан-Гоэи Паны, проимянованной Тсао [великія жены]. Собраніе сіе раздѣлено на шестнатцать частей: содержатъ же рѣчи, посвященіе храмовъ и тому подобное; надписи, плачевные стихи, надгробныя слова, описаніе рѣдкихъ вещей, вывезенныхъ изъ чужихъ странъ; вопросы ученые и отвѣты, привѣтствія въ разныхъ случаяхъ жизни человѣческой, предсловія къ сочиненіямъ, эпитафіи, прошенія къ Императору, примѣчанія, ссылки на сочиненія необнародованныя, благодаренія отъ разнаго рода людей за полученныя благодѣяніельства, разговоры о разныхъ предметахъ, объясненія и толкованія.

Примѣч. Продолженіе о Великихъ мужахъ Народа Китайскаго въ Томахъ слѣдующихъ.

Письмо Iезуита Аміота, Проповѣдника Вѣры въ Пекинѣ, относительное къ покоренію Міао-Тсеэянъ, въ 1775.

Надѣяся, что не будетъ противно, пріемлю смѣлость писать вамъ о надлежащемъ и не до учености. Препровождаемое при семъ извѣстіе почерпнуто въ придворныхъ провозглашеніяхъ предъ войсками, и изъ указовъ Китайскаго Государя, изданныхъ ко всеобщему свѣденію.

Третій уже нынѣ народъ сопричисляется Императорамъ къ старинньмъ его подданнымъ. Элеуты, побѣжденные и разсѣянные, не есть уже нынѣ орда особая; Тургуты, сами собою пришедшіе, повинуются законамъ его, добровольно согласися жительствовать подъ его владычествомъ наравнѣ съ прочими Татарами. Сего самаго года, Міао-Тсеэяне отъ малаго и великаго Кин-Тшуэна, разселены участками по разнымъ мѣстамъ Государства: употреблены или въ тяжкія работы, или порабощены. О семъ-то последнемъ завоеваніи части Ман-Шускаго поколѣнія Татаръ, должностію нахожу донести вамъ.

Рубежи области Сеэ-Тшуена прилегаютъ ко грядѣ горъ, взаимно сцѣпляющихся изъ внутрь и извнѣ Имперіи. Гряда сія издавна обитаема была народомъ полудикимъ [какъ изражаются Китайцы], предпочитавшимъ вольность всему, паче всегда желавшимъ составлять особую орду, нежели повиноваться законамъ, чрезъ кои бы могли благоденствовать. Имѣли начальни-

никовъ, не зависимыхъ одинъ отъ другаго. Первый изъ оныхъ овладѣлъ великимъ, второй малымъ Кин-Тшуэкомъ. Послѣднiе улусы распространялися по горамъ: слѣдовательно двѣ орды сiи имѣли каждая особаго своего повелителя. Оба они наружностiю токмо повиновалися Императору Китая, получая отъ него дары степени Мандаринскiя и иныя почести. Императоръ подтверждалъ всякой разъ новаго владѣльца грамотами.

Тотъ и другiй, завсегда бывъ въ союзѣ, въ случаяхъ защищенiя вольности и сопротивленiя Китайскимъ войскамъ, иногда воевали между собою: что послѣдовало за нѣсколько предъ симъ лѣтъ. Тонг-Ту (*) Сеэ-Тшуенскiй, велитъ имъ положить оружiе и жить мирно; ибо ратные ихъ люди, впрочемъ худо изученные военному дѣлу, чинили токмо набѣги за рубежи Государства, разоряли и грабили жителей. Тонг-Ту долженствовалъ наказать ихъ. Мiао-Тсеэяне [такъ имяновались жители Кин-Тшуэнскiе] не только не удовлетворяютъ велѣнiе Тонг-Туа, но еще болѣе своевольствуютъ. Обѣ орды замирятся, идутъ на Китай. Опытностьми вѣдали, что оборонительно токмо дѣйствуя, и тщательно охраняя ущелье горъ своихъ, могли оставаться безопасны. Въ полной таковой довѣренности продолжаютъ разбои. Тонг-Ту понялъ, что съ одними областными войсками не можетъ противостоять варварамъ симъ: проситъ подкрѣпленiя отъ Императора.

Сей испытуетъ сначала средства миролюбныя; два Чиновника отправлены къ обоимъ Князьямъ Кин-Тшуенскимъ со увѣщанiями, чтобъ возвратилися на путь

(*) Тонг-Туами у Китайцевъ зовутся областные страноначальники.

путь должности. Старѣйшины Miao Тсеэянѣ оскорбили посланцевѣ сихѣ: разодрали предѣ ихѣ глазами грамоту Императорскую. Преступленie ужасное, не могущее инако загладиться [соотвѣтственно мнѣнію Китайцевѣ], какѣ самыми наилютѣйшими карами. Его Величество рѣшится истребить орды сiи, хотя во всѣ времяна разумѣли оное предпрiятiемѣ мечтательнымѣ.

Избираетѣ Полководцемѣ Акуія, отличившагося уже подѣ начальствомѣ Фу-Теа на Элеутской войнѣ. Слѣдствіе доказало, что не ошибся онѣ. Не безнужно сказать нѣчто вѣ не многихѣ словахѣ о великомѣ мужѣ семѣ.

Акуи происходитѣ отѣ знатныхѣ предковѣ вѣ народѣ Маншускомѣ: Наслѣдственно принадлежалѣ ему нѣкоторый участокѣ войска, подѣ такѣ называемымѣ Краснымѣ знамемѣ. Во младости преходилѣ ученіе преподаемое вѣ Китаѣ сѣ великими успѣхами. Нѣтѣ почти книги, которую бы не помнилѣ. По смерти отца своего жилѣ вѣ Пе-Кингѣ не извѣстенѣ, любочестіе свое поставляя токмо вѣ исполненіи своихѣ должностей, досуги же посвящая Наукамѣ. Достоинство истинное рано, или поздно, но опознается. Насталѣ случай разбирать ему нѣкоторое дѣло обще сѣ Вельможею Фу-Генгомѣ. Ясность, точность и краткость оговариванія его по сему дѣлу, восхищаютѣ Фу-Генга. Предводительствуя онѣ по томѣ воинству Элеутовѣ, вспомнилѣ обѣ немѣ и послалѣ его служить подѣ Фу-Теемѣ. Акуи обстоятельно доноситѣ обо всемѣ происходящемѣ вѣ войскѣ Фу-Тея Фу-Генгу; а сей доносилѣ о томѣ Императору, не скрывая имяни Чиновника, отѣ коего получаетѣ толико

льно полныя освѣдомленія. Болѣе, нежели чрезъ десять лѣтъ, напомнилъ и самъ Императоръ объ Акуіѣ; жалуетъ его Полководцемъ вторыя степени, въ войскѣ, отряженномъ противу Царства Міеискаго и онаго союзниковъ.

На сей войнѣ прославился Акуи не меньше войны первыя благоразуміемъ и храбростію. Війна окончалась; Акуи наимянованъ военнымъ Мандариномъ особаго знамя; послѣ же учиненъ Предсѣдателемъ многихъ Судилищъ. Вѣроятно, что далѣе не возвышался бы, естьли бы не произшелъ между тѣмъ мятежъ въ Міао-Тсеэянахъ. Императоръ положилъ самъ въ себѣ варваровъ сихъ искоренить. Въ одномъ изъ прочетныхъ своихъ указовъ тако изражается: . . . „Исполнить волю Небесъ, есть погубить злодѣевъ, день „отъ дня раздражающихъ оныя.„ Собранъ Государственный Совѣтъ въ засѣданіе и похваляетъ предначинаніе Государя. Князи и Вельможи къ тому пріобщаютъ: . . . „Однако же дѣло таковое не удобь возможно есть, брали нѣкогда приступами Міао-Тсеэянъ, побѣждали ихъ; но ставъ побѣждены, убѣгали въ горы, непроходимыя для насъ, и оттуда „возобновляли набѣги, всякой разъ внезапные.„ Императоръ упорствуетъ, не сомнѣвается объ успѣхѣ, полагаясь на избраннаго имъ Полководца, и говоритъ: . . . „Акуи исполнитъ намѣреніе мое. Осуждаетъ ли „кто избраніе мое, да обнажаетъ мысли свои: готовъ выслушать и принять въ разсужденіе.„

Никто не ожидалъ, чтобъ уста Императоровы нарекли имя сіе. Каждый разумѣлъ Акуія чиновникомъ на ряду съ прочими, годящимися токмо занимать въ войскахъ второе, или третіе лице; пото-

му наипаче казалось удивительно, что при Дворѣ и по областямъ имѣлъ Императоръ множество знаменитыхъ военачальниковъ далеко выше степенью Акуія, да и такихъ, которые снискали славу верьховно повелѣвая ополченіями: слѣдовательно несравненно же болѣе его были мужи навычные. Никто однако же не пререкаетъ избранія; не находили, что сказать противу, или не смѣя опровергать изреченное Императоромъ.

Акуи ставъ почтенъ такимъ образомъ отъ Государя своего, получаетъ еще другую милость, не меньше лестную: отдаютъ въ полную его волю брать ратниковъ изъ всѣхъ восьми великихъ участковъ войскъ и производить войну по собственному его благоразсмотрѣнію. Поспѣшаетъ въ главный городъ области Сез-Тшуенскія; освѣдомляется о всемъ происходящемъ въ Кин-Тшуенѣ, особенно же о томъ, что случилось между Міао-Тсезянами и подчиненными Тсонг-Туау, посыланными на нихъ.

Узнаетъ, что военоначальникъ Уэи-Фу съ десятью тысячами областнаго войска ходилъ на Міао-Тсезянъ, разбилъ ихъ и принудилъ удалиться отъ рубежей Имперіи; что сей Уэи-Фу возгордясь успѣхомъ, вмѣсто того, чтобъ довольствоваться ему охраненіемъ ущелій въ горахъ и главныхъ проходахъ, коими варвары могли дѣлать набѣги вновь, погнался за ними, и зашедъ во внутренности горъ, былъ убитъ почти со всѣми своими.

Узнаетъ, что неплодоносіе по горамъ симъ, недостатокъ дорогъ, каменные холмы, утѣсно крутые, глубокія пропасти, срѣтаемыя почти на вся-

комъ

комъ шагѣ, овраги, глубокія рѣки, мрачные лѣса, учиняютъ невозможнымъ прехожденіе войска. Но хотя бы преодолѣвая всевозможныя затрудненія и неудобства со всевозможнымъ мужествомъ и твердостію духа, проникнуло даже до внутренности горъ мѣлкими участками, то и тогда бы не обходимо должно было нести всякіе запасы на плечахъ; ибо всякія повозки безполезны по таковымъ пропастямъ и стремнинамъ, что повстрѣчаются иныхъ родовъ препятствія по мѣстоположеніямъ, качествамъ воздуха. Напослѣдокъ дошло бы сопротивляться жителямъ, имѣющимъ огнестрѣльное оружіе, укрѣпленные города, помоществуемымъ Индѣйцами.

Акуи пользуется освѣдомленіями, проситъ у Императора полныя власти надъ Тсунг-Туемъ Тсеэ-Тшунскимъ и иными областными чиновниками. . . . Не отказывается ему и въ томъ. . . . Тсунг-Ту, надежный ему другъ, снабдѣваетъ его въ изобиліи запасами и носильщиками оныхъ. Сверьхъ обычайныхъ потребностей для войны, беретъ съ собою слитки мѣди, дабы смотря по нуждѣ, выливать ему пушки и бомбы, коихъ о провозѣ предъ непріятельскіе города и помышлять было безумно.

Ополченіе его собралось, раздѣлилъ на многіе участки, входитъ въ Кин-Тшуенъ разными ущельями горъ; каждый участокъ составляетъ особое не большее войско.

Между подчиненными ему чиновниками, съ коими совѣтовался, былъ и Футъ, великій военоносецъ, украсившійся толикими лаврами въ Татаріи, и о которомъ упомянулъ я пространнѣе на иномъ

мѣстъ(*). Удержалъ онъ до конца славу имяни своего, воюя съ Кин-Тшуенцами, но его гордыня, суровой нравъ, завлекли во множество проступковъ даже и противу самаго Императора, за что и не избѣжалъ казни по законамъ.

Помянутые участки овладѣваютъ проходами, низлагаютъ Міао-Тсеэянъ, преодолѣваютъ ихъ, вползаютъ на прекрутые холмы, преходятъ пропасти, и меньше, нежели чрезъ одинъ мѣсяцъ, овладѣваютъ малымъ Кин-Тшуэномъ. Царя Сенг-Ке-Санга, готовящагося послѣднія истощить силы, спасая столицу свою, постигаетъ смерть. Міао-Тсеэяне дрогнули, и уже не защищаются: оставляютъ побѣдителямъ города и всѣ свои имущества, бѣгутъ въ великій Кин-Тшуэнъ. Акуи гонится, но прежде разоривъ города и деревни до основанія, сравниваетъ съ поверьхностію земною укрѣпленныя мѣста; лишаетъ жителей всякаго убѣжища въ случаѣ возвращенія ихъ. Мертвое тѣло Сенг-Ке-Санга сберегаетъ для показанія Императору въ свое время, для совершенія надъ нимъ обычайныхъ обрядовъ.

Давъ отдохнуть ратникамъ, двигается паки. Сономъ, владѣлецъ великаго Кин-Тшуэна, срѣтаетъ его. Жители горъ сихъ, всякаго пола и возраста, вооружаются; почти на каждомъ шагѣ новые непріятели. . . . Коликое множество погибаетъ храбрыхъ людей! одни подавляются катящимися съ горъ камнями, другіе падаютъ отъ огнестрѣльныхъ ударовъ и никто не видитъ, откуда приходятъ оные. Нѣкоторые окружаются внезапу многочесленною толпою и бываютъ изрублены, не возъимѣвъ времени приго-

(*) Смотри Томъ первый листъ 367.

готовиться къ отпору. Иные свергаются съ гребней утесныхъ крушизнъ, на которыя съ толикимъ трудомъ вкарапнаться могли. Акуи не малодушествуетъ, и ежедневно становится властителемъ новаго важнаго укрѣпленія. Напослѣдокъ достигаетъ предъ Ло-У-Уэи, столичный городъ великаго Кин-Тшуэна, обычайное жилище Царя Сонома. Пушки и бомбы доставляютъ его онымъ.

Сономъ съ семейством, придворные его, всѣ ратники, бѣгствуютъ, достигаютъ противнаго края горъ Кин-Тшуэнскихъ. Тамо есть наикрѣпчайшее изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ. Руки человѣческія ничего не могутъ удобнѣе превзнести къ отраженію осаждателей. Царь со избраннымъ воинствомъ засѣлъ на мѣстѣ семъ; прочіе же его оруженосцы оное окружили.

Акуи не долго медлилъ въ Ло-У-Уэіѣ для отдохновенія удрученныхъ его ратниковъ. Отсюдато доноситъ Императору о смерти многихъ чиновниковъ, сожалѣнія его достойныхъ, особенно же Князя Мон-Гу, супруга старшія его дочери. Отваживается предать писанію, на что едва ли поступаютъ и словесно предъ Государями: то есть описываетъ ему обстоятельно мученія, каковыя претерпѣли знатнѣйшіе изъ подчиненныхъ ему отъ Міао-Тсеэянъ. Императоръ говоритъ къ ближнимъ Вельможамъ: . . . „Акуи увѣдомляетъ меня, что главныя „крѣпости Кин-Шуэнскія, выключая К.рѣія, гдѣ Со„номъ съ семействомъ своимъ заперся, уже во вла„сти его. Судя по чертежу, присланному ко мнѣ „отъ него, скоро завоюютъ и всю страну сію. . . . „Не льзя болѣе быть довольну, какъ я имъ.„

Осадилъ Караiю въ намѣренiи взять оную приступомъ. Естьли до сего Маншуцы долженствовали превозмогать великiя препятствiя; но срѣтаютъ несравненно большiя, приближаяся къ мѣсту сему.

Не мое дѣло простираться о мѣлкихъ стычкахъ, изчислять крѣпости, взятыя приступами, на пути до Караiи; завело бы то въ неприличныя сочиненiю моему подробности.

Выливаютъ новыя пушки; Императора предъувѣдомляетъ, что предпрiятiе таковое будетъ протяжно; ибо надлежало тѣснить крѣпость со всѣхъ сторонъ; ибо надлежало обхватить воинствомъ превеликую гору, инако же Сономъ убѣжать могъ, какъ убѣжалъ уже изъ столицы своей. Предпрiятiе Акуiя не въ томъ только состояло, чтобъ овладѣть Караiемъ; но овладѣть же и особою Царя мятежника.

Начинаетъ преграждениiями путей во всѣ стороны. Немалую часть ополченiя своего располагаетъ позади горы, чтобъ съ ней стрѣляли по крѣпости, съ другiя же дѣйствовать предоставилъ себѣ.

Познавъ чрезъ повелѣнные отъ него знаки, что всѣ его воинства уже достигли назначенныхъ имъ мѣстъ. Собственною особою начинаетъ первый приступъ, которымъ удается ему посломать острiя нѣсколькихъ каменныхъ холмовъ; однако же мятежники устрашились: помышляютъ о сдачѣ, просятъ о сложенiи оружiя на время переговоровъ о томъ. Акуи соглашается. . . . Сономъ присылаетъ къ нему все, что ни имѣлъ любезнѣйшаго на свѣтѣ: мать, жену, сестръ, въ залогъ вѣрнаго исполненiя обязательствъ сво-

своихъ; проситъ токмо, дабы даровали жизнь ему и его семьянамъ; дабы позволили ему царствовать надъ подданными, подъ верьховною зависимостію отъ Императора. Акуи отвѣчаетъ на сіе: . . . „ Требо„ванія толикія важности не смѣю исполнить безъ „ соизволенія Государя моего. Представлю ему, бу„ду ожидать велѣнія; а между тѣмъ совѣтую тебѣ „ Соному подвергнуться во всемъ милосердію его, и „ самопроизвольно предать себя въ мои руки.„

Сономъ не слѣдуетъ совѣту, рѣшится защищать себя.

Акуи пишетъ ко Двору, и продолжаетъ осаду съ наипущею яростію.

Императоръ повелѣваетъ Полководцу простить Царя мятежника, естьли безъ наималѣйшаго замедленія сдастся ему; обѣщать, что будетъ по прежнему владѣть подданными своими, однако же отымутся у него горы Кин-Тшуэнскія: вмѣсто же того отведутъ ему мѣста на поселенія внутри Китайскаго Государства. По семъ издаетъ въ народъ похвалу Акуію, которую тако сократить можно: . . . „Акуи „ чрезъ все продолженіе настоящія войны не заслу„живаетъ ничего инаго, кромѣ совершеннаго моего „ одобренія. Его прозорливости, мужеству и опытно„стямъ, долженствую успѣхами симя. Мятежникъ „ Сономъ загнанъ въ послѣднее свое убѣжище и гово„ритъ уже о здачѣ. Аписангъ, мать его, Ашингъ „ его тетка, его сестры подступили къ Полководцу „ моему даже въ самомъ его воинскомъ станѣ, и „ просили помилованія. Безъ сомнѣнія Сономъ увидитъ „ себя плѣнникомъ, естьли добровольно не покорит„ся мнѣ. Когда Акуи овладѣлъ столицею Великаго

„ Кин-

„Кин-Тшуэча, украсилъ я шляпу его павлиновымъ „перомъ, съ двойными кружками; позволилъ носить „пуговицу яхонтовую, какїе носятъ на шляпахъ же „чужестранныя владѣльцы, заслуживающїе милость „мою. Днесь помѣщаю его между первѣйшими Мандаринами Имперїи; да отнынѣ нарицается Тшенг-„Меу-Инг-Юунг-Кунгъ (преложить сїе на языкъ „Европейскїй инако не льзя, какъ наизнатнѣйшїй „Вельможа, равно прославившїйся и прозорливостїю „и храбростїю безпримѣрною). Сверьхъ того да носитъ желтый поясъ, епанчу съ четырьмя вышитыми золотомъ драконами, подобно Князямъ крови „моей.

„Между служащими подъ нимъ, Минг-Леанга „награждаю имянемъ Сїанг-Юунг-По (умѣющїй „пользоваться храбростїю своею); Фунг-Шенг-Нго „да имянуется отнынѣ Тсеэ-Кїо (знатный Дворянинъ); и Ки-Юунгъ (многажды испытанная храбрость). Названїемъ Тсеэ-Кїо, да нарицается младшїй его братъ, доколѣ не будетъ сыновей у перваго, и такъ далѣе потомственно.„

Награждены же были члены Государственнаго Совѣта, Предсѣдатели Судилища военнаго, члены Совѣта же Акуїева, дѣловыя особы, Тсонг-Туи и ихъ Намѣстники по областямъ; нижнїе Военачальники, чемъ либо отличившїеся, и повышены чинами.

Акуи даруетъ жизнь Соному и ближнимъ его, только бы повиновалися соизволенїю Императора и отправилися бы со всѣми подданными своими изъ горъ Кин-Тшуэнскихъ селиться внутрь Китая. Сей отвѣчаетъ: . . . „Лучше хощу быть погребенъ подъ

„раз-

„развалинами отечества моего. Приступаетъ къ отчаяннымъ отпорамъ: однако же бываетъ принужденъ по прошествiи двухъ, или трехъ недѣль, здаться.

Такимъ-то образомъ завоеваны стали великiй и малый Кин-Тшуэнъ. Сономъ съ семействомъ плѣнники. Акуи проситъ Императора о послѣднемъ ему предписанiи, что дѣлать онъ долженъ. Повелѣвается Царя съ единокровными его и знатнѣйшихъ его придворныхъ препроводить въ Пе-Кингъ; а съ ними прислать голову Сенг-Ко-Санга, Царя малаго Кин-Тшуэна. Впрочемъ же предоставилъ поступать Акуiю какъ за благо разсудитъ.

Сономъ привезенъ въ Государственную столицу. Предсѣдатель Судилища чиноположенiй представляетъ Императору, что весьма уже давно не совершался торжественный обрядъ Гiэн-Феу; что весьма поспѣшествуетъ оный къ удержанiю народовъ и Князей данниковъ въ должности; что обрядъ таковый былъ въ употребленiи при многихъ великихъ Государяхъ разныхъ династiй, начиная самою далекою древностiю.

Императоръ похваляетъ усердiе Предсѣдателя. Въ слѣдствiе того дано велѣнiе сороку осьми владѣльцамъ Татарскихъ Ордъ прибыть въ Пе-Кингъ, для встрѣчи Акуiя и для присутствованiя при обрядѣ Гiэн-Феу, который произходить будетъ въ двадцать пятый день четвертыя луны.

Что такое Гiэн-Феу, продолжающiйся обычайно чрезъ два дни, скажу кратко: . . . Въ день третiй, посѣщаетъ Императоръ храмину предковъ

вЪ препровожденiи Полководца завоевателя и знатнѣйшихЪ соучастниковЪ его побѣдѣ. За ними ведутся плѣнники. Первый окончивЪ чиноположенiе, увѣдомляетЪ прахЪ отца своего и прахи же своихЪ предковЪ о замѣчательныхЪ произшествiяхЪ войны, преславно оконченной. Подводитъ кЪ гробамЪ ихЪ плѣнниковЪ. По томЪ возвращается во ДворецЪ; ПолководецЪ же, завоеватель, отводитЪ плѣнниковЪ вЪ Ше-Тси-ТанЪ, сирѣчь на мѣсто, гдѣ покланяются духамЪ разпространенiя рода человѣческаго. Плѣнники падаютЪ ницЪ, просятЪ духовЪ о прощенiи за мятежничество свое.

ВЪ день вторый ИмператорЪ, ПолководецЪ, Мандарины военные и гражданскiе, всѣ Чиновники, бывшiе на войнѣ, собираются предЪ Дворцовыя врата У-МенЪ: ИмператорЪ кажетЪ себя на переходахЪ надвратныхЪ, обращенныхЪ кЪ южному великому Двору. Мандарины гражданскiе становятся на лѣвой, военные на правой сторонѣ; внутри Двора ПолководецЪ, служившiе подЪ нимЪ Чиновники и военноплѣнные. ЧрезЪ нѣсколько минутЪ ПолководецЪ приближается кЪ переходамЪ, подводитЪ ЧиновниковЪ своихЪ одного за другимЪ, доноситЪ о заслугахЪ и достоинствѣ каждаго, имЪ относя большую часть успѣховЪ войны. ИмператорЪ каждаго милостиво привѣтствуетЪ вЪ немногихЪ словахЪ. НаконецЪ произноситЪ имя Полководца громогласно: всѣ падаютЪ ницЪ, бьютЪ челомЪ и благодарятЪ Государя. Полководца призываютЪ на переходы и сажаютЪ подлѣ Императора.

Нижнiе чиновники, до того стоявЪ безпорядочно на дворѣ, строятся двумя рядами отЪ вратЪ

до

до плѣнниковъ, чтобъ были они видны. Императоръ вопрошаетъ объ имяни всякаго нижняго чиновника; и чемъ который отличился на войнѣ, требуетъ совѣта, какъ бы ихъ наградить. Далѣе воззрѣвъ на плѣнниковъ, требуетъ же совѣта у Полководца, не льзя ли помиловать ихъ, не нарушивъ правосудія. Полководецъ отвѣтствуетъ на все, пространнѣе же на послѣдній вопросъ.

Желая спасти жизнь оныхъ, не имѣетъ никогда Императоръ недостатковъ въ поводахъ къ тому. Но когда вѣдаютъ, что смерть ихъ не избѣжна, то начинаютъ предъ нимъ изчислять всѣ ихъ злодѣйства, особливо заслуживающія казнь по законамъ. Императоръ выслушавъ даетъ знакъ, подымается съ мѣста своего и входитъ во внутренніе чертоги, препровождаемый всѣми Придворными въ нарядныхъ одеждахъ. Засимъ влекутъ осужденныхъ на лобное мѣсто. . . . . То же самое случилось съ Сономомъ и его ближними.

Помѣстимъ здѣсь для любопытныхъ смертный приговоръ Царю сему съ прочими.

Съ Акуіемъ привезли въ Пе-Кингъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ узниковъ, и были то или сродники Сонома, или Вельможи, Придворные его. По приведеніи всѣхъ ихъ на мѣсто казни читанъ былъ слѣдующій приговоръ: . . . . . Сономъ, Шалопенъ, братъ его, Кантакъ, Саномпотшукъ, Каруа, Готсарь, его „Дѣловцы; Атшима, его тетка: сія злая женщина, „которая воспламенила и усилила мятежъ паче всѣхъ „прочихъ Міао-Тсеэянъ; Лангдсія, мужъ послѣдней, „столь же виновный; двое духовныхъ, Танкіо и Кан„пу съ десятью членами Совѣта Сономова, да изру-

„бытся въ мѣлкія части. Еще девятнадцать мятежниковъ, не столь тяжко преступившихъ, ради „младости ихъ и за повиновеніе природному владѣльцу „да будутъ токмо обезглавлены. Еще шестнадцать „сродниковъ Сономовыхъ и его придворныхъ наказать „вѣчною темницею. Еще пятьдесятъ два человѣка сослать въ ссылку ко Элеутамъ, дабы служили имъ „яко рабы.

„Военачальниковъ, дѣйствовавшихъ противу „насъ непріятельски: сорокъ пять знатнѣйшихъ, по„мѣстить простыми ратниками въ войскахъ нашихъ. Еще „тритцать пять определить невольниками къ зна„тнѣйшимъ изъ Татаровъ Сан-Синскихъ. Достальныхъ пятьдесятъ восемь къ таковымъ же, изъ на„рода Манти-Шускаго.

„Панти и еще другіе Ламы, числомъ шестнатцать, соучаствовали въ мятежѣ Сонома, а за то „да будутъ сопричтены къ служителямъ храма Кі„анг-Нинскаго.„

Къ плачевному таковому произшествію отдается мнѣ пріобщить нѣчто достойное любопытства вашего, о витязѣ Футѣ, о которомъ уже упомянулъ я выше. Неустрашимый сей военосецъ, въ самой вышшей степени храбрый, ни съ кѣмъ на свѣтѣ себя не равняя, возненавидѣлъ Акуія и не пропускалъ случаевъ изливать противу его желчь пиша къ Императору; наконецъ обвинялъ его явно.

Императоръ зная совершенно и того и другаго, вознебрегъ доносами. Фута же послалъ судить на мѣстѣ и казнить смертію, естьли заслужилъ онуя.

сную. Отряженные на сей конецъ Вельможи прибыли въ Сеэ Тшуэнъ; приступили къ уголовному слѣдствію, подъ рукою и откровенно; допрашивали Фута: нашли его виновнымъ и осудили отрубить ему голову. Футъ подаетъ подозрѣніе на Судей своихъ, говоритъ имъ въ глаза, что подкуплены отъ Акуія, и приговоръ ихъ взноситъ на разсмотрѣніе Императора, съ которымъ необходимо видѣться онъ долженъ для открытія изустно, чего не можетъ открыть никому иному.

Судіи по согласію съ Акуіемъ не отрицаются удовольствовать его. Пишутъ ко Двору; пишетъ же туда и Футъ. На верьху обвертки письма его значилось: чтобъ никто кромѣ Его Величества не дерзнулъ читать.

Послѣдовало велѣніе препроводить Фута въ ПеКингъ; допущенъ предъ Государя: выслушивалъ онъ его; однакоже нашелъ, что все доносимое имъ было или ложь, или клевета, или затѣи безъ доказательствъ.

Учиненный ему приговоръ въ Сеэ Тшуэнѣ исполнился самою вещію. Издано слѣдующее провозглашеніе въ народъ:

„Футъ доносилъ Императору о многихъ преступ„леніяхъ противу его службы; особенно же объ удер„живаніи денегъ, назначенныхъ въ награжденіе рат„нымъ людямъ сверьхъ обычайнаго ихъ жалованья. „Его Величество нарочно послалъ отъ Двора Вельмо„жей въ Сеэ Тшуэнъ изслѣдовать дѣло сіе обще „съ Полководцемъ Акуіемъ и областнымъ Тсонг-Туемъ „по законамъ. Обрѣли его фута виновна, паче же

„въ удержанiи повелѣнныхъ денегъ въ награду соб-
„ственнымъ его подчиненнымъ воинамъ. Единое подоб-
„ное преступленie, не говоря о многихъ другихъ,
„заслуживаетъ смерть. По сему и осужденъ былъ ко
„обезглавленiю. Приговоръ таковый пренесъ онъ на
„разсмотрѣнie самому Императору. Судiи отправля-
„ютъ нарочнаго гонца къ Его Величеству, съ кото-
„рымъ посылаетъ же и отъ себя Футъ къ Государю
„письмо, наполненное клеветъ противу Полководца
„Акуiя. Футъ препровожденъ въ Пе-Кингъ, видитъ
„очи Императоровы, позволяется ему говорить все,
„что хочетъ, и оправдываться. Государь держа въ ру-
„кѣ письмо его, требуетъ доказательствъ содержав-
„шемуся въ немъ; но слышитъ двоесмыслiя, слухи
„неосновательные, разсѣвающiеся иногда между без-
„покойными простыми ратниками. Футъ признается,
„что лучшихъ доказательствъ не имѣетъ; падаетъ
„къ ногамъ его, бiетъ челомъ и самъ себя имянуетъ
„виновнымъ. Прогнѣвался Императоръ, отдаетъ его
„на истязанiе, мучатъ его палками и по томъ бываетъ
„присланъ къ намъ Вельможамъ Имперiи, дабы суди-
„ли мы его рѣшительно. Разсматривая со всевозмож-
„нымъ вниманiемъ дѣло сiе, изрекли мы, что Футъ
„преступникъ. 1) Присланныя отъ Двора деньги въ
„награду ратнымъ людямъ подъ его начальствомъ раз-
„давалъ не отъ имяни Императорова, а отъ собствен-
„наго своего; и не всѣмъ, но кому хотѣлъ.

2. отъ всякихъ пятидесяти унцiй серебряныхъ денегъ оставлялъ у себя по одной унцiи.

3. За самую малую вину, не описываяся съ Го-
„сударемъ, одного изъ первыхъ подъ собою Чиновни-
„ковъ, имянемъ Коанг-Тшея, разжаловалъ въ рядовые

„рат

„ратники; а сей не стерпя посрамленія, не заслу-
„женнаго имъ, самъ себя умертвилъ.

4. Бывъ веденъ подъ стражею въ Пе-Кингъ
„Кан-Таіемъ, взыскавцемъ его, оказывалъ всякаго
„рода своевольства: бралъ взятки съ народа и мѣл-
„кихъ Мандариновъ помѣстныхъ. . . Сей самой под-
„лецъ Кан-Таи тайно доносилъ Акуію на его Фута
„въ разныхъ нарушеніяхъ должности.

5. Дерзновенное письмо на Ман-Тшускомъ язы-
„кѣ къ Его Величеству, наполнено лжей и клеветъ:
„будто бы Акуи отослалъ въ Пе-Кингскій свой домъ
„сто ящиковъ съ добычами на несмѣтную цѣну; но
„въ чемъ состояли положенныя въ нихъ вещи, пока-
„зать не могъ. Хвалилъ одного токмо себя безъ вся-
„кія умѣренности; хулилъ же всѣхъ иныхъ, безъ
„изъятія начальныхъ людей въ войскѣ нашемъ. О
„Полководцахъ, бывшихъ предъ нимъ, особенно же о
„Фу-Генгѣ, упоминалъ съ презрѣніемъ яко о невѣж-
„дѣ даже и въ самыхъ первыхъ правилахъ ремесла
„военнаго; что ставъ онъ награжденъ желтымъ поя-
„сомъ, не зналъ, что дѣлать отъ радости; что взялъ
„оный въ руки, бѣгалъ ко всѣмъ первѣйшимъ по себѣ
„и кричалъ: . . . Вотъ мзда за достохвальное мое по-
„веденіе и храбрость! теперь я равенъ съ Князьями
„крови.

„Призывали мы къ себѣ всѣхъ главныхъ людей
„войска, подчиненнаго Императоромъ Акуію; говори-
„ли съ ними пространно обо всемъ, и единогласный слы-
„шали отвѣтъ, что Футъ клевещетъ токмо на
„Акуія по подлой зависти, удовлетворяя злобное
„свое сердце.

„Футъ

„ФутЪ, вѣдая самЪ, что онЪ виновенЪ, взялЪ „намѣренiе доносить на Полководца, упреждая не„избѣжную смерть свою, естьли тотЪ доносить на „него будетЪ.

„ВЪ заключенiи письма своего кЪ Императору „изражается тако: . . . Слѣдовательно по законамЪ „Акуiя должно изрубить вЪ мѣлкiя части. . . . По „сему мы, поставленные отЪ Его Величества судить „Фута, приговариваемЪ его вЪ сходственность за„коновЪ кЪ той же самой казни.

„Касательно же до Инг-Таiя, перваго по немЪ „военачальника; не могЪ онЪ не вѣдать обЪ удержа„нiи денегЪ войску; не могЪ не быть соучастникомЪ „вЪ преступленiяхЪ Фута: приговариваемЪ его кЪ „ссылкѣ во Илiйскую область; Кан Тiя же вЪ Татарiю „кЪ тяжкимЪ работамЪ.

„Фута и прочихЪ двухЪ у сего препровождаемЪ „вЪ Уголовную палату.

„БывшихЪ служителей ФутовыхЪ, изЪ народа „Мiао-Геэнскаго, предаемЪ разсмотрѣнiю военнаго „Совѣта, да поступитЪ сЪ ними по благоразсмотрѣ„нiю своему.

„Сей нашЪ приговорЪ поднесенЪ былЪ Его Ве„личеству, и на ономЪ написано Монаршею его рукою „тако: ФутЪ да будетЪ обезглавленЪ; впрочемЪ „быть по сему. ВЪ седьмый день пятыя луны, сорокЪ „перваго лѣта владычества моего. Кiен-ЛонгЪ.„

ФутЪ казненЪ былЪ того же самаго дня.

Акуи

Акуи, освободясь опаснѣйшаго для себя непріятеля, нежели каковы были Міао-Тсеэяне, увидѣлъ себя на самой высотѣ щастія. Императоръ учинилъ его первымъ Государственнымъ Дѣловцемъ; нѣтъ милостей, какихъ бы не оказывалъ ему; да и судя по поведѣнію его, таковымъ останется онъ по крайней мѣрѣ чрезъ настоящее царствованіе.

Изобразивъ вамъ Китайскаго Императора съ мечемъ правосудія въ рукѣ, не могу лучше окончать письма моего, какъ представивъ его вамъ сыплющаго благодѣянія и награды по всему Китаю. Дадимъ говорить самому ему въ провозглашеніи въ народъ, изданномъ послѣ Міао-Тсеэйской войны.

„Предкамъ моимъ долженствую благоденствіемъ „и славою владычества моего. Какъ скоро увѣдомленъ „я сталъ, что великое сіе дѣло приходитъ къ совер„шенному окончанію: спѣшу на гробъ моего прадѣда, „благодарю прахъ его за ниспосланныя мнѣ съ Небесъ „милости. Тотчасъ послѣ того, вижу торжественно „входящаго ко мнѣ гонца со знамемъ побѣды. Отпра„вляюсь во область Шан-Тонгскую. Тамо на горѣ, „Шан-Тшанъ, приношу благодарственныя молитвы. „Оттуда посѣщаю Кіуэ-*Ли*, и даю вѣдать памяти „Конфуціевой о завоеваніяхъ моихъ, благодаря за доб„рыя его наставленія, и покланяюся ему по обычай„ному чиноположенію.

„Возвратяся въ столицу мою, пріуготовляюся „встрѣтить велелѣпно Полководца моего Акуія. До„пущаю его предъ себя у вратъ Дворца моего, обра„щенныхъ къ полудню; за нимъ послѣдовалъ Царь „мятежниковъ съ ближними своими. Князи, Вельможи,

„первенствующїе Военачальники, предстали же. Всѣхъ „и каждаго награждаю по мѣрѣ заслугъ и достоинствъ. „Исполнивъ таковый долгъ мой, яко Императоръ, нахожу „необходимостїю исполнить и другїй, яко сынъ. По„слѣдуемаго верьховнымъ Полководцемъ, воинскими его „чиновниками и дворомъ моимъ, видятъ меня во хра„минѣ долголѣтїя и благоденствїя (такъ имянуются „чертоги Императрицы матери). Я и всѣ покланяе„мся низко даровавшей мнѣ жизнь, ей одной достой„но присвояя полученные успѣхи славы. Къ почестямъ „и величїю ея прїобщаю новыя.

„Въ первый день пятыя луны, сорокъ перва„го лѣта владычества моего, во Дворцѣ моемъ, на „мѣстѣ, установленномъ на такїе случаи, Князи „Вельможи, Мандарины, ученые и военные, собира„ются нести торжественно златый листъ, на ко„торомъ вырѣзаны титла святыя матери моея. (Импе„раторы, говоря о матерях своихъ, нарицаютъ ихъ „на Китайскомъ языкѣ святыми, на Маньшускомъ же „Аншуринге Эніе.) Титлы ея доселѣ состояли въ „восьми двойныхъ буквахъ Китайскихъ, изъ коихъ „каждая означала особенную нѣкоторую добродѣтель „ея. Послѣдняя двойная буква гласитъ тако: „Нинг-Ю сирѣчь; всѣ добродѣтели въ совокупленїи; „толкуется же сїе на языкѣ Маньшускомъ: во мзду „за добродѣтели свои долголѣтствуетъ (была уже „она тогда на девяностомъ году отъ рожденїя), „дряхлости непричастна (никто не запомнитъ когда „либо ее больною), прославившаяся наипревосходнѣй„шимъ блаженствомъ (ибо сынъ ея есть изъ наи„лучшихъ Монарховъ Китая). Златый листъ прине„сенъ на головахъ во внутреннїе чертоги святыя „матери моея, положенъ съ почтенїемъ на прилич-

„номъ

номъ мѣстѣ. За симъ слѣдуютъ статьи, выполненныя по повелѣнію Императора.

1. Избраны Мандарины путешествовать къ пяти горамъ, называемымъ Ю̂, къ берегамъ четырехъ морей, приносить жертвы духамъ, покровителямъ Государства.

2. Другіе Мандарины же совершать благоговѣйный обрядъ предъ досками всѣхъ Китайскихъ Государей, издревлѣ и поднесь.

3. Предписывается каждому изъ Мандариновъ сихъ примѣчать, и навѣдываться нѣтъ ли какого либо общественнаго званія, требующаго возстановленія, или починокъ; брать имъ на оное деньги изъ казны.

4. Всѣ служащіе Мандарины чинами повышены.

5. Пониженные однимъ чиномъ, получили ихъ обратно.

6. Мандаринамъ, членамъ Судилища военнаго и подможнаго, сверьхъ награжденія чинами, даны письменныя засвидѣтельствованія прилѣжности ихъ и способности къ дальнѣйшему полученію вышшихъ степеней.

7. Верьховные военачальники и прочіе служивцы, въ послѣднюю войну наказанные чемъ либо, прощены и получили прежнее состояніе.

8. Мандарины, смотрители за исправностію больших проѣжихъ дорогъ, способствовавшіе въ проходѣ войскъ и въ провозѣ запасовъ, повышены же чина-

ми, и съ письменными же одобреніями годности ихъ заступить вышшія мѣста.

9. Мандарины правители городовъ вторыя и третіей степени, и всякаго инаго званія чины, способствовавшіе, чемъ бы то ни было, къ продовольствію войска, прощены во всякихъ винахъ, окромѣ похищенія военной казны и нарушенія чего либо надлежащаго до военной службы.

10. Рядовымъ ратникамъ, изъ пѣхоты, и конницы занявшимъ деньги изъ казны, данъ срокъ платежа на три года, а дотолѣ не вычитать изъ жалованья ихъ.

11. Раненые, или одряхлѣвшіе въ службѣ, пристроены щедро: дѣтямъ же ихъ (у кого оныя суть) даны отеческія мѣста въ войскѣ.

12. Бѣжавшіе изъ войска Маншусцы прощены, окромѣ тѣхъ, которые взяли съ собою что либо казнѣ принадлежащее.

13. Мандарины надзиратели почтъ и перемѣнныхъ лошадей для проѣзда гонцевъ, сверьхъ повышенія чинами, получили письменныя засвидѣтельствованія годности ихъ къ дальнѣйшему произвожденію, съ тѣмъ однако же, чтобъ прислали ко Двору на казенныхъ прогонахъ употребленныхъ ими гонцевъ къ разсылкамъ для награжденія.

14. Рядовымъ Маншусцамъ, Монгусамъ, Ганкузамъ, находящимся въ Пе-Кингѣ и по окрестностямъ

города

города сего, выдано не въ зачетъ за мѣсяцъ жалованье.

15. Пе-Кинское уличное и иныхъ городовъ такія же войски, зависящія отъ Управъ Благочинія, награждены мѣсячнымъ же жалованьемъ не въ зачетъ.

16. Всякій ратникъ изъ народа Маншускаго, который, служивъ въ сію войну, пришелъ не въ состояніе далѣе исправлять должность свою за старостію, или ранами, или болѣзнями, будетъ содержанъ и довольствованъ по смерть на счетъ казны.

17. Учители и ученики Уэ-Тсеэ-Кіэна получатъ за мѣсяцъ жалованье не въ зачетъ.

18. Учители восьми знаменъ съ учениками, потому же.

19. Возвратить изъ ссылки всѣхъ отвезенныхъ на вѣчное житіе въ области Пе-Тше-Ли и Шан-Тонгъ простить въ винахъ ихъ, и да идутъ, кто куда хочетъ.

20. Возвратить же и изъ прочихъ мѣстъ Имперіи и простить, естьли важность преступленія не весьма важная.

21. Кости ссылочныхъ, подходящихъ подъ таковое прощеніе, позволяется вывозить на праотеческія каждаго кладбищи, и тамо погребать съ честію.

22. Иждивенiемъ казны исправить вездѣ въ Государствѣ мосты и большiя дороги.

23. Изъ всѣхъ городовъ Имперiи Мандаринамъ, начальникамъ оныхъ, отъискавъ, сколько могутъ, болѣе увѣчныхъ, дряхлыхъ, нищенствующихъ стариковъ и всякаго рода безпомощныхъ людей, нуждающихся въ пропитанiи, призирать и покоить на счетъ казны.

Провозглашенiе сiе, изъявляющее соизволенiя мои, да будетъ вывѣшено на площадяхъ по всѣмъ мѣстамъ владычества моего. . . . Кiен-Лонгъ, въ сорокъ первое лѣто, пятыя луны, въ день первый.

Вотъ, милостивый Государь! подробности произшедшаго въ настоящiй годъ. Простите погрѣшности въ слогѣ моемъ: лучше хочу препроводить къ вамъ содержанiе, каковое достать могъ, нежели не посылать совсѣмъ. Имѣю честь пребывать и прочая

Амiотъ, Проповѣдникъ
Христiянскiя Вѣры.

въ Пе-Кингѣ
12 Сентября
1776.

ВТО·

ВТОРОЕ ПОДОБНОЕ ЖЕ ДОНЕСЕНІЕ

о

Завоеваніи страны Міао-Тсеэскія.

Міао Тсеэяне (жители горъ), о коихъ начинаю слово, раздѣлялися на двѣ малыя орды противу рубежей Се-Тшуэнскихъ и Куэн-Тшеускихъ, областей Китая, пространствомъ почти противу Лотарингіи. Одна орда называлась Сіао-Кин-Тшуенъ, другая Та-Кин Тшуенъ, каждая имѣла особаго своего Владѣльца, или Царя.

Около двадцати пяти лѣтъ назадъ, врывалися сіи орды во внутренность Имперіи, разоряли и грабили. Посланы на нихъ войски. Первый Полководецъ за неудачу предпріятія сего по указу Императора былъ обезглавленъ. Другій вступилъ съ ними въ договоры, одарилъ ихъ, и чрезъ то принудилъ возвратиться во своя, солгавъ предъ Государемъ, будто бы укротилъ мятежниковъ и признаютъ уже себя его подданными. За пять, или за шесть лѣтъ предъ симъ, приступили они вновь къ набѣгамъ на Китайскія селенія. Прогнѣвался Императоръ, и тогда же можетъ быть положилъ самъ въ себѣ истребить орды сіи: горы ихъ окружены тремя войсками, каждое въ сорокѣ тысячахъ ратниковъ.

Полководецъ Уэн-Фу получаетъ велѣніе всползать на неприступныя ихъ горы. Міао-Тсеэяне, отъ перваго его покушенія защищаются слабо. Уэн-Фу зашелъ въ глубокое ущелье; видѣлъ предъ собою крутые каменные холмы, какъ стѣна. Вдругъ появилисъ

вились со всѣхъ сторонъ непрїятели, заградили проходы Китайцамъ, которые изчезая отъ голода, отдались до единаго въ плѣнъ. Чрезъ многїе годы уже послѣ извѣстна стала участь Уэн-Фуа.

Два другїе Полководца были наказаны за то, что не подали помощь ему: одинъ удавленъ, другїй посланъ въ ссылку. Тогда то Акуи пожалованъ верьховнымъ Полководцемъ всѣхъ войскъ въ Государствѣ; выборъ, коего лучше быть не могло. Мужъ хладнокровный, твердъ, не отчаявающїйся ни отъ чего; гнѣвъ Императорскїй не страшилъ его, естьли причиною польза и слава отечества. Идетъ тѣмъ же путемъ въ горы, какъ и Уэн-Фу, но занимая высоты прилегающїя къ его проходамъ, обезпечивая завсегда тылъ ополченїя своего. Мїао-Тсеэяне тотчасъ познали, съ какимъ военоносцемъ имѣютъ дѣло: являютъ чудеса храбрости; женскъ полъ наравнѣ съ мужескимъ дѣйствуетъ оружїемъ. Молчатъ Китайцы, какъ велики были уроны въ первыхъ ущельяхъ горъ. Акуи, преодолѣвъ оныя, наступаетъ на второй рядъ ущелїй же. Мїао-Тсеэяне строятъ крѣпости на высотахъ; но онъ не спѣшитъ. Три мѣсяца остается, окруживъ одну каменную гору. Напослѣдокъ пользуяся густымъ туманомъ, отряжаетъ потребное число ратниковъ, которые вскарапкавшись на высоту сїю, ударили на непрїятелей и прогнали. Шагъ впередъ важностїю разумѣлъ Акуи; ибо не умѣлъ никогда отступать. Тако провождая чрезъ полтора года, былъ уже на двѣнатцать миль внутри горъ. Далѣе, достигнулъ предъ столицу Сїао-Кин-Тшуэнскую, называемую Маино, и взялъ ее приступомъ. Царь, Сенг-Ко-Сангъ, успѣлъ скрыться заблаговременно. Престарѣлый его отецъ давно уже оставилъ правительство-

ствовать народомъ, принялъ званіе Ламы (Бонзы, или вышнее духовенство у Татаръ). Благонадежнымъ для себя убѣжищемъ почиталъ запереться въ нѣкоемъ укрѣпленномъ монастырѣ; но обманулся: плѣненъ, отосланъ въ Пе-Кингъ, и тамо въ бѣдности окончалъ жизнь.

Ачуи медленными шагами преслѣдуетъ Сенг Ко-Санга съ горы на гору, изъ одного ущелья въ другое, даже до конца предѣловъ его. Тамо находился Міао (идольское капище), укрѣпленное со всевозможнымъ тщаніемъ, какъ только примыслить могли Міао-Тсеэяне. Сенг-Ко-Сангъ защищается въ немъ отчаянно, но ставъ преодоленъ, бѣгствуетъ въ Та Кин-Тшуэнъ такою узкою разсѣдиною одной горы, что только два человѣка могли слѣдовать въ рядъ. Вся страна владѣнія его досталась Китайцамъ: однако же война не окончена тѣмъ; ибо Царь пойманъ еще не былъ, въ тамошнихъ же народахъ рѣшится оная ни чемъ инымъ, какъ давъ, какъ говорится, Шахъ-Матъ.

Царя Та-Кин Тшуэискаго убѣждаетъ Ачуи имянемъ Императора выдать Сенг-Ко-Санга руками, въ случаѣ же отреченія внесетъ войну въ его области.

Сурвинъ, или Сурвивинъ, какъ зовутъ нѣкоторые, Царь Та-Кин-Тшуэискій, юноша дватцатилѣтній, колеблется, что ему дѣлать. Успѣхи войскъ Китайскихъ уражаютъ его. Дядя его совѣтуетъ удовлетворить требованіе Императорское, но Лама сродникъ Сенг-Ко-Санга, Сурвиновъ Полководецъ, и нѣкій Китайскій Мандаринъ, измѣнникъ Государю своему, превозмогаютъ. Ласкаются, что горы Та-Кин-Тшуэнскія несравненно крутѣе и не приступнѣе

Сiао - Кин - Тшуэнских, и что непрiятели утомятся, преходя оныя тщетно. На всѣх высотах строят крѣпости; слѣдовательно еще болѣе затрудняют приближенiе к себѣ.

Акуiя ничто не приводит в малодушiе. Проводит войско тою же самою разсѣдиною, которою бѣгствовал Сенг - Ко - Санг, отражая всякiя усилiя непрiятелей не допускать его далѣе. Не чувствительно подходит под столицу Сурвина, имянуемую Лэи, и утѣсняет ее со всѣх сторон. Император Кен Лонг, принявъ войну, уже щастливо окончевающуюся, посылает Iезуита Феликса д' Арота, что нынѣ предсѣдатель собранiя Математическаго, положить на Карту страну сiю. Отправился он в путь двадесятаго, Августа, тысяча семь сот семдесят девятаго с одним Мандарином, который должен был отвѣчать Императору за жизнь его, как до повелѣннаго мѣста, так и обратно. Сей-то любезный собрат и старинный друг мой разсказывал мнѣ о непроходимых мѣстах Кин - Тшуэна, о глубоких пропастях, водопадах с гор, болотах и каменных горах, прямо по отвѣсу крутых; видѣл одну, на которой стояла небольшая крѣпостца. Взята она была таким образом: нѣсколько часовых пред разсвѣтом услышали шорох; поползли туда крадучись, и нашли, что то была женщина, черпающая воду. Схватили ее и повели пред чиновника своего. В допросѣ о том, кто остерегает крѣпостцу сiю, показала: . . . „Я одна живу в ней. „Пришла за водою, в чаянiи, что не увижу никого „у колодца.„ Пошли за нею непримѣченною до того тропинкою. Открылось, что в самом дѣлѣ жила одна на тот раз, и стрѣляла по проходящим мимо

но Китайцамъ то изъ ружья, то скатывала на нихъ камни.

Акуи и прочіе знатные Военачальники приняли Іезуита, какъ Посла отъ Императора. Претерпѣнныя имъ трудности на пути и вредный воздухъ попрепятствовали исполнить возложенное на него. Самъ Акуи сжалясь надъ нимъ, просилъ Государя отозвать его обратно. Полководца сего оставилъ онъ на горѣ, съ которой доставали пушки во Леуэи, столичной городъ Та-Кин-Тшуэна; готовился онъ черезъ пять дней къ переправѣ и по томъ къ приступу. Сенг-Ко-Сангъ умеръ уже, а Сурвинъ послѣдніи истощалъ силы, отражая Китайцевъ. Чрезъ девять мѣсяцовъ по отъѣздѣ Іезуита, скрытно ушелъ онъ въ Караію, одну уже оставававшуюся за нимъ крѣпость, одно уже убѣжище.

Китайцы, не находя болѣе сопротивленія, подходятъ къ городу весьма узкимъ ущельемъ и овладѣваютъ имъ: но жителей не нашли ниже одного. Сурвинъ между тѣмъ обошедъ одну гору, ударилъ съ боку на длинный рядъ тянущихся Китайцевъ къ столицѣ его, и привелъ въ замѣшательство. Акуи едва проходъ сей очистить могъ въ девять, или десять дней, и узналъ, что другій участокъ войскъ его уже овладѣлъ городомъ, но не находя ничего снѣднаго, помирали съ голоду. Послѣ сей побѣды послалъ ко Двору малое красное знамя, обычайный знакъ, что скоро окончается война.

Императоръ ожидалъ большаго краснаго знамя, яко знака же, что непріятельскій Царь плѣненъ, подданные же его истреблены совершенно.

Изъ двѣнатцати тысячь вооруженныхъ людей, бывшихъ при обѣихъ Царяхъ въ Караіи, запершихся въ крѣпости сей, оставалося уже не болѣе пяти сотъ. Увидѣвъ наконецъ, что не удержаться имъ, созваны были всѣ на совѣтъ. Положено подрыть стѣны и подъ развалинами ихъ погибнуть и съ Китайцами, которые начнутъ врываться къ нимъ. Мать Царева ужаснулась отъ намѣренія таковаго. Склонявтъ сына отдаться съ нею, другимъ ея сыномъ же и восьмнатцатилѣтнею дочерью, въ руки побѣдителя. Акуи вѣдалъ, что Императоръ крайнѣ желаетъ искоренить семейство сіе, однако же манитъ надеждою жизни. Сурвинъ и верьховный Полководецъ долго колебались, но напослѣдокъ поступаютъ по волѣ Царицы матери. Караи взятъ, Царь съ семействомъ въ рукахъ у Акуія, всѣ Міао-Тсеэние повинуются ему: великое красное знамя послано и получено въ Пе Кингѣ въ концѣ поста тысяча семь сотъ семьдесятъ шестаго, когда Императоръ возвращался отъ гробницы отца своего Юнг-Тшинга.

Даетъ велѣніе всѣмъ знатнымъ Государственнымъ чинамъ срѣтить его предъ Дворцемъ и поздравлять. Мы шли также за членами шести первѣйшихъ судилищъ. Императоръ проѣхалъ мимо насъ на бѣломъ конѣ: упоенный щастіемъ, но то же самое изображено было на лицѣ его снизхожденіе и доступность для всякаго, которыя только являть умѣлъ, когда захочетъ.

Во ожиданіи прибытія Сурвина, осматриваетъ область Шантонгскую, гдѣ мятежникъ, Уанг-Лунгъ, за годъ предъ тѣмъ производилъ толикія замѣшательства.

Сурвинъ

Сурвинъ прибылъ. Обманывают его лестными обѣщаніями. Двоекратно получаетъ подозрѣніе, и съ печали занемогъ. Усугубляютъ прислуги ему, попеченія о здоровьѣ его и почести: оправляется и частъ лучшаго жребія, нежели какого ожидалъ.

Императоръ возвратился изъ Шантонга Іюня 11, тысяча семь сотъ семдесятъ шестаго; еще удостоились мы видѣть на проѣздѣ, въ одиннатцати миляхъ отъ Пе-Кинга. Остановился онъ въ звѣринцѣ, десяти миль во окруженіи, на одну только милю отъ Пе-Кинга. Проводилъ тамъ 12 и 13 числа, со всѣми наизнаменитѣйшими Вельможами, и съ ними вмѣстѣ прибылъ для срѣтенія Акуія.

Сорокъ восемь Державцевъ, зависящихъ отъ него, долженствовали сопутствовать ему; но какъ не было имъ дано знать завремянно, то поздравляли его въ Шолѣ забавляющагося звѣриною ловлею.

Пріемъ Полководцевъ побѣдителей въ Китаѣ есть обрядъ, какого велелѣпнѣе примыслить трудно. Аміотъ, тогда бывшій Іезуитомъ, описалъ оное пространно, то и упомяну кратко.

Дабы Акуи еще съ большею явился славою предъ Императора, сей учиняетъ его Княземъ Имперіи, членомъ собственнаго своего семейства; велитъ ему надѣть украшенія, которыя онъ только одинъ носитъ. За мѣсяцъ предъ его пріѣздомъ исправлены дороги на шестидесяти миляхъ, усыпаны желтымъ пескомъ, какъ бы то было для самаго Императора.

Мѣсто встрѣчи назначено въ восьми миляхъ отъ Пе-Кинга близъ Дворца, прозываемаго Гоанг Кин-Тшунгъ. Окрестности наполнены были нарочными зданiями удивительной красоты. Мало бы было одной листовой книги для описанiя художественно устроенныхъ горъ, проведенныхъ источниковъ по долинамъ, бесѣдокъ, переходовъ, домиковъ и тому подобнаго.

Императоръ выходитъ изъ Дворца въ торжественныхъ одеждахъ, продолжаетъ шествiе между Мандаринами, поставленными плотно одинъ подлѣ другаго двумя рядами до самаго мѣста встрѣчи. Позади ихъ стояли участки восьми знаменъ отъ войскъ Государственныхъ. . . . Никому изъ Проповѣдниковъ Христiянскихъ не позволено было такъ далеко подступать.

Акуи напереди отборныхъ Военачальниковъ, за которыми слѣдовали отборные же простые ратники, поравняяся противу двухъ красныхъ столповъ, сходитъ съ коня.

Императоръ просится Предсѣдателемъ Судилища чиноположенiй притти на нѣкоторое возвышенное мѣсто, около коего развѣвало безчисленное множество знаменъ. Возшелъ туда, и не садится. Вдругъ услышали согласiе музыки великой Государственной; одинъ изъ членовъ сказаннаго судилища, когда на нѣсколько умолкла музыка возопилъ велегласно: . . . Повергайтеся ницъ! Во мгновенiе самъ Императоръ, всѣ знатнѣйшiе Вельможи, падаютъ на колѣни; девять кратъ бiютъ челомъ, благодаря Небеса за одержанную побѣду. За тѣмъ установитель обрядовъ приближается къ Императору, проситъ, чтобъ низшелъ онъ въ храмину,

мину, гдѣ уготованъ ему престолъ. . . . . Тамо-то Акуи и прибывшіе съ нимъ, повергаются предъ Императоромъ и біютъ челомъ многажды. Императоръ встаетъ, по древнему обычаю, подходитъ ко Акуію и обьемлетъ его. Всѣ видѣвшіе сіе возрыдали отъ удовольствія. Далѣе говоритъ онъ Акуію: . . „Утрудился ты; нужно тебѣ успокоеніе.„ Сажаетъ его подлѣ себя: милость, каковой никто и никогда не удостоевался въ Китаѣ. Для чиновниковъ его поставлены были синіе шатры; начали подавать чай; сто скопцевъ воспѣли вмѣщѣ съ музыкою пѣснь побѣдоносную, сочиненную за четыре тысячи лѣтъ предъ симъ. Сказывали однако же мнѣ, что нарочныя на сей случай составлены были новы.

Предсѣдатель Судилища чиноположеній, выдавшися изъ прочихъ, говоритъ Императору: . . . Все окончалось!

Послѣдній садится въ руконосную повозку, и возвращается въ Пе-Кингъ для совершенія втораго, не меньше великолѣпнаго обряда, которой слыветъ у Китайцевъ Шеу Фу. Состоитъ же въ допускѣ предъ Императора военоплѣнныхъ и въ рѣшеніи отъ него судьбы ихъ.

Паки созываются Государственные чины у сѣверныхъ вратъ третіяго Двора, именуемаго У-Менъ. Императоръ садится на престолѣ, поставленномъ на земляной насыпи, двадцати пяти футовъ вышиною, подъ круглою кровлею въ пятьдесятъ футовъ. Около его стоятъ Мандарины первой знаменитости; внизу Князи и прочіе Вельможи; вдоль Двора сего, коего конецъ недостигаемъ зрѣніемъ, видны по восточную и западную сторону знамена, копья, булавы, изображе-

нія драконовъ, иные таинственные знаки, всякаго рода орудія: держатъ ихъ носильщики въ красныхъ одеждахъ. Далѣе вторыя степени Мандарины, члены Государственныхъ Судилищъ, за ними наконецъ Императорскіе опричные вооруженные, какъ бы выступали въ походъ на войну. На томъ же дворѣ видны Дворцовые слоны въ полномъ и пребогатомъ украшеніи; а между ими воинскія повозки. Большая же Дворцовая музыка по обоимъ боковымъ краямъ Двора къ сѣверной сторонѣ, гдѣ Императоръ сидитъ на престолѣ.

Судилище чиноположеній установило для совершенія обряда сего время въ седьмь часовъ по полуночи; но Императоръ примѣтилъ и повелѣлъ начинать въ четыре часа съ половиною, какъ скоро услышатъ звонъ большаго Пекингскаго колокола.

Императора увидѣли идуща на мѣсто свое при звукѣ всякаго рода музыки; сначала принималъ поздравленія и свидѣтельства подданничества. По томъ одинъ изъ членовъ Судилища чиноположеній возопилъ. . . . „Приведшіе сюда плѣнниковъ! подступайте и повергайтеся предъ Государемъ.„

Когда военные чиновники отступали, тотъ же членъ сказаннаго Судилища еще разъ возгласилъ: . . . „Мандарины военные, и вы всѣ начальные люди надъ ратниками! ведите предъ Государя плѣнниковъ.

Нещастный Сурвинъ, братъ его, Полководцевъ, младшій также братъ Сенг - Ко - Сангъ, и еще нѣкоторые знатные Кин Тшуенцы, появилися вдали предъ Императоромъ и безчисленнымъ множествомъ зрителей. У каждаго на шеѣ была бѣлая шелковая петля.

ля. Подвинувшись нѣсколько шаговъ впередъ, поставлены на колѣни. Рядомъ съ ними положили раскрытый ящикъ, въ которомъ лежала голова Сенг-Ко-Санга. Позади плѣнниковъ было сто человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновниковъ; по правую сторону пятьдесятъ рядовыхъ воиновъ города Пе-Кинга съ Мандаринами своими; по лѣвую сторону пятьдесятъ же служителей Судилища, такъ называемаго Князей.

Полководецъ Сурвиновъ не могъ удержаться, чтобъ не оказать въ сердцѣ своемъ почувствованнаго: однако же онъ и самъ Сурвинъ съ прочими принуждены были бить челомъ о землю. Послѣ отвели ихъ всѣхъ въ ближнюю къ тому мѣсту храмину.

За симъ увидѣли Императора входяща въ особый свой Дворецъ, который зовется Ю Таи, почти касавшійся жилищу нашему. Тамо раскладена была всякая мучительская збруя. Возсѣлъ онъ на престолъ, низко поставленный у задней стѣны пространной храмины. Сурвинъ съ прочими плѣнниками введенъ. Видѣніе поразило ихъ. Полководецъ его вѣщаетъ сѣдящему на престолѣ: . . . „Могущественнѣйшій Государь! отецъ Сурвина умирая, препоручилъ его моимъ попеченіямъ, какъ юношу неспособнаго еще разполагать свое поведеніе: я принудилъ его воевать съ тобою; я одинъ и заслуживаю казнь. Пощади маладолѣтнаго Царя, пощади безвиннаго. Еще могли мы дорого продавать тебѣ жизнь нашу; но, въ надеждѣ обрѣсти благодать предъ тобою, сдалися.„ . . . Тщетныя слова. Императоръ даетъ нѣкоторый знакъ, и начинаются пытки. Сурвинъ, какъ сказываютъ, признался посреди истязанія, что онъ терзалъ Узн Фуаи чрезъ сто дней сряду, и наконецъ за-

стрѣлилъ его изъ лука. Другiе разглашали, что обвернулъ онъ все тѣло его хлопчато-бумажною тканью, обмоченною въ масло, и оную на немъ зажегъ; и признавался же убiйцею зятя Императорова Та-Уэ-Фуа.

Сурвина и шесть другихъ страдальцевъ посадили на двуколесныя телѣжки съ кляпами въ ротѣ, и повезли на мѣсто казни, гдѣ прежде привязали ихъ къ столпамъ, а потомъ изрубили на части, какъ мятежниковъ, за часъ предъ полуднемъ. Головы ихъ положены въ клѣтки, съ надписьми внизу имянъ и титловъ каждаго.

Во дни, за тѣмъ слѣдовавшiе, происходили же смертныя казни достальнымъ плѣнникамъ. Отъ злощастнаго сего народа оставлено токмо нѣсколько самыхъ подлыхъ людей, и розданы въ рабы воинскимъ Чиновникамъ побѣдоноснаго войска.

ТЕПЛИЦЫ, ИЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ ОРАНЖЕРЕИ

у КИТАЙЦЕВЪ.

Благословите ледъ и мразъ Господа. Дан. гл. 3. ст. 71.

За многія уже предъ симъ столѣтія теплицы вЪ употребленіи по Китаю. Но когда вошли вЪ обычай, какЪ были строимы и располагаемы, печами ли натапливали ихЪ, такія ли же точно были печи, какія нынѣ: ко изслѣдованію намЪ недостаетЪ ни книгЪ, ниже досуговЪ. То не сомнѣнно, что народЪ сей завсегда и безпрестанно старался и старается доставлять себя всякаго рода потребностьми чрезЪ средства, самыя простыя, надежныя и сколько можно меньше убыточныя.

Европа удостоитЪ ли воздавать справедливость мудрому хозяйству КитайцевЪ, относительно кЪ нынѣшнимЪ ихЪ теплицамЪ, и тому, какЪ замѣняютЪ они недостатокЪ теплицЪ и оранжерей по овощнымЪ своимЪ огородамЪ, около оныхЪ и деревень? ЛюдямЪ; презирающимЪ все такое, что стоитЪ мало денегЪ, ЕстествословамЪ, все разнимающимЪ систематически; для коихЪ надобно сцѣпленіе правилЪ и для самыхЪ повсядневныхЪ нуждЪ человѣческихЪ, не отважимся мы спорить. Но совсѣмЪ инаго ожидаемЪ отЪ истинныхЪ сыновЪ отечества и согражданЪ: всеконечно не презрятЪ они сообщаемую имЪ мѣлочь сего рода. Зимы

въ Пе-Кингѣ долговремяннѣе и суровѣе, разсуждая по ширинѣ мѣста города сего, сорока степеней; слѣдовательно на одной паралелѣ съ Неаполемъ и Мадритомъ; начинаются ранѣе, нежели по Южнымъ областямъ Франціи; оканчеваются позднѣе. Хотя за нѣсколько предъ симъ лѣтъ становятся паче сносны, термометръ не подымается болѣе тринатцати и четырнатцати степеней надъ замерзаніемъ: останавливается же на цѣлые мѣсяцы между седьмой и десятой степени. Думать надобно, что главною причиною тому Сѣверный вѣтръ, почти завсегда вѣющій однако же единою токмо изъ причинъ; ибо вода мерзнетъ прежде, нежели термометръ спускается до точки замерзанія. Льды бываютъ толсты на полтора фута и болѣе.

Пишемъ мы сіе не для показанія, сколь нужны теплицы въ Китаѣ; но сколь онѣ хороши. Наши теплицы и оранжереи не выдержатъ столь протяжныхъ стужъ. Въ лѣсахъ и поляхъ все тамо умираетъ, ниже малѣйшей не видно зелени.

Къ тому же безмѣрныя засухи еще болѣе вредятъ растеніямъ; ибо не видятъ капли дождя отъ конца осени до немалаго числа первыхъ дней весны, а иногда и лѣта. Снѣги прегустые и частые въ нѣкоторые годы, однако же не помогаютъ засухамъ; мало лежатъ на поверьхности земной: то пожираются ея нѣдромъ, то разносятся вѣтрами.

Древніе Китайцы строили домы лицемъ на полдень, почитая то и здоровѣе для нихъ и покойнѣе. Обычай, тщательно наблюдаемый и по днесь. Лучше хотятъ окны на полдень, нежели на улицу.

Наши

Наши западные врачи пусть судятъ, разумно ли мы дѣлаемъ, строя домы наши, обращая во всякую сторону безъ разбора. Въ разсужденіи теплицъ и оранжерей одинаковы мысли наши съ Китайцами: всячески защищая ихъ отъ вѣтровъ Сѣверныхъ и обращая къ солнцу, коего лучи приводятъ въ движеніе, разогрѣваютъ, животворятъ воздухъ, убавляя печную теплоту, не столь питательную для растеній. Обращать теплицы къ Полудню, разумѣется прямо къ Югу зимняго восхода, дающаго довольную теплоту по другимъ мѣстамъ, здѣсь не довольно. Китайскіе садовники за нужное находятъ теплицы свои съ Сѣверной стороны осыпать землею, а еще того лучше прислонивать къ пригоркамъ.

Намъ случилось видѣть три рода Китайскихъ теплицъ, во Дворцѣ и по Дворцовымъ же садамъ у цвѣтопродавцевъ Пе-Кингскихъ, по садамъ загороднымъ. Вѣ строются одинакими правилами. Теплицы Императорскія столь же просто расположены и выработаны, какъ у простыхъ мѣщанъ. Великолѣпіе и пышность въ здѣшней землѣ не у мѣста, окромѣ торжествѣ и отличенія степеней. Конюшни, кладовыя, поварьни, службы при домахъ Вельможескихъ и тому подобное, не имѣютъ никакой разности съ прочими жителями Пе-Кинга. Не рѣдко находили мы самаго Императора прогуливающагося по садамъ своимъ, такъ одѣяннаго просто, что должно было подойти близко и узнать его. Того еще простѣе одѣваются Князи крови, Вельможи и знатнѣйшіе Мандарины.

Возвратимся къ теплицамъ Китайскимъ. Главная разность ихъ съ нашими состоитъ въ томъ, что врыты въ землю, какъ бы стояли во рву; узки, а чрезъ

что воздухЪ завсегда бываетЪ вЪ нихЪ умѣренный, какЪ вЪ теплыхЪ погребахЪ, да и сіе есть лучшая ихЪ доброта. Все прочее соотвѣтствуетЪ тому, соотвѣтствуетЪ же и самому естеству. Первая стѣна, то-есть прямо на Полдень, вся вЪ окнахЪ; всѣ четыре бока рва, вЪ которомЪ стоятЪ, обиты наплотно сваями. Солнечные лучи приходятЪ вдругЪ и приносятЪ питательность и свѣжесть. Потому-что печи становятся меньше нужны, да и сильнѣе дѣйствуютЪ, мало бывЪ разгорячены.

Желающій имѣть у себя теплицу такого рода, долженЪ врыться вЪ земли отЪ седьми до восьми футовЪ; на десять же, или двѣнатцать еще лучше, особливо для большей теплицы. Не худо дѣлать ее, сколько кто хочетЪ, длиннѣе, дабы замѣнить убавокЪ вЪ ширинѣ ея. Но судя по теплицамЪ ИмператорскимЪ, надобно ихЪ дѣлать не одну, а многія. Самыя большія тамЪ не длиннѣе семидесяти, шире же чтобЪ никогда не были двѣнатцати футовЪ. Для чего же? . . . ЧтобЪ при открытыхЪ окнахЪ лучи солнечные досязали до задней стѣны, касалися цвѣтовЪ до самыхЪ корней. Можно укрѣпить стѣны, дабы не осыпалась земля, стѣнами же кирпичными, и выводить ихЪ сЪ землею наравнѣ. Такія стѣнки должно дѣлать крѣпкія и толстыя сЪ плотною смазкою, дабы стужа извнѣ не проницала.

Каменныя такія стѣнки чтобЪ были со сторонЪ Восточной, Сѣверной и Западной, а сЪ Южной окны сЪ низу до верьху; держалась бы теплица на столпахЪ токмо, или колодахЪ оконныхЪ. Да не удивляются, что совѣтуемЪ дѣлать стѣнки крѣпкія и плотныя: Сѣверной вѣтрЪ вЪ Пе-Кингѣ такЪ рѣзокЪ, что бока рва

бевЪ

безъ нихъ не защищаютъ отъ него. Вмѣсто высокихъ стѣнъ съ Сѣверной стороны довольно, чтобъ только выказывалися они изъ земли. Сверьхъ того, Китайцы приближаютъ иногда заднія стѣны теплицъ къ какому нибудь зданію плотному. Въ большихъ ихъ теплицахъ кровли отъ земли на пятнатцать футовъ, всѣ поддерживаются столпами, какъ и всякія иныя зданія у нихъ. Но кроютъ прочнѣе и плотнѣе, дабы внѣшній воздухъ закрадываться не могъ. Но сіе обьяснено въ запискахъ о житницахъ Китайскихъ.

Изъ вышепрописаннаго нами слѣдуетъ:

1. Выкопать ровъ такъ длинной и широкой, какую кто хочетъ имѣть теплицу; чтобъ длина весьма болѣе была ширины и протягалася бы отъ Востока къ Западу. Обносить ее внутри толстыми стѣнами.

2. Стѣнки чтобъ не имѣли никакихъ отверстій на двѣнатцати или пятнатцати своихъ футахъ, но съ трехъ только сторонъ.

3. Вся передняя, сирѣчь полуденная, сторона была бы въ окнахъ; кровля бы держалась только на колодахъ оконныхъ, или столпахъ.

4. Кровли чтобъ были съ обычайнымъ навѣсомъ, выгибомъ, весьма также плотнымъ.

5. Устроить одинъ, или многія Конги, то есть печи Китайскія, смотря по длинѣ теплицы, и каную

кую кто хочетъ имѣть въ нихъ мѣру теплоты и воздуха

6. Понадѣлать лѣстницы внутрь, отъ поверхности земной до дна теплицы вокругъ, на которыхъ ставить горшки съ растеніями, а на иныхъ мѣстахъ и садить ихъ въ землѣ.

7. Окны покрывать соломянными щитками, или рогожами, подымая извнутри и извнѣ, сколько будетъ надобно.

Желающіе имѣть у себя Китайскія теплицы, какія дѣлать кровли и печи, могутъ справиться съ записными о житницахъ общенародныхъ въ Китаѣ.

Приступимъ теперь къ нѣкоторымъ подробностямъ, на какій конецъ устрояютъ здѣсь теплицы и какъ съ ними обходятся.

Теплицы при загородныхъ домахъ и въ нарядныхъ садахъ сохраняютъ по зимамъ чужестранныя растенія и цвѣты. Ставятъ ихъ на ступеняхъ у стѣнъ вокругъ величиною, сколько будетъ надобно для горшковъ и ящиковъ, и тако разсаживаютъ и размножаютъ.

У цвѣтопродавцевъ въ теплицахъ выращаютъ всякаго рода низкія растенія и луковицы, сажаемыя ими осенью, такъ что имѣютъ цвѣты въ самое сердце зимы, особо же къ новому году.

Тепли-

Теплица служитъ садовнику:

1. На сохраненіе растеній, на коихъ хочетъ имѣть цвѣты и собрать сѣмяна весною.

2. Чтобъ растенія его были въ полной зелени и свѣжи для продажи зимою, особливо же въ то годовое время, когда подымается на нихъ цѣна.

3. Для саладовъ и поваренныхъ травъ къ новому году.

4. На сѣмяна, дабы не было ему недостатка для сада его, какъ приспѣетъ время посѣва.

Теплицы нужны не только зимою, но и въ прочія времяна года: принимаютъ въ нихъ гостей, спятъ, проводятъ ненастную погоду, разговариваютъ съ друзьями, кладутъ больныхъ своихъ, пересаживаютъ туда растенія изъ грядъ, сажаютъ винограды и всякаго рода прививки, сажаютъ же растенія больныя, подъѣдаемыя гадами, обезсилѣвшія отъ принужденнаго разцвѣтанія. Также укрываютъ растенія нѣжныя и чужестранныя отъ сильныхъ вѣтровъ, ливныхъ дождей, великихъ жаровъ, густыхъ тумановъ. Сверьхъ того и все такое, что покрывается множествомъ цвѣтовъ или плодовъ, слишкомъ отягощаетъ растеніе: слѣдовательно требуетъ особаго за собою присмотра. Тамъ же всякія растенія удерживаютъ и предохраняютъ отъ всякаго поврежденія отпрыскнувшія уже, дабы пришли въ зрѣлость, въ какое точно время хотятъ.

Китайская теплица крайне способна ко всему тому. Глубина ея защищаетъ отъ зимнихъ стужъ, отъ

лѣтняго зноя и засухъ; содержитъ воздухъ въ благорастворенiи весною, осенью и во всякое иное годовое время.

Можно бы было опасаться сырости отъ земли, но впускаемые солнечные лучи, сколько когда надобно, легко сiе предотвращаютъ. Судя по нуждѣ, ставятъ растенiя выше и ниже на ступенькахъ у оконъ. Можно также перенимать у Китайцевъ, дѣлая малыя окны и отверстiя на кровлѣ, для освѣженiя иногда воздуха, наплотно затыкая по зимамъ.

Смѣшно ли покажется кому и походящее на рабство, безпрестанно обходиться такъ съ теплицами; но и то не меньше же смѣшно, чтобъ безпрестанно же выдумывать новыя системы, ни на чемъ не останавливаясь: не принимаясь никогда за то въ другой разъ, въ чемъ однажды не удалось.

Теплицамъ должно быть устроеннымъ, разположеннымъ и призираемымъ, соображаяся съ теченiемъ погодъ чрезъ всѣ четыре годовыя времяна. Вѣдать, какихъ когда бояться стужъ, вѣтровъ и иныхъ премѣнъ воздуха. Всѣ и каждый несомнѣнно одобрятъ правила таковыя. Но какъ примѣровить ихъ къ нашимъ климатамъ? . . . Долго будетъ разсказывать о подробностяхъ, въ которыя входятъ Китайскiе Варроны, и переписывать безчисленныя ихъ, а притомъ и самыя мѣлочныя наставленiя. Все, что можемъ помѣстить здѣсь, есть сiе:

1. Защитить и укрыть отъ стужъ, Сѣверныхъ вѣтровъ, снѣговъ и вредныхъ зимнихъ погодъ сохраняемаго въ теплицахъ, не требуется большихъ трудовъ,

довъ, естьли построены онѣ, какъ должно. Теплица, какъ бы ни тщательно содержимая и устроенная, всеконечно не равна для растеній съ открытымъ воздухомъ: то и не должно торопиться сажать въ оную, а надобно, чтобъ была завсегда въ опрятности, провѣтриваема и топлена завремянно; словомъ, чтобы всегда была готова. Ночи настанутъ холодныя, да вносятъ въ нее растенія нѣжныя и чужестранныя, такъ какъ и цвѣты. Но сіе есть только одна предосторожность, то и ставитъ все то на ступеняхъ у самыхъ оконъ: днемъ будутъ пользоваться воздухомъ и солнцемъ. По мѣрѣ умноженія стужи, да вносятъ же въ теплицу и иныя растенія. Въ первые дни окны открываются на день, послѣ опускаютъ на окнахъ соломенные щитки, или рогожи, а далѣе открываютъ окны только посреди дня на немногіе часы.

Правило общее, однако же не безъ изъятія, смотря по погодамъ; или лучше сказать, предоставляется оное благоразсмотрѣнію садовника.

Настанутъ большія стужи, воздухъ внѣшній будетъ слишкомъ сыръ: открываютъ только соломенные щитки, да и то предъ вечеромъ, не всѣ, а по немногу; задолго до ночи опускаютъ.

У Китайцевъ нѣтъ термометровъ. Ставятъ чашу полную воды у оконъ; и тогда только топятъ печи, какъ вода начнетъ мерзнуть. Тотъ же самой сосудъ служитъ имъ показателемъ, какъ содержать теплицу не теплѣе и не холоднѣе должнаго, и какъ великъ разкладывать огонь въ печахъ. Смотрятъ того только, чтобъ вода не замерзла совсѣмъ, или только подернулась тонкою перепонкою.

Время начнетъ становиться тѣплее, солнце болѣе согрѣвать; по тому день отъ дня болѣе открываютъ щитки; по тому открываютъ же окны, провѣтриваютъ теплицу, и прочее.

2. Имѣютъ ли въ теплицѣ много мѣлкихъ растеній и цвѣтовъ изъ Южныхъ странъ, надобно, чтобъ воздухъ по зимамъ былъ точно таковъ, какъ на мѣстахъ ихъ рожденія; да и все въ томъ одномъ замыкается. Должно ставить ихъ, сколько можно полезнѣе для нихъ, и тѣми же сторонами обращать на полдень, какъ сидѣли они дома: инако же растеніе будетъ больно и скоро завянетъ.

Зажиточные цвѣтопродавцы и цвѣтовъ любители особыя имѣютъ теплицы для цвѣтовъ нѣжныхъ.

3. Хочетъ ли кто имѣть цвѣты во всю зиму въ горшкахъ и на грядкахъ тепличныхъ, долженъ перемѣнять луковицы чрезъ немногіе годы. Успѣха имѣть въ томъ не можно безъ Канговъ, или Китайскихъ печей, коихъ помощію не трудно содержать въ теплицѣ мѣру воздуха лучшихъ дней весны, а къ тому же, чтобъ умножалось и умалялось тепло сіе, сообразно суточнымъ перемѣнамъ. Но сего не довольно: хотя теплота отъ дровъ нарочито умѣренна, но чрезъ продолженіе сушитъ воздухъ и дѣлаетъ вреднымъ. Предотвращается оное сосудами съ водою, разставленными порознь въ теплицѣ, не съ глубокими, но съ широкими верьхами, открытыми во всей ихъ широтѣ. Воду должно перемѣнять не рѣдко, и не давать ей испортиться.

Пу-

Пускай назовутъ удаленіемъ отъ настоящаго сказанія моего, но что полезно здоровью и сохраненію онаго, о томъ распространемся. У насъ въ Европѣ не довольно остерегаются, по мнѣнію моему, вреда, причиняемаго во внутреннемъ воздухѣ комнаты отъ печей, который почерпаемъ мы денно и ночно. Пусть Врачи то испытаютъ своими правилами; здѣсь говорится о воздухѣ разогрѣваемомъ теплотою печей. Всеконечно получаетъ онъ вредныя качества: по меньшей мѣрѣ не такъ здоровъ, какъ воздухъ внѣшній, и опасенъ для груди. Утверждаютъ не безосновательно, что люди, имѣя груди слабыя, занемогаютъ отъ того. Но какъ бы то ни было, Китайцы примыслили два способа поправлять такой воздухъ.

1. Верхнія отверзтія въ окнахъ (у Китайцевъ въ окнахъ не стекла, а бумага) такъ дѣлаютъ, чтобъ служили вмѣсто задвижекъ на насосахъ, давая нѣкоторый проходъ воздуху внутрь и внѣ. Не лучшее ли сіе есть предохраненіе отъ вѣтровъ сквозныхъ, на которые толико жалуются?

Ставить въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой чаши съ водою внутри комнаты. У богатыхъ пусть будутъ фарфоровыя, пусть украшенныя драгоцѣнными камнями, пусть размѣщенныя со вкусомъ, пусть плавать въ нихъ будутъ какъ въ Китаѣ называемыя злато-видныя рыбы для забавы малыхъ ихъ ребятъ, въ глубокихъ подносахъ, колоколахъ и тому подобномъ, изъ стекла и хрусталя повѣшенны какъ лампады. Видѣли мы во многихъ домахъ Пе-Кингскихъ стеклянныя чаши и шары, висящія съ водою, въ которыхъ плавала такъ называемая злато-видная рыба. Вѣдаемъ, что такія же висятъ и въ

чертогахъ Дворцовыхъ: но кажется не для дѣтскихъ игрушекъ были выдуманы сначала. Сія мысль заставила насъ къ учиненію нѣкоторыхъ опытовъ. Большій сосудъ наполнивъ водою, повѣсили мы у самаго потолока; долго не смотрѣли. Наконецъ взглянувъ, не нашли ниже капли воды. Доказательство, что верьхній воздухъ въ комнатѣ несравненно болѣе вбираетъ въ себя воду.

По томъ примѣчали, что день отъ дня вода становилася мутнѣе и отвратительнѣе пахла. Не споримъ, что отъ землянаго уголья, которымъ топятъ печи въ Китаѣ, воздухъ портится пуще, нежели отъ дровъ, однако же тотъ и другой въ лучшее приводятъ состояніе сказанными способами.

Пышность ли, злоупотребленіе ли богатствъ Князей и Вельможей, что чрезъ всю зиму имѣютъ по комнатамъ своимъ въ горшкахъ самые рѣдкіе цвѣты; однако же согласятся и Врачи, что тѣмъ поспѣшествуется здоровость воздуха въ комнатахъ, гдѣ топятъ печи.

Возвратимся къ теплицамъ. Сверьхъ чашъ съ водою, цвѣтопродавцы еще иное употребляютъ средство. Вносятъ въ теплицы сосуды съ кипяткомъ, тихо колыхаютъ ихъ, чтобъ паръ разсѣвался по теплицѣ на подобіе росы. Все, что сказать мы можемъ, есть: имѣя они теплицы защищенныя отъ воздушныхъ суровостей, содержа ихъ въ умѣренной теплотѣ; зная, какъ перемѣнять степени теплоты, не терпятъ никогда недостатка, особливо около новаго года, въ грушахъ, вишняхъ, персикахъ, цвѣ-

тахъ

тахъ, какъ то ясминахъ, на мѣлкихъ плодовитыхъ древесахъ, розонахъ, іацинтахъ, нарциэахъ и прочихъ.

Подобно же успѣваютъ содержать во всегдашнемъ цвѣтѣ васильки, всякаго рода травы и растенія благовонныя, или пріятныя глазамъ; да и все оное достать можно за самую дешевую цѣну.

Прихотныя вещи, прихотная на нихъ и цѣна. . . на примѣръ на цвѣтки по прихотямъ, по модѣ и чужестранные. Нажитокъ не великъ, но общество завсегда доставляется цвѣтами. Китайскіе садовники питаются трудами рукъ своихъ въ самую средину зимы. Каждой изъ нихъ знаетъ свои уловки содержать теплицу въ порядкѣ, утучнять землю, составлять навозъ и воды для поливанія, съ малою токмо нѣкоторою разностію противу нашихъ садовниковъ.

Тако ускоряютъ въ Китаѣ разцвѣтанія можетъ быть, и не извѣстно еще сіе въ Европѣ. Лишь бы только оказалися почки, изъ коихъ выходятъ цвѣты, то уже безъ сомнѣнія надѣются имѣть цвѣты къ первому числу года, или къ какому нибудь празднику. Для того выкопываютъ по срединѣ теплицы ровъ, глубиною до трехъ, шириною же и длиною чтобъ уставилисъ горшки и ящики съ цвѣтными растеніями. Ровъ наполняется лучшимъ черноземомъ до половины, поливаютъ уриною коровьею, а еще того пригоднѣе овечьею; покрывъ плетеницею изъ древесныхъ сучьевъ, ставятъ на нихъ горшки и ящики не близко одинъ отъ другаго, только бы могли войти въ ровъ и стояли бы ниже краевъ на нѣсколько дюймовъ. Потомъ вдругъ наполняютъ ровъ кипяткомъ, подымается паръ и обхватываетъ растеніе; надобно только умѣрять

зной

зной онаго, тихо помахивая вѣеромъ отъ чего становится одинаковъ для всѣхъ частей растеній, мягчитъ, взмачиваетъ и оживотворяетъ воздухъ въ теплицѣ, уже и безъ того удобный приводить растенія въ зрѣлость. Почки цвѣтовъ надуваются примѣтно, и скоро развертываются столь же яркими красками, какъ бы то въ лучшую вешнюю погоду. Каждый садовникъ въ Китаѣ по своему поступаетъ въ семъ случаѣ. Но способности нашихъ садовниковъ не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій.

4. О травахъ поваренныхъ и пахучихъ, чтобъ давали сѣмяна весною; о травахъ также продаемыхъ по зимамъ, почти ничего сказать не находимъ. Тщательно примышленныя, устроенныя и разположенныя Китайскія теплицы, почти не имѣютъ нужды въ большемъ за ними присмотрѣ. Глубина ихъ и обращеніе къ солнцу, содержатъ воздухъ въ свѣжести и надлежащей степени теплоты: только надобно вѣдать пору, когда подымать и опускать соломенные щитки на окнахъ, и при великихъ токмо стужахъ ставить по два, или по три горшка съ расколеннымъ угольемъ, однакоже, чтобъ были подъ пепломъ. Для мѣлкихъ саладовъ и поваренныхъ травъ, чтобъ скорѣе выросталъ лукъ и тому подобное, оставляютъ въ теплицѣ мѣсто подъ гряду, до которой бы доставали солнечные лучи, и часто ее поливаютъ; а съ помощію топленья Канговъ, или теплычныхъ печей, весьма скоро показываются сіи растенія.

ПРИМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ РАСТЕНІЯХЪ, КУСТАХЪ, И ТОМУ ПОДОБНЫХЪ ВЪ КИТАѢ.

I.

Китайскіе Кувшинчики.

Многіе Писатели упоминали о такъ называемомъ растеніи, Кувшинчики въ Китаѣ, но ниже отъ одного не имѣемъ довольнаго освѣдомленія. Водяное сіе растеніе знаетъ всякъ, знаетъ же пользу его и употребленіе отъ самой отдаленной древности и поднесь. Стихотворцы славили его въ сочиненіяхъ своихъ за красоту цвѣтовъ; Тао-Сеэскіе раскольники даютъ ему мѣсто въ составѣ напитка безсмертія, ради силы, которою одарено отъ природы. Но мы будемъ разсуждать о немъ какъ Естествословы.

Описаніе кувшинчиковъ.

Ненюфары, или Нимфеи, или Кувшинчики въ Китаѣ, имянуются Го-Фу, въ самомъ старинномъ словарѣ Эульг-Е; простонародно же зовутся Ліен-Гоа. Цвѣты на нихъ многолистны, похожи на крупные тюльпаны, не совсѣмъ еще развернувшіеся; разкидываются какъ розы; по срединѣ цвѣтка остроконечной пестикъ, становящійся во свое время плодомъ рыхлымъ и кругловатымъ, слоями вдоль, со многими ямками, въ которыхъ сѣмячки продолговатыя,

вѣ шелухѣ, какѣ дубовые жолуди, коихѣ внутри двѣ половины плотно сжатаго бѣлаго ядра и между оными сѣмяна. Поверьхность цвѣтковѣ имѣетѣ листки весьма тонкіе, сѣ шишечкою на концѣ Фіолетоваго цвѣта; листья же на самомѣ растеніи бальшія, широкія, круглованыя, толстыя, мясистыя, со множествомѣ жилокѣ, полумѣсяцемѣ, согнувшіеся по срединѣ: одни плаваютѣ на поверьхности водѣ, другіе подъемлются на высоту не одинакую, бѣлесо-зелены на верьху, темно зелены снизу, на длинныхѣ стебляхѣ. Коренья растенія сего весьма долги, не умираютѣ никогда, толсты вѣ руку человѣческую. Внѣшняя кожа на нихѣ блѣдна, внутри тѣло бѣлое, какѣ молоко; нѣкоторые отѣ двѣнатцати до пятинатцати футовѣ вѣ длинѣ; стелются по дну вѣ водахѣ, прилипаютѣ кѣ илу, отѣ отрывковѣ своихѣ приживаются и пускаютѣ побѣги. Изѣ посреди жилокѣ своихѣ выпускаютѣ нѣчто похожее на лапки, вырастающія и распростирающіяся со времянемѣ, однако же не столь, какѣ по обоимѣ своимѣ концамѣ. Хвостики у цвѣтовѣ вѣ скважинахѣ до самаго края, круглы, такіе же, какіе и на самомѣ корнѣ, и почти также расположенные во всю ихѣ длину.

Роды Кувшинчиковѣ.

Китайскіе велейщики дѣлятѣ Ненюфоры на четыре рода.

Желтые, одни и тѣ же можетѣ быть сѣ нашими Европейскими, тамо весьма рѣдки; одно названіе ихѣ только извѣстно.

Бѣлые и свѣтлокрасные сѣ одинакими цвѣтами.

Бѣлые и свѣтлокрасные же сѣ цвѣтками двойными.

Блѣдно-

Блѣдно-красные съ бѣлымъ отливомъ также очень рѣдки, а того наипаче съ двойными цвѣтками.

Какъ ими хозяйствуютъ.

Ненюфоры размножаются отъ сѣмянъ, но легче и скорѣе отъ корней; не требуютъ впрочемъ никакого за собою присмотра и никакихъ трудовъ. Листья срѣзываютъ всѣ въ Пе-Кингѣ при началѣ зимы. Растеніе сіе хотя все стоитъ въ водѣ, однако же много претерпѣваетъ отъ засухъ; хотя любитъ жаркую погоду, но вырастаетъ и лучше видомъ и вдвое больше за великою стѣною Китая, нежели въ южныхъ онаго краяхъ.

Употребленіе.

Цвѣтки сіи украшаютъ плоскіе берега прудовъ и рѣкъ, въ большихъ водоемахъ, прудахъ и тому подобномъ. Начинаютъ показываться не прежде послѣднихъ чиселъ Маія; растутъ скоро; листья частію какъ бы прильнувшія къ поверьхности водъ, другою же подъемлющіяся надъ оною высотами неравными, составляютъ нѣчто похожее на преузорочной коверъ, особливо когда испестрятся разныхъ красокъ цвѣтками. Какъ цвѣтки на немъ крупнѣе маковыхъ, или ярко-бѣлые, или ярко же свѣтло-красные, то лоснятся. Развертываются на подобіе розъ; пріятно глядѣть, какъ отливаютъ на зелени листьевъ, паче же тѣхъ, которые зовутся въ Китаѣ Тсіен-Iэ, или тысящелистникъ. Самыя почки цвѣтковъ дѣлаютъ также пріятную тѣнь на коврѣ такомъ. Знатнѣйшіе Китайскіе Стихотворцы воспѣвали въ стихахъ своихъ прогулки въ ладьяхъ при лунномъ сіяніи

по прудамъ, коихъ берега украшены Ненюфорами. Срывать цвѣтки сіи бывало нѣкогда лучшею забавою Императрицъ и Королевъ; нынѣ же держатъ они ихъ въ горшкахъ по своимъ комнатамъ. Къ Императору носятъ ихъ изъ садовъ его Ге-Го-Эульгскихъ, гдѣ отмѣнно родятся прекрасные.

Сѣмячки Ненюфорныя.

Ненюфорныя сѣмячки грызутъ Китайцы, какъ у насъ орѣхи. Когда еще зелены, вкусомъ пріятнѣе, но не такъ легко варитъ желудокъ. Дѣлатели закусокъ приуготовляютъ ихъ разнообразно съ сахаромъ; коренья идутъ на поварни; всячески приправляемые вкусны и здоровы. Много варятъ ихъ въ соли и мочатъ въ уксусѣ, потомъ кладутъ въ вареное сорочинское пшено, смолотое въ муку. Годится для молошныхъ и водяныхъ похлебокъ; сухія листья мѣшаютъ съ табакомъ: курить пріятно; но больше употребляютъ листья на обвертки плодовъ, рыбы, соленыхъ мясъ и прочаго

Какую имѣютъ силу.

Ненюфорные цвѣтки тѣ, что зовутся у Китайцевъ Гіз-Гоа, пріятны вкусомъ; но послѣ отзываются горечью: лѣкарство крѣпительное. По свидѣтельству Та-Линга, даетъ расторопность во всѣхъ членахъ тѣла и сохраняетъ свѣжесть тѣни на лицѣ. Китайскіе крестьяне вѣрятъ, что пользуютъ отъ Французской болѣзни.

Пло-

Плоды на Нюфорахъ.

Плоды состоятъ въ сѣмячкахъ, по Китайски Тшанг - Тсанг - Ки. Помогаютъ отъ колики, производимой многокровіемъ, или отъ угустѣнія крови. *Ли-Ши*-Тши утверждаетъ, что вареные въ винѣ весьма годны въ родинахъ, а вареные въ водѣ отнимаютъ ядъ у грибовъ и предотвращаютъ онаго слѣдствія.

Сѣмячки, по Китайски Ліен - Тсе, лѣчатъ грудь, даютъ силу человѣку, утоляютъ голодъ, крѣпятъ стариковъ, какъ увѣряетъ Іезуитъ Терентій въ своемъ Зелейникѣ. Въ Китайскихъ же Зелейникахъ стоитъ: „свѣжитъ, крѣпитъ, нѣтъ лучше лѣкарства отъ „кроваваго поноса, боли въ спинѣ и всякихъ жен-„скихъ немощей, производимыхъ многокровіемъ, или огустѣніемъ крови.„

Родъ Ненюфорова корня, по Китайски Нгеу, утоляетъ жажду во время жаровъ, поспѣшествуетъ коловращенію крови, утучняетъ безпрестанно употребляющихъ его, жидитъ желчь, помогаетъ варенію желудка, отнимаетъ похмѣлье. Та - Мингъ пишетъ, что сокъ, выжатой изъ сего корня, полезенъ отъ паровъ, кидающихся въ голову, что истолченой и потомъ сдѣланной на подобіе пластыря лѣчитъ всякія раны.

2.

Ю - ЛАНЪ.

Описаніе.

ВЪ Китаѣ множество древесъ, дающихЪ цвѣтки рѣдкія красоты. Ю - ЛанЪ есть первое изЪ нихЪ. Выраcтаетъ отъ тритцати до сорока футовЪ вышиною; бревномЪ прямо и ровно, сучьевЪ на немЪ мало, а вѣтьвей почти и совсѣмЪ нѣтЪ. Листья ярко - зеленыя, далеко одинЪ отЪ другаго, показываются не прежде, какЪ уже начинаютЪ опадать цвѣтки. Цвѣтки пукомЪ на маковицѣ дерева, задалеко пахнутЪ пріятно; раскидываются почти всѣ вдругЪ и чрезЪ немногіе дни опадаютЪ. Ю - ЛанЪ цвѣтущій походитЪ на орѣховое дерево, коего вѣтьви вЪ видѣ вѣтьвей же пихтовыхЪ, усыпаны, такЪ сказать, бываютЪ прегустыми лилеями. Ю Лановой цвѣтокЪ о пяти и шести листьевЪ, рѣдкой же о восьми, расположенныхЪ какЪ у розана; но плотнѣе и нѣжнѣе листковЪ на лилеяхЪ. На исподи чашечка изЪ четырехЪ листковЪ, сцѣпившихся плотно. Во внутренней опухлости ея лоснящаяся и извнѣ, вЪ пуху, кЪ концу островата, изЪ посреди цвѣтка выходитЪ зеленой пестикЪ, мясистой, окруженной на днѣ малыми жилками, коихЪ на концѣ иглы. КакЪ спадетЪ, появляется кругловатый плодЪ зеленаго цвѣта: кЪ концу лѣта покраснѣетЪ, нагнется, выпускаетЪ изЪ себя нѣчто шаровидное, гладкое, краска на немЪ какЪ наилучшій карминЪ. Весь сей плодЪ состоитЪ изЪ вещества жиловастаго и какЪ бы одеревенѣлаго. Внутри сказанныя шаровидности плодЪ, или сѣмя, желтое, висящее на тонкой жилкѣ, вЪ те-

шелухѢ желтой же весьма тонкой. ПодЪ сею шелухою сѣмячко черное, кора на немЪ жесткая и толстая подЪ корою ядро, какЪ бы изЪ муки.

Роды Ю-Лана.

Ботаники раздѣляютЪ Ю-Ланы на многіе роды. Бѣлые, или сЪ цвѣтками бѣлыми, или такими, какЪ на персикахЪ; послѣдніе весьма рѣдки, по крайней мѣрѣ мы не видавыли.

Нѣкоторые различаютЪ Ю-Ланы плодовитые сЪ цвѣтными; но по свидѣтельству Ган-Пао Тшенга одинЪ и тотЪ же родЪ. ПишетЪ онЪ: . . . Ю-Ланы даютЪ прекрасные цвѣтки и вЪ большемЪ количествѣ, молодые, но не даютЪ плодовЪ: вЪ двадцать лѣтЪ дерево производитЪ уже мѣлкіе цвѣтки вЪ меньшемЪ количествѣ, но почти изЪ каждаго выходитЪ плодЪ.

Ли-Ши дѣлитЪ Ю-Ланы на простые и двойные.

КакЪ хозяйствуютЪ надЪ сими деревьями.

За Ю-Ланами не прежде начали имѣть присмотры, сколько извѣстно, династіи Тангской, начавшейся вЪ шесть сотЪ двадцать шестомЪ по рождествѣ Христовомъ. Послѣ того занимаютЪ они первое мѣсто вЪ садахЪ ИмператорскихЪ. Государи поколѣнія Мингскаго, учинившіе столицу свою Пе-КингЪ, наполнили тамЪ сады Ю-Ланами изЪ Южныхъ областей. РазводятЪ ихЪ сѣмянами и прививками. Не требуютЪ болѣе ничего, чтобЪ только закрыты бы-

были отъ Сѣверной стороны и поливаны весною. Содержатели цвѣтовъ даютъ имъ прежде подрости нѣсколько въ ящикахъ, какъ поступаютъ во Франціи съ померанцовыми деревьями; ставятъ въ теплицы: отъ теплоты листья опадутъ и поспѣваютъ цвѣтики къ новому году для украшенія гостиныхъ женскихъ комнатъ. Дворцовые садовники пріуготовляютъ ихъ такимъ образомъ множество. Правители Южныхъ областей ежегодно присылаютъ деревья съ цвѣтами ко Двору Императорскому для украшенія чертоговъ его.

Лучшіе Ю-Лины въ садахъ Пе-Кингскихъ и Юэн-Юэнскихъ [Китайской Версаліи] не могутъ выдерживать здѣшнія зимы, протяжныя и лютыя, инако, какъ съ помощію обвертковъ корней и сучьевъ толстыми соломенными плетеницами, а сверьху оныхъ плотными рогожами.

Пригодность сихъ древесъ и употребленіе оныхъ.

Въ Южныхъ областяхъ почки Ю-Лановыхъ цвѣтовъ настаиваютъ въ уксусѣ, или осыпаютъ инбиремъ, по вынятіи изъ ихъ чашечекъ. Употребляютъ сіе въ пищу съ пшеномъ сорочинскимъ.

Въ аптеки идетъ только шелуха Ю-Лановыхъ плодовъ. Прежде разводятъ ее натепло въ водѣ, даютъ высохнуть въ тинѣ, по томъ толкутъ въ порошокъ и нюхаютъ какъ табакъ. Помогаетъ, когда болитъ половина головы, и отъ насморка. Въ простудахъ настаиваютъ въ водѣ и даютъ пить. Помогаетъ отъ утѣсненія въ груди и занятія духа, разумѣютъ

же

полезнымъ для желудка, но всегда лучше для глазъ: уменьшаетъ жаръ въ нихъ, чистятъ и гонятъ гной. Стихотворцы болѣе славятъ Ю-Ланы, нежели Врачи, пріемля оное таинственнымъ знакомъ добродушія и милосердія.

3.

ТСІЭУ-ГАИ-ТАНЪ.

Цвѣтокъ, называемый Тсіэу-Гаи-Танъ, или Гаи-Танъ осенній, въ различеніе отъ кустарника того же имяни, цвѣтущаго весною. Сначала вывезено растеніе сіе отъ подошвъ каменныхъ горъ вскрай моря. Сказываютъ, что какая-то Царица имѣла обычай убирать такими цвѣтами волосы свои, когда еще была дѣвкою, и отъ того времяни стали ихъ держать во Дворѣ. Стихотворцы отдавали честь симъ цвѣткамъ во времяна Танговой династіи. За двѣсти предъ симъ лѣтъ изъ первыхъ почитаются въ цвѣтникахъ Дворцовыхъ; слѣдовательно болѣе четырехъ сотъ лѣтъ уважаются Китайцами. Свѣтло-красны, благовонны, родятся множествомъ, долго не опадаютъ. Осенніе Гаи-танги не вянутъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Стебель пускаютъ многовѣтвенный валикомъ, съ колѣнцами, багряновидный наисподи и по краямъ колѣнецъ; отпрысковъ даютъ много; выростаютъ до двухъ футовъ съ половиною и нѣсколько выше, на вѣтвяхъ листокъ противъ листка у самыхъ колѣнцевъ къ хвосту, или къ концу выгнулись кругловато, ушкомъ зубчаты, продолговаты, спицею, съ мѣлкими иглами вездѣ, съ верьху темнозеленыя, съ исподи молочно-зеленыя, краска почти не видна отъ жилокъ къ краямъ, жилки сіи торчатъ, пурпуровыя; на все же вообще пріятно глядѣть.

Цвѣтки составляютъ узорочные изъ себя пуки по концамъ вѣтьвей; чашечки отъ цвѣтовъ отдѣлены особо, естьли можно называть чашечками; два листа пурпуровидные, слегшіеся вмѣстѣ на подобіе кошелька. По мѣрѣ, какъ цвѣтки подрастаютъ и раскидываются, два сіи листка, что называю кошелька, блѣднѣютъ, разкрываются, засыхаютъ и спадаютъ. Цвѣтки отдѣляются одинъ отъ другаго на мѣлкихъ стебелькахъ, и потомъ перепутываяся, пускаютъ отъ себя новые цвѣтки же посредствомъ новыхъ же сказанныхъ чашечекъ, или мѣшечковъ, изъ коихъ сами выходятъ. Каждая такая чашечка содержитъ въ себѣ цѣлый пукъ цвѣтковъ; каждый цвѣтокъ состоитъ изъ четырехъ частей, двухъ большихъ и двухъ малыхъ. Краска на нихъ какъ на персикахъ, видомъ какъ цвѣтки на вишняхъ. Двѣ большія части сначала слипаются и лежатъ одна на другой, на подобіе мѣшечка. Какъ раскинутся, раскинутся же и двѣ малыя части; всѣ же четыре изображаютъ собою крестъ. Внутренній пестикъ цвѣтка прежде походитъ на такіе пестики, какіе видимы въ цвѣткахъ же на клубникѣ; и есть ничто иное, какъ самой малой мѣшечикъ съ сѣмячками желтыми, лоснящимися; сѣмячки сіи мало по малу отлипаютъ одинъ отъ другаго, разкрываются колокольчиками, и напослѣдокъ всѣ совокупно дѣлаются желтою кисточкою, виснутъ на стебелькѣ, вышедшемъ изъ пестика.

Тсіэу - Гаи - Танъ есть растеніе нѣжное и причудливое; разводитъ его сѣмянами, но съ довольнымъ трудомъ. Содержатели цвѣтовъ говорятъ, что требуютъ земли песчаной; что навозъ и черноземъ ему смертоносны; что поливать его должно самою чистою водою; что не терпитъ солнца ни въ какое время. Са-

Садятъ его подлѣ стѣны съ Сѣверной стороны; начинаетъ цвѣсти не прежде послѣднихъ чиселъ Августа. Цвѣтковъ его благовоніе равно красотѣ ихъ; нѣсколько имѣютъ на себѣ краски фіолетовой и розовой, но не яркой; запахъ отъ цвѣтковъ чувствуется вблизи токмо. Около осени и въ студеную погоду почти ничемъ не пахнетъ.

Тсіэу-Гаи-Танги по Южнымъ областямъ прекраснѣе Пе-Кингскихъ. Послѣ, какъ соберутъ сѣмяна, обрѣзываютъ всѣ вѣтьви. На новый годъ пустятъ новыя же, только надобно обкласть коренье хрящемъ и щебнемъ, инако же загніются.

Врачебныя книги у Китайцевъ молчатъ о растеніи семъ; вмѣсто того для тамошнихъ Стихотворцевъ служатъ противу нашихъ Европейскихъ розъ и лилей; разумѣютъ они подъ словомъ Тсіэу-Гаи-Тангъ смиренномудрую красоту, женщину добродѣтельную, которая убѣгаетъ взоровъ мужчинъ: мудраго мужа, ищущаго уединенія, дабы стать совершеннымъ и снискать безсмертіе терпѣливостію. Живописцы, вышиватели шелками и золотомъ, вводятъ растеніе сіе въ дѣло рукъ ихъ.

4.
Мо-Ли-Гоа.

Цвѣтки Мо-Ли-Гоа, есть родъ ясминовъ. Въ большемъ собраніи Ботаническомъ, подъ заглавіемъ Ку-Кин-Ту-Шу, только то мы нашли достовѣрное, что Императоры Ганскія династіи охотники были до сихъ цвѣтковъ за семьнадесять столѣтій до настоящаго времяни. Сначала разводимы были только

вЪ Дворцовыхъ садахЪ, а послѣ и по всѣмЪ частнымЪ садамЪ вЪ Китаѣ. Пе-Кингскій воздухЪ не хорошЪ для нихЪ. Стихотворцы, живописцы, рѣщики, вышиватели золотомЪ и шелками, изображаютЪ ихЪ на издѣліяхЪ своихЪ.

Раздѣляются на многіе роды.

Дикіе Мо-Ли-Гоаи, растущіе по горамЪ, другій ихЪ родЪ разводятЪ по садамЪ; Мо-Ли-Гоаи кустами мѣлкими; Мо-Ли-Гоаи кустами крупными.

На однихЪ цвѣты желтые, на другихЪ красные, на третьихЪ бѣлые. ВЪ Пе-Кингѣ только послѣдніе; да и обЪ нихЪ токмо упоминаютЪ. Мы здѣсь о всемЪ надлежащемЪ до Ботаники не прежде писать должны, какЪ довольно насмотрѣвшись и вознавшися вЪ существо вещей.

И такo Мо-Ли-Гоаи сЪ бѣлыми цвѣтками суть мѣлкіе кусты, отЪ двухЪ сЪ половиною до трехЪ футовЪ вЪ высотѣ; сучья слабые, надобно поддерживать бамбуевыми обручами; издали походятЪ на круглые бальконы.

Листья завсегда зелены, завсегда почти листЪ противЪ листа, толстыя, жиловастыя. И сверьху и снизу темно-зеленыя, листЪ на листЪ рѣдко походитЪ видомЪ, всѣ же не много полумѣсяцемЪ и остроконечны.

Цвѣтки по концамЪ вѣтьвей какЪ обычайные ясмины; чашечка подЪ цвѣткомЪ раздѣлена на шесть, или седьмь остроконечныхЪ же частей; не опадаетЪ.

Вну-

Внутри пестикЪ трубочкою, раздѣленЪ на шесть, на семь и на восемь продолговато круглыхЪ перемычекЪ, не много съужающихся на концѣ, нагнувшися съ исподи. На отверзтіи трубочки двѣ иглы, держатся мѣлкими жилками; верьхушка шипомЪ, расколотая на двое, на подобіе губЪ устныхЪ; пестикЪ приросЪ ко дну чашечки и состоитЪ вЪ мѣлкой жилкѣ зеленой, на концѣ же желтой, и зародышѣ, которой становится со времянемЪ ягодою. О ягодахЪ сихЪ умалчиваю; ибо никогда не видывалЪ зрѣлыхЪ: Пе Кингскій климатЪ не допускаетЪ ихЪ до того.

Мо-Ли-Гоаевы кусты вЪ великомЪ почтеніи за красоту и благовоніе цвѣтовЪ. НосятЪ ихЪ вЪ ящикахЪ и ставятЪ подЪ Дворцовыми переходами. ОдинЪ такій кустЪ, начинающій разцвѣтать, продается по пяти унцій серебра, а нѣкоторые по десяти, по двѣнатцати и дороже. ЗапахЪ пріятнѣе ЕвропейскихЪ ясминовЪ, нѣсколько походитЪ на запахЪ же отЪ розановЪ и померанцовыхЪ цвѣтовЪ, смѣшенно сЪ запахомЪ обычайныхЪ ясминовЪ. КладутЪ сіи цвѣтки вЪ чай, напитки, сыропы, закуски, зашиваютЪ вЪ платье, и тому подобное.

Мо-Ли-Гоаи по ЮжнымЪ областямЪ родятся на открытыхЪ мѣстахЪ, нужно только защищать ихЪ отЪ вѣтровЪ СѣверныхЪ. Ягоды на растеніи семЪ тамЪ поспѣваютЪ, слѣдовательно и разводить легко: однако же болѣе разводятЪ прививаніемЪ, нежели сѣмянами. ВЪ Пе-Кингѣ садятЪ черенки и прививки, но часто перемѣнять должно новыми, инако же выродится. ПрививаютЪ такЪ: прорѣзываютЪ скважину, величиною противу цѣлой вѣтьви сего растенія, на старой доскѣ, которая бы была уже гнила; всовываютЪ

ютъ въ нее вѣтьвь, чтобъ была видна, и внизу и вверху, подставливаютъ сосудъ съ водою мушною, чтобъ вѣтьвь лежала въ водѣ подъ тѣнью; какъ скоро примѣтятъ, что начинаютъ показываться отпрыски на вѣтьви, разламываютъ гнилую доску и засыпаютъ вѣтьви жирнымъ черноземомъ, поливая часто. Мо-Ли-Гоаи требуетъ рыхлой, жирной земли: однако не должно засыпать ее много: заражданотся бѣлыя вши и вредятъ растеніе. Содержатели цвѣтовъ отъ досугу выдумали, какъ поливать, утончать и обходиться съ землею, на которой посажено сіе растеніе. Достойно сіе смѣха и уничижительно, подобно вымышленію же лѣкарствъ для людей, думающихъ только о себѣ, что они больны.

Мо-Ли-Гоаи выдерживаетъ здѣсь зиму, обычайно протяжную. Въ теплицахъ разцвѣтаетъ не прежде послѣднихъ чиселъ Іюня; однако же у Дворцовыхъ садовниковъ поспѣваютъ цвѣтки къ новому году.

Дѣлатели закусокъ и наливокъ много кладутъ цвѣтковъ Мо-Ли-Гоаевыхъ. Красильщики употребляютъ ягоды сего растенія, предпочитая дикія садовымъ. Въ Аптеки идутъ ягоды и цвѣтки: первыя освѣжительны, уменьшаютъ разгорячсніе въ груди и кишкахъ, помогаютъ въ заложеніи мочи и прочее.

Въ Европу можно вывозить ящиками, и потомъ разводить сіе растеніе.

5.

Водяныя каштановыя древеса.

Мы Европейцы обрабатываемъ только землю, Китайцы же и землю и воду. Послѣдняя работа по

тому

тому наипаче выгодна, что требуетъ малаго труда, а производитъ обильное собираніе плодовъ, на которые почти никогда не бываетъ неурожая. Въ Европѣ суть пруды, болота, ручьи, рѣки, какъ и у Китайцевъ; для чего же бы и намъ не перенимать у нихъ? Сколько бы могли доставать тростнику, водяныхъ плодовъ и кореньевъ и такъ далѣе, естьли бы научилися пользоваться дарами Создателя вселенной, разсѣянными десницею Его около жилищъ нашихъ! Китайцы хозяйствуютъ надъ многими водяными растеніями, коихъ плоды и коренья даютъ самыя вкусныя приправы для столовъ зажиточныхъ людей, какъ-то плоды и коренья Ненюфоровы; плоды водяныхъ каштановъ, слывущихъ тамъ Пи-Тси. Мы свидѣтели, что Правительство подаетъ примѣръ народу, насаждая казеннымъ иждивеніемъ по прудамъ и на иныхъ водахъ родъ особаго растенія Куан Ти-

Самъ Императоръ разводитъ по садовымъ своимъ прудамъ и почти во всѣхъ водяныхъ рвахъ Дворцовыхъ же. Великіе два пруда по срединѣ Пе-Кинга раздѣляются мостомъ, по которому ходятъ и ѣздятъ всѣ; виденъ съ него Императорскій садъ: пруды тамо украшены Ненюфорами и водянымъ каштанникомъ.

Послѣднее растеніе, зовущееся по Латинѣ Трибулусъ, находимъ мы во многихъ нашихъ Европейскихъ областяхъ; а были бы и вездѣ, естьли бы захотѣли нѣсколько потрудиться. Европейской нашъ водяной каштанникъ есть тоже самое, что и Лин-Кіо въ Китаѣ: для чего же бы доброжелательнымъ нашимъ согражданамъ не подавать примѣра простому народу въ промышленіи отечеству новаго таковаго пособія?

1. Лин-Кіо есть плодъ освѣжительный и вкусный лѣтомъ, когда еще зеленъ. Продаютъ Китайцы на рынкахъ, какъ у насъ въ Европѣ лѣсные орѣхи: великая бы помощь для неимущихъ поселянъ!

2. Высушеной и истолченой въ муку годится на похлебки, особливо съ примѣсью пшеничной муки; можно треть такой толчи класть въ хлѣбы.

3. Поджаренный въ печи съ сахаромъ, или медомъ, пища здоровая и пріятная.

4. Въ голодные годы пропитаніе для сельскихъ жителей.

5. Гуси, утки и иные домашнія птицы жирѣютъ отъ такого корма.

Хозяйствовать надъ Лин-Кіомъ не трудно: самъ высыпаетъ изъ себя сѣмяна свои, надобно только раскидать ихъ по прудамъ и протокамъ въ концѣ осени, на мѣстахъ неглубокихъ; а чтобъ былъ плодъ здоровый и вкусный, надобно выбирать воды чистыя, берега обращенные къ Полудню. Чемъ болѣе открыто сіе растеніе предъ солнцемъ, тѣмъ бываетъ лучше и обильнѣйшіе производитъ плоды.

Сказали мы, что истинный водяный каштанникъ зовется по Китайски Пи-Тси, да и плоды онаго несравненно пріятнѣе плодовъ Лин-Кіевыхъ, и здоровѣе. Даютъ женать ихъ больнымъ для освѣженія рта. Положимъ, что Китайцы тщательнѣе насъ пользуются дарами Создателя, или климатъ ихъ удобнѣе нашего для растеній водныхъ; а по тому-то мо-

можетъ быть и хозяйствуютъ надъ большимъ несравненно числомъ растеній и такихъ, о которыхъ въ Европѣ понятія не имѣютъ. Достойные сыны отечества, обращая вниманіе земляковъ своихъ на все полезное общежитію, могутъ ожидать отъ насъ, что съ радостію помогать имъ будемъ, сколько достанетъ силъ нашихъ.

Начнемъ паки разсуждать о Пи-Тсіѣ. Растетъ по Южнымъ областямъ Китая; въ Пе-Кингѣ же держится не долго. Подъ цвѣтками не видывали мы, однако же и безъ цвѣтковъ заслуживаютъ любопытство; ибо плодъ его созрѣваетъ въ нахлучкѣ, выходящей прямо изъ корня. Вся сія нахлучка въ пухѣ, какъ на обычайныхъ каштанахъ; разламываютъ ее, не вредя растенія. На Пи-Тсіѣ листья долги какъ тростникъ, трубками, какъ у огороднаго луку.

6.

Ліен-Кіен, или Ки-Теу.

Растеніе Ліен-Кіенъ, или Ки-Теу, ради странности своей достойно быть извѣстно Европѣ. Кажется, что никто изъ нашихъ Ботаниковъ не упоминалъ еще объ немъ. Плиній и Діоскоридъ коснулися нѣсколько: описаніе, предпріемлемое теперь нами, истолкуетъ слова ихъ. За полезное разсудили мы нарисовать сіе растеніе со всѣми онаго частьми и принадлежностьми. Единое есть сіе средство, дабы не смѣшать его съ другими какими либо растеніями же, одинаково съ нимъ представляющимися глазамъ.

Ки-Теу есть растеніе водное, Китайцами сопричисляемое къ родамъ Ненюфора. Коренье кистью;

чемъ старѣе растеніе, коренья длиннѣе; чемъ лучше земля, на которой сидитъ, тѣмъ сочнѣе. Вырывать должно съ трудомъ; глубже идетъ въ землю, нежели разширяется. Жилки, или волосы, составляющія коренье, прямы, пусты внутри, цвѣтомъ бѣлы, величиною въ перья вороновъ. Порознь легко разрываются, вмѣстѣ же весьма крѣпки. Листья выходятъ изъ корня, хвосты ихъ круглы въ иглахъ; длиною въ два фута съ половиною, иногда же и больше, смотря по глубинѣ воды. На нихъ вдоль лежатъ по пяти и по шести трубочекъ; самая крупная по срединѣ, касается средоточію листа, куда и обѣ прочія сходятся. Закраины выше средины листьевъ, прямы, третью болѣе толсты противу широты, походятъ на кости въ щипкахъ отъ солнца, стелются по водѣ. Веществомъ хотя рыхлы и мягки, но подъ иглами жесткими и острыми, какъ на растеніи розовомъ.

Листья велики, кругловаты, толсты, жиловасты, изогнулися полумѣсяцемъ, подобно Ненюфоровымъ, но плотнѣе и тверже. Развертываются совсѣмъ, достигнувъ поверьхности воды, на которой и ложатся. Есть въ два фута съ половиною поперегъ, а въ Южныхъ областяхъ Китая и до трехъ съ половиною футовъ. Низъ листьевъ подъ конецъ лѣта ярко фіолетовой, верьхъ же блѣднозеленой, съ желтью. Цвѣтокъ стоитъ особо. Дабы подать о семъ растеніи понятіе, надобно слѣдовать за его возрастаніемъ, и по томъ его разнять на части. Выходитъ непосредственно изъ корня по срединѣ листовъ; нагибается, какъ маковица, достигнувъ нѣсколько выше поверьхности воды. Стебель подобенъ листьямъ въ пупырьяхъ, и также имѣетъ внутренніе трубки. Наисподи нѣчто продолговатое, подъ пупырьями же служитъ цвѣтку чашечкою;

шечкою. Мало по малу надувается, становится длиннѣе, а наконецъ пріемлетъ величину ананаса, иногда же и мѣлкой дыни: плоды, въ ономъ содержащіеся, когда созрѣютъ; четыре листка толстые и мясистые, коими оканчевается къ верху остріемъ, разкрываются въ видѣ гранатнаго цвѣта, и показываютъ фіолетовую шишку, которую прежде закрывали. Шишка сія раскидывается до половины; раскалывается кора какъ у гранатныхъ яблокъ; цвѣтокъ вянетъ, плоды отстаютъ отъ рыхлыхъ своихъ наклучекъ и мало помалу падаютъ.

Ки-Теу есть цвѣтокъ многолистный, разположенъ какъ розанъ, віолеты подъ пупырьями и какъ подсолнечники. Чашечка имѣетъ только четыре остроконечныхъ листа; есть плодъ рыхлый, кругловатый, раздѣленный по длинѣ своей на многія ямки съ сѣмячками. Кора на немъ мясиста, подъ длинными пупырьями. Сѣмячки продолговато-круглы, подъ шелухою; цвѣтокъ какъ сѣрой виноградъ; мало сочны, вкусомъ прѣсны, по крайней мѣрѣ въ Пе-Кингѣ. Подъ шелухою кожица, или скорлупа какъ на дубовыхъ желудяхъ, а подъ нею шарикъ вещества мучнаго. Скорлупа высушенная, становится жестка, какъ на лѣсныхъ орѣхахъ; мука же весьма бѣла. Спички внутреннія въ цвѣткѣ суть плоскіе листики съ маковками. Пѣстиковъ не нашли мы: какъ сѣмяна созрѣютъ, и раскинется цвѣтокъ, кажутся ни на что не годны.

Растеніе Ки-Теу извѣстно въ Китаѣ и обработывается со времянъ династіи древнихъ Тшеуевъ, начавшейся въ 1122 до Рождества Христова. Но по толкованію ученыхъ Китайцевъ, было тогда весьма рѣдкое, плоды же онаго входили въ число жертвъ лѣт-

нихъ и осеннихъ. Послѣ начали сѣять зерны растенія сего по озерамъ и прудамъ; а чтобъ въ большее ввести употребленіе, установленъ особый общенародный обрядъ. Плоды Ки-Теуевы подавали на столъ Императорскій, какъ только начнется осень. Хозяйство состоитъ только въ томъ, чтобъ сѣять зерны по прибрежной грязи. Подлые жители столицы ядятъ шелуху отъ жажды. Въ Южныхъ областяхъ, гдѣ растеніе сіе крупнѣе и сочнѣе, варятъ похлебки и пекутъ блины, истолокши прежде зерны въ муку.

Въ Китаѣ коренья и прочее имянуется здоровою пищею. Врачи увѣряютъ, что мука Ки-Теуева освѣжительна и утучняетъ горячаго сложенія людей.

Коренья вареныя утишаютъ колику и распаленіе въ крови; малолѣтнымъ запрещаютъ давать много.

Ботаники дѣлятъ Ки-Теуи на многіе роды; но разность ихъ состоитъ токмо въ краскѣ на цвѣткахъ и добротѣ сѣмянъ.

7.

Кіу-Гоа, или маточная трава Китайская.

Кіу-Гоа, или маточная трава, въ Китаѣ извѣстна отъ древнихъ времянъ. Конфуціусъ упоминаетъ объ ней въ Словарѣ Эульг Я, изданномъ за многія столѣтія предъ сожженіемъ книгъ. Стоитъ же при Государяхъ первыя династіи Тшеу-кія; цвѣтки сего растенія вышиваемы были по одеждамъ Императрицъ, Княгинъ и знатнѣйшихъ придворныхъ женщинъ. Видны также и на старинной рѣзбѣ. Естьли книга Зелейникъ дѣйствительно сочинена Императоромъ Шин-Нон-

Нонгомъ, то самая первая Ботаническая книга вышла на свѣтъ въ Китаѣ. Въ ней о Кіу-Гоаѣ множество басенъ. Раскольники Тао-Сэскіе сопричисляютъ ее къ составу напитка долговѣчія и обоженія: разсказываютъ о томъ многія бредни, достойныя сумазбродства ихъ. Стихотворцы цѣлящіе на иный родъ безсмертія, славятъ растенія сего цвѣты, чтобъ оное снискать, и славитъ двѣнатцать столѣтій, дабы учиниться самимъ славными. Императоры, яко главы людей ученыхъ, сочиняли имъ похвалы въ стихахъ. Ботаникамъ же Китайскимъ нужны токмо врачебныя свойства растенія сего и его цвѣтковъ: по примѣру древнихъ, повѣствуютъ какъ о растеніи полезномъ для больныхъ; слѣдовательно не походятъ съ сей стороны на Врачей же за морями.

Кіу-Гоа заслуживаетъ вниманіе Стихотворцевъ, легкостію своихъ вѣтьвей, красотою листьевъ, плотностію, яркою краскою и нескорымъ завяданіемъ цвѣтовъ своихъ и оныхъ многоразличностію. Изъ Европейскихъ цвѣтниковъ выгнано сіе растеніе ради сильнаго своего и противнаго запаха; но просимъ особъ здравомыслящихъ принять въ разсужденіе, что растеніе, такъ называемое Медвѣжьи Уши, толико уважаемое нынѣ нашими Ботаниками, едва только за сто лѣтъ извѣстно стало. Руки человѣческія украсили со времянемъ, и такъ сказать переиначили маточную траву, равно какъ и у насъ Медвѣжьи Уши.

Описаніе Кіу-Гоа.

Кіу-Гоа, или маточная трава, въ Китаѣ, по свидѣтельству Турнфора, есть родъ растеній съ лучистыми цвѣтками. Круглая оныхъ поверхность есть

собраніе цвѣтныхъ листковъ, каждый на своемъ стебелькѣ. Вѣнцы на цвѣткахъ сихъ изъ такихъ же листковъ: все же то поддерживается чашечкою изъ многихъ особыхъ листовъ чешуйчето. Какъ цвѣтокъ завянетъ и опадетъ, каждый стебелекъ становится семячками продолговатыми.

Китайцы раздѣляютъ Кіу-Гоа на два рода: дикія горьки, сильной имѣютъ запахъ; садовыя сладки, пахнутъ пріятно. Срисовывать порознь, описывать всѣ части и отдѣленія растенія сего, завело бы въ скучное плодословіе: скажемъ только, что листья наономъ весьма многоразличны, одни тонки, другіе толсты; одни мѣлки, другіе долги и широкіе; есть какъ на вишняхъ: нѣкоторые со изгибомъ, скруженные по концамъ; другіе какъ бы съ кружевомъ по закраинамъ и остроконечны. Краска на нихъ также различна, свѣтлѣе и темнѣе. Цвѣтки различныхъ также красокъ; все означать порознь: потребно особое сочиненіе; о всѣхъ имѣть свѣденіе, особую составитъ Науку.

Какъ обработывается Кіу-Гоа.

Хозяйствовать, относительно къ маточной травѣ, есть въ Китаѣ многія книги, подобно какъ въ Европѣ о тюльпанахъ гвоздикахъ и тому подобномъ. Удовольствуемся токмо симъ:

1. Кіу-Гоа требуетъ выгоднаго мѣстоположенія, открытаго воздуха, свѣжаго и влажнаго. Ограда узкая, изъ четырехъ стѣнъ, есть теплица для сего растенія: не преуспѣваетъ, а только томится въ ней. Земля подъ оное надобна жирная мягкая, завремянно при-

приготовленная, которую премѣнять должно повсягодно.

2. Размножаются Кіу-Гоаи 1) посѣвомъ, 2) отпрысками, 3) прививками, 4) мѣлкими побѣгами. Выбираютъ добротнѣе другихъ дающія сѣмяна, оставляютъ его созрѣвать, сѣмяна собираютъ и бросаютъ осенью въ землю, тщательно приготовленную. Лежатъ въ землѣ зиму, весною отъ поливокъ возникаютъ весьма скоро. Другіе садовники сѣютъ сѣмяна весною.

Маточную траву такъ разводятъ отпрысками: 1) отрывая только что показавшійся отъ корня и сажая въ добрую землю подъ тѣнью, часто поливая, пока не станутъ прибавляться въ ростѣ. 2) Отрѣзываютъ черенокъ, втыкаютъ въ гнилое дерево, пускаютъ на воду въ большемъ сосудѣ; чрезъ два дни сажаютъ вмѣстѣ и съ гнилымъ деревомъ въ землю въ тѣни и часто поливаютъ. 3) Выбираютъ сочный побѣгъ корня, сажаютъ въ горшокъ, землею насыпанной, какъ скоро приживется; срѣзываютъ на три дюйма надъ землею, сдираютъ кожицу, какъ для прививки крючкомъ, обвиваютъ сырою пенькою, по томъ накрываютъ прежде землею, а сверху холстиною.

Когда маточная трава станетъ цвѣсти, обрѣзываютъ всѣ вѣтьви на три дюйма отъ корней, землю пашутъ, мѣшаютъ; съ нею навозъ съ наступившею стужею кроютъ соломою, на которую кладутъ горшки бокомъ. Въ теплицахъ горшки съ маточною травою не поливаютъ.

При первой теплой погодѣ весною разкрываютъ горшки и начинаютъ поливать. Скоро пускаютъ побѣги.

3. Маточная трава равно боится засухи и слишкомъ влажнаго воздуха; поливаютъ ее такъ: 1) водою рѣчною, или дождевою; 2) по веснамъ мѣшаютъ въ нее пометъ шелковыхъ червей, и птичій; лѣтомъ многіе наставляютъ въ ней куриныя и утиныя перья, приложивъ нѣсколько селитры. Осенью, прежде нежели покажутся почки, ставятъ въ мѣлкой навозъ, количествомъ смотря по засилію растенія. Надобно обкласть корни кирпичными обломками, или мѣлкими камнями, чтобъ отъ поливанія не осѣдала земля. 3) Въ большіе лѣтніе жары поливать только поутрамъ и вечерамъ, смачивать же листья только утромъ.

4. Маточная трава 1) не сноситъ солнечнаго зноя, любитъ открытой воздухъ. Въ Дворцовыхъ садахъ дѣлаютъ нарочно Понг-Тсеи, или рогозинныя кровли, на подобіе навѣсовъ, какія видимъ въ Парижскихъ домахъ съ Полуденной стороны; на ночь и при ненастьѣ снимаютъ кровли сіи. 2) Вѣтьви маточнаго растенія такъ слабы, что вредитъ ихъ вѣтръ: и для того подставливаютъ шестики, какъ во Франціи подъ гвоздику. Любятъ также сидѣть одно растеніе послѣ другаго близко. 3) Непріятелями имѣетъ многихъ гадовъ. Надобно прилѣжно истреблять оныя. 4) Какъ листья начнутъ желкнуть, не срывать ихъ, а помачивать водою, вареною съ чеснокомъ. 5) Два только, или одинъ побѣгъ оставлять на каждомъ стеблѣ, а прочіе сламывать ногтемъ. 6) Какъ приспѣетъ время разцвѣтанія, поливать меньше, простою водою, безъ всякой примѣси. 7) Естьли чешуйки на пучкѣ съ трудомъ развертываются, помогать зубочисткою. Раскидываются цвѣтки, то становить ихъ на утреннее солнце, а отъ полуденнаго закрывать.

5.

5. Что надобно дѣлать, чтобъ маточная трава была добротна? Надобно, чтобъ стебль ея былъ крѣпокъ и прямъ, листья сочныя, ярко зеленыя; цвѣтки шириною въ два, или три фута, чтобъ были многолистны, краска бы на нихъ была гладкая и чистая, пахнули бы пріятно, имѣли бы видъ пригожій.

6. Цвѣтки на Кіу-Гоаахъ не вянутъ цѣлый мѣсяцъ времяни, ежели умѣютъ сберегать ихъ. Въ чертогахъ Императорскихъ не вянутъ, и не опадаютъ отъ средины осени до конца зимы, по Южнымъ же областямъ находятъ ихъ чрезъ весь годъ.

ПОЛЕЗНЫЯ СВОЙСТВА

и

употребленіе.

Китайкіе Врачи и Ботаники одни и тѣ же находятъ полезныя свойства въ маточномъ растеніи съ Европейскими Врачами же и Ботаниками.

Садоваго маточнаго растенія вѣтьви кладутъ въ снѣди и употребляютъ вмѣсто салада.

Цвѣтки кладутъ же въ закуски, пьютъ какъ чай, дѣлается особый родъ пива съ сими цвѣтками.

8.

МУ-ТАНЪ, или ПІОНЫ; РОДЯТСЯ

на

Кустарникѣ въ Китаѣ.

И въ самыя древнія времяна Піоны раздѣлялися въ Китаѣ на мужескъ полъ и женскъ, во всѣ времяна употребляли ихъ на лѣкарства. Піоны, называемыя Му-Танъ, о коихъ теперь писать начинаемъ, означаютъ въ Китаѣ на щиткахъ, вѣерахъ и тому подобномъ. Изображаютъ же сей родъ цвѣтовъ Китайскіе Живописцы, равно какъ и на всякихъ картинахъ, дѣлаемыхъ ими для отсылки въ Европу. Развѣ случайно напали они рисовать на такіе цвѣты, какъ токмо вымышленные? Сколько же еще и другихъ такихъ вещей на свѣтѣ? пускай бы то было относительно къ однимъ цвѣтамъ.

Не болѣе тысячи четырехъ сотъ лѣтъ, какъ Му-Таны появились здѣсь въ цвѣтникахъ. Охотники до нихъ тщетно выводятъ ихъ древность; ибо не упоминаются ни въ какой старинной книгѣ. Говорятъ, что разумѣть ихъ должно подъ общимъ имянемъ Шао-Яо, то есть Піоны; но сверьхъ того, что описаніе древнихъ Ботаниковъ и Стихотворцевъ къ нимъ не приличествуютъ; новѣйшіе же писатели очевидно утверждаютъ, что не были вовсе извѣстны при Государяхъ Танскаго поколѣнія. Нѣкій Китаецъ путешествуя, нашелъ на горахъ Го-Нанскихъ кусты съ Піоновыми цвѣтами. Находку принялъ достойною украсить сю свой садъ, отпоролъ отпрыскъ

съ

съ мочкою и шакимъ образомъ развелъ у себя. Одинъ Бонзъ, не вѣдая откуда взялось такое растеніе, восхошѣлъ имѣть же у себя въ саду помощію прививки; не только удалось ему, но Піоны его превзошли красотою вывезенные изъ горъ. Смятенія Государственныя, продолжавшіяся даже до династіи Танговой, отвлекали вниманіе общества отъ сей новости. Въ половинѣ седьмаго столѣтія возродилися Науки и Художества; любопытные начали помышлять о Му-Танахъ. Красивость, яркость красокъ, многочисліе цвѣтовъ, благовоніе, множество листьевъ, златовидныя сѣмячки, заслужили отъ всѣхъ предпочтеніе предъ всякими иными цвѣтами. Присмотры за ними и хозяйство учинилось наилюбезнѣйшею забавою Вельможей, людей зажиточныхъ и ученыхъ. Дворъ Императорскій сталъ уважать сіи цвѣты. Государственные чиновники стали покупать ихъ на перерывъ для поднесенія Императору. На пиршествахъ придворныхъ и посреди щедрости Государей возъимѣли отличное мѣсто. Города, гдѣ растутъ обильнѣе, одинъ предъ другимъ начали стараться имѣть Піоны. Кряжь и климатъ Ло-Янгскій оказался удобнѣе къ тому всѣхъ иныхъ мѣстъ. Стихотворцы начали вводить въ сочиненія свои, прославляя Му-Таны; а какъ здѣшнее стихотворство почти все состоитъ въ нравоученіяхъ и философствованіи, то и сами Императоры почтили сіи цвѣтки кистьми своими, и чрезъ особливые стихи посвящали ихъ Дворцовымъ своимъ цвѣтникамъ. Скоро оказалися они и на картинахъ во Дворцѣ же. Войны, премѣны правительствъ и внутренніи произшествія, были гибельны для Му-Тановъ; однако же и посреди самыхъ наибольшихъ потрясеній за отмѣнную красоту свою не истреблены вовсе. Надежнѣйшимъ для нихъ убѣжищемъ были монастыри

Бонзовъ; подъ развалинами же разоренныхъ Дворцевъ, коихъ служили украшеніемъ, изчезли. Безъ горъ, удаленныхъ отъ всякихъ жилищъ человѣческихъ, можетъ быть и навсегда бы лишился родъ человѣческій сего рода цвѣтковъ. Въ двѣнатцатомъ столѣтіи увидѣли ихъ паки въ садахъ Дворцовыхъ вывезены изъ области Го-Нангской въ столицу. Климатъ сей области не столь благопоспѣшенъ Му-Танамъ, какъ области же Гу-Куангъ. Когда Императоръ Юнг-Ло Мингскія династіи началъ жительствовать въ Пе-Кингѣ въ концѣ четвертагонадесять столѣтія, не возхотѣлъ лишиться Му-Тановъ, и повелѣлъ ежегодно вывозить ихъ къ себѣ изъ области Гу-Куангской, что и по днесь продолжается. Императоръ Кинг-Ги сочинялъ похвалы цвѣткамъ симъ на Китайскомъ и Татарскомъ языкахъ. Его велѣніемъ насаждены по ту сторону великія стѣны, чтобъ услаждать зрѣніе Владѣльцевъ Татарскихъ, на пути ихъ къ Ге-Го-Эульгъ, для засвидѣтельствованія ему данничества своего.

Описаніе.

Есть ли Му-Танъ, называемый также Гоа-Узигъ, можетъ слыть Царемъ цвѣтовъ ради, превосходныя своея красивости; можетъ же называться и Пе-Леангъ-Кинъ, сирѣчь сто унцій золота ради дороговизны своей. Му-Шао-Яо, или Піоны, дерево въ различеніе отъ Піоновъ обычайныхъ, естьли не вѣнецъ земныхъ произрастеній, какъ говаривали въ древнія времяна, по крайней мѣрѣ не льзя не почтить его наилучшимъ изъ цвѣтковъ въ Естествѣ. Красоты цвѣтковъ: купальницы, тюлпана, гвоздики, медвѣжьихъ ушей, съ помощію трудовъ и вымысловъ цвѣтосодержателей подаютъ примѣръ, что и Му-Таны также

же

же со временемъ учинилися лучшими. Но кажется невѣроятно, чтобъ могло превратиться растеніе сіе въ кустарникъ. Однако же многія книги свидѣтельствуютъ, что сіе не невозможно. Ссылаемся на писанное нами минувшаго года о маточномъ растеніи. Му-Танъ есть древесное растеніе піонное. Становится кустарникомъ, распространяетъ вѣтьви, пускаетъ стебли и получаетъ маковицу столь же густую, какъ у наилучшихъ померанцовыхъ древесъ въ ящикахъ. Видятъ Му-Таны въ *Ло-Янгѣ* отъ восьми до десяти футовъ высотою; но чемъ выше, тѣмъ хуже на немъ цвѣты; ибо стебли ихъ ради слабости своей не могутъ удержать на себѣ множества цвѣтковъ. Корни, Му-Тановые, разводимые нынѣ по садамъ, длинны, жиловаты, видомъ какъ рѣпа, снаружи цвѣтомъ сѣроваты, или красноваты, а внутри блѣдножелты. *Листки* многочастны, зубчаты, полумѣсяцомъ, сверьху темнозелены, снизу блѣдные. Цвѣтки состоятъ изъ безчисленнаго множества лѣпестковъ, разкидываются какъ розаны, поддерживаются чашечкою изъ четырехъ листковъ. Изъ корешка каждаго лѣпестка выходятъ туда и сюда жилки съ мѣлкими почками, на концѣ златовидными. По опаденіи цвѣтковъ появляются плоды, изгибающіеся рожкомъ, какъ и на обычайныхъ піонахъ; подсыхая трескаются и выпускаютъ сѣмячки.

Цвѣто-содержатели за лучшіе Му-Таны почитаютъ тѣ, у которыхъ стебль шароховатъ, кривъ, или изогнулся, съ колѣнцами, черно-зеленоватъ, вѣтьви перепутываются, пускаютъ отъ себя побѣги свѣтло-зеленые съ краснымъ отливомъ, сочные; листья большіе, ярко-зеленые, висящіе порядочно одинъ под-

лѣ другаго, также сочные, на стебельнахъ красноватыхъ; на цвѣткахъ чтобъ была одна краска и старыхъ и молодыхъ; развертывалися бы кистью, на подобіе такихъ, какіе носятъ на шляпахъ; держалися бы прямо на стебляхъ, въ семь и восемь дюймовъ въ отрубѣ, наполняли бы воздухъ благовоніемъ.

Въ старину раздѣляли Му-Таны на многіе роды. Пан-Мангъ-Кіенъ полагаетъ главныхъ только шесть, однако раздѣляющихся на двѣсти сорокъ различныхъ между собою. Оставимъ толикія подробности хожатаямъ за цвѣтами, а замѣтимъ только, что Му-Таны различаются 1) внѣшнимъ видомъ, 2) временемъ, когда цвѣтутъ, 3) цвѣтками, самими по себѣ.

Дѣлаютъ изъ Му-Тановъ стѣны вѣеромъ, рощицами, на подобіе померанцевъ, и иными разными образами выводятъ ихъ; но садовые выростаютъ послѣ дикихъ, по чему и говорится Му-Танъ обычайный; Му-Танъ карла, Му-Танъ дерево, походитъ на баснь, что повѣствовали въ старину о послѣднемъ родѣ Му-Тановъ, будто бы имѣли въ высотѣ своей болѣе двадцати пяти футовъ. За Му-Танами карлами не смотрятъ садовники, а только даютъ имъ расти, чтобъ не перевелися. Знаютъ они способы дѣлать всякаго рода деревья, кустарники и цвѣтки карлами. Намъ случилось видѣть кедры и пихты сороколѣтныя и старѣе, въ два только фута высотою. Стебли, вѣтьви и листья, соразмѣрныя въ величинѣ своей. Можно именовать было ихъ старыми деревьями въ миніатурѣ. Обычайные Му-Таны садовниками и охотниками до цвѣтовъ паче прочихъ родовъ уважаются.

Всѣ

Всѣ Ботаническія книги единогласно утверждаютъ, что есть Му-Таны цвѣтущіе по веснамъ, другіе же лѣтомъ, а еще третій родъ осенью. Станется, что происходитъ сіе отъ климата и образовъ хожденія за ними. Большій Му-Тановый цвѣтникъ долженъ имѣть ихъ на всякое время года; слѣдовательно и разныя потребны тщанія для того. Привозимые изъ Гу-Коанга къ Императору повсягодно подъ конецъ осени, подъ цвѣтками въ Декабрѣ и Январѣ; но въ такое разцвѣтаніе приводятся насильственно, какъ померанцы и персики съ двойными цвѣтками. Садовники болѣе ходятъ за весенними и лѣтними, осенніе же требуютъ великихъ заботъ въ песьи дни. Му-Таны каждаго годоваго времяни раздѣляются на двойные и неудвойные, у первыхъ поверьхность довольно не мала, полна златовидныхъ маковицъ; первые же дѣлятъ на столистные и тысящелистные. Разкидываются различно же: то кистью, то какъ гранатное яблоко, и такъ далѣе. Умолчимъ о тѣняхъ краски на цвѣтахъ сихъ, а скажемъ вообще, что есть красные, віолетовые, пурпуровые, амарантовые, желтые, бѣлые, черные, синіе и голубые; достанетъ разныхъ красокъ Му-Тановыхъ для различенія клавишей на клавикортахъ. За подлинное выдаютъ, что садовники знаютъ таинство перемѣнять краски на Му-Тановыхъ цвѣткахъ по произволенію своему. Какъ предразсудки вмѣшиваются во все на земной поверьхности, то и поднесь остаются въ небреженіи Му-Таны шлемомъ и разноцвѣтные. Китайскимъ садовникамъ то только кажется хорошо, что въ порядкѣ теченія Природы; но не такъ думаютъ въ Европѣ. Му-Таны бы шлемовидные и разноцвѣтные затмили тамъ славу тюльпановъ и гвоздикъ.

Какъ

Какъ ходятъ за Му-Танами.

Въ великія бы вошли мы подробности, разсказывая пространно, какъ Китайскіе садовники ходятъ за Му-Танами; довольно упомянуть наисущественное и особенно свойственное симъ Царямъ надъ всѣми въ свѣтѣ кустарниками:

Сѣютъ, разсаживаютъ и прививаютъ для размноженія полудвойные токмо Му-Таны. Даютъ сѣмяна, какъ почернѣютъ и готовы будутъ сыпаться. Сушатъ и провѣтриваютъ въ тѣни одинъ день, послѣ кладутъ въ глиняный горшекъ съ крышкою. Среди осени сѣютъ на новой землѣ, посредственно жирной, чтобъ лежали на полтора, или два дюйма глубоко. Естьли зима жестока, покрываютъ посѣвъ сухими листьями, или соломою, и при первыхъ вѣшнихъ дняхъ снимаютъ то, поливая умѣренно. Му-Таны изницаютъ въ Маіѣ. Надобно бережно чистить землю около ихъ заступомъ и немного поливать; но при дождяхъ ливныхъ, сильныхъ вѣтрахъ и великихъ жарахъ, молодые Му-Таны требуютъ накрышки. Въ первый и во вторый годъ очень нѣжны. Какъ бы зима ни была сносна, не льзя имъ уцѣлѣть безъ соломяныхъ надъ ними шалашиковъ съ отверзтіями къ Полудню, которыя открывать днемъ, а на ночь закрывать. На пересадку годятся трехлѣтніе.

Пускаютъ отпрыски въ началѣ осени, иногда же и ранѣе, выходятъ прямо отъ корней. Отдираютъ ихъ съ мочками. Даютъ лежать на воздухѣ одинъ, или полтора дни большему корню, дабы рана зажила засохнувъ, и по томъ засыпаютъ сухою землею, дабы не обнажилась. Раненое мѣсто поливать не пре-

жде

жде прошествія двухЪ недѣль. Отпрыски же требуютЪ больше попеченія; надобно завертывать вЪ Ненюфоровыя, или иныхЪ растеній свѣжія листья, отодранную же частицу корня вывѣшивать на воздухѣ на нѣсколько дней; морщится и круглѣетЪ. Когда разрѣзЪ станетЪ сжиматься по прежнему, сажаютЪ вЪ землю, чтобЪ была ни сыра, ни суха, то есть чтобЪ не слишкомЪ много получало новонасажденное растеніе пищи; чтобЪ сидѣло подЪ тѣнью: и для того накрывать днемЪ зеленою травою, ночью же снимать, такЪ поступая до зимы. При первыхЪ заморозахЪ ставить надЪ нимЪ соломенный шалашЪ противу вышеписаннаго. Нѣкоторые садовники кладутЪ одну черепицу сЪ той стороны, гдѣ корень отодранЪ отЪ большаго корня, чтобЪ отЪ сырости земли не разЪѣло раны, чрезЪ поливаніе бы она не открылась. Отдирать отпрыски сЪ мочками надобно умѣючи, инако же не будетЪ успѣха. Есть также садовники, которые разрѣзываютЪ маковицу стараго Му Тана, раскалываютЪ главный стебль даже до корня на четверо, иногда же и на шестеро. Корка на каждой части сжимается на воздухѣ, конецЪ же корня питаетЪ ихЪ. КакЪ закроются раны, наполняютЪ мѣсто подЪ ними жирною землею, смѣшанною сЪ бѣлилами и сѣрою. ОтЪ такого рода пластыря остаются только рубцы на ранахЪ. ВЪ слѣдующую осень поспѣютЪ молодые Му-Таны для пересадки. ЧѣмЪ осторожнѣе и протяжнѣе произходитЪ работа сія, тѣмЪ благонадежнѣе. РасколовЪ главный стебль на полтора дюйма, чтобЪ только не коснуться сердцу растенія, ожидаютЪ, пока каждый отколокЪ не покроется корою, и по томЪ паки приступаютЪ кЪ дѣлу. ОтЪ одного Му-Тана разводятЪ такимЪ образомЪ многіе; однако же оставляютЪ все сіе семей-

ство на одномъ общемъ ихъ корнѣ, и помощію прививанія даютъ растенію соки, отъ которыхъ выходятъ цвѣтки разныхъ красокъ.

Европа не имѣетъ Му-Тановъ, то и пишемое нами скоро забудется. Естьли же придетъ кому желаніе, на примѣръ во Франціи, разводить растеніе сіе, всеконечно получитъ успѣхъ въ Южныхъ тамошнихъ областяхъ, какъ-то въ нижнемъ Лангедокѣ и Провансѣ. Здѣшніе садовники говорятъ: . . . „Мы „и военныя люди не должны сражаться съ годовы„ми времянами; побѣды становиться будутъ доро„го, да и никогда не могутъ быть полныя.„

Успѣхи въ прививаніи Піоновъ зависятъ въ началѣ отъ выбора стебелька, и того, чемъ прививать хочешь. Надобно, чтобъ стебелекъ былъ мужеска пола, и которой бы уже взялъ насиліе. Чтобъ болѣе придать крѣпости корню, весною обрываютъ всѣ почки, изъ которыхъ должно выти цвѣтамъ; недовольно поливаютъ, чтобъ меньше на немъ было листьевъ. Наступитъ лѣто, и оставляютъ въ небреженіи даже до того, хотя бы частію и засохнулъ. Для сего раскрываютъ верьхъ корня, чтобъ виденъ былъ надъ землею, на многіе дюймы, отъ солнечныхъ лучей хоронятъ кровелькою. Ввечеру и когда не чисто на небѣ, сънимаютъ. За нѣсколько прежде предъ изницаніемъ Августскимъ перемѣняютъ землю около присадка и понемногу поливаютъ, чтобъ завсегда была влажна и свѣжа.

За Піонами пола женскаго, которыя красивѣе Піоновъ мужеска пола, ходятъ точно также, только

осенью,

осенью поливаютъ и даютъ согрѣваться отъ солнца, дабы скорѣе изницали.

Мужеска и женска пола Піоны, тако ухоженныя, какъ скоро послѣдняго пола осенію начнутъ отпрыскивать, вынимаютъ ихъ изъ земли, дабы прививать ими мужеска пола Піоны. Надобно избирать къ тому погоду тихую, чтобъ не было ни солнца, ни вѣтра. Надрѣзы на кожѣ для прививанія должно дѣлать Латинскою Буквою V, какъ обычайно пишется; а на женскомъ растеніи, чтобъ буква сія была обращена верьхомъ внизъ. Надобно же, чтобъ корни и того и другаго были равной величины, и чтобъ вытекающій при прививкѣ сокъ взаимно у нихъ смѣшивался. Какъ дѣло сіе кончится, осыпать растенія жирною землею, разведенною прежде съ сокомъ Піоновыхъ корней, нарочно для того выжатомъ. Всего болѣе стараться надлежитъ, чтобъ внѣшній воздухъ не могъ закрадываться въ раночки. Нѣкоторые садовники намазываютъ только такъ разжиженною землею долгія холстинныя перевязки и обвертываютъ корень и прививныя мѣста; но по большей части обмакиваютъ два куска черепичныхъ, чтобъ были похожи на скорлупу яица; кладутъ на корень и прививное мѣсто, чтобъ скоро не подсыхало. Далѣе, дѣлаютъ малый шалашъ надъ прививкомъ, въ защиту отъ солнца и вѣтровъ и въ удержаніе отпрыска. Въ шалашѣ семъ отверзтіе къ Полудню. Солома на немъ, здѣланная рогожкою, чтобъ могла свертываться, для впущенія свѣжаго воздуха по утрамъ и вечерамъ. Чрезъ всю средину дня и въ холодныя ночи опускаютъ всѣ такія рогожки. На зиму дѣлаютъ у шалаша плотнѣе стѣны и кровли изъ соломянныхъ же плетеницъ, или и засыпаютъ землею на нѣкоторую из-

извѣстную вышину, отверзтіе открывая только въ полдень. Какъ весна начнетъ прогонять стужи, открываютъ чаще и на должайшее время; настанутъ теплые дни, снимаютъ и стѣны и кровлю. Естьли прививокъ отпрыскнулъ, то прижился: тогда можно отрывать землю, коею былъ окладенъ вокругъ.

Прививающіе къ корню поступаютъ инако. Одни у самой земли не разкрывая корня, когда женска пола Піоны пустятъ побѣги, въ концѣ лѣта, обрѣзываютъ съ корнемъ на дюймъ, потомъ обрѣзываютъ же клиномъ и засовываютъ въ корень мужеска пола, выдолбивъ его воронкою для сего. Другіе обнажаютъ корень мужеска пола и прививаютъ на древахъ только; потомъ дѣлаютъ надъ прививкомъ сводъ изъ двухъ разбитыхъ полугоршковъ надъ корнемъ ниже прививнаго мѣста однимъ или двумя дюймами; засыпаютъ землею наравнѣ съ прилегающею корню сему поверьхностію ея такъ, чтобъ касалась прививному мѣсту и защищала отъ суровостей воздуха. Дождавшися весны, обнажаютъ корень, какъ отъ помянутаго свода, такъ и земляной насыпи. Естьли прививокъ прижился, будетъ въ свое время кустъ съ наилучшими цвѣтами.

Естествословъ Плиній, коего многіе выдаютъ за лжеца, ибо говоритъ о вещахъ непонимаемыхъ ими, тако описываетъ Му-Таны, или Піоны дикіе: . . . . . Glyciſcide, quam aliqui pœniam, aut pentorobam vocant, caulem habet duûm cubitorum, comitantibus duobus, aut tribus, ſubrutilum, cute lauri, & cet.. Lib. 27. cap. 50.

Найдутся ли сего рода Піоны въ Италіи, или по Архипелагу Греціи, можно имѣть ихъ не хуже Китайскихъ. Надобно только отрѣзывать осенніе отпрыс-

прыски отъ вѣтьвей обычайными черенками для прививанія и поступать по вышеписанному.

Дабы получить что нибудь новое, вложило въ мысли Китайскихъ садовниковъ Му-Тановыми черенками прививать пустарнакъ, паровую рѣдьку и тому подобное. Что однако же кажется возможнѣе, нежели прививать Му-Танами ясени, орѣшникъ и прочее таковое же.

Разводятъ же Му-Таны въ Китаѣ, садя черенки ихъ, но съ трудностію.

Сѣмянные Му-Таны, ставъ уже четверолѣтны, начинаютъ цвѣсти; но толстѣютъ въ стеблѣ не прежде шестаго года, а на восьмомъ уже становятся кустарникомъ.

Отъ отпрысковъ и прививковъ получаютъ красоту свою на третьемъ году, не умираютъ до пятинадцати лѣтъ, естьли прилѣжно за ними ходятъ.

Прививные Му-Таны въ пущей своей силѣ на третьемъ году; но скоро увядаютъ, естьли не обрывается большая часть цвѣтовъ на нихъ.

Хочетъ ли кто имѣть Му-Таны, чтобъ были въ своемъ родѣ, какъ тюльпаны и медвѣжьи уши? . . . . . Должно защищать ихъ отъ солнца, Сѣвернаго вѣтра, бурь, пыли, паче же отъ стужъ. Тѣ, которые разводятся для украшенія токмо садовъ, не требуютъ болѣе присмотра, какъ деревья померанцовыя по Южнымъ областямъ Франціи. Гдѣ воздухъ умѣренной, зимы сносныя, можно садить ихъ на открытыхъ мѣстахъ, какъ дѣлается то въ Гу-Куангѣ Го-Нанѣ и по

нымъ мѣстамъ Китая. Насажденныя около Пе-Кинга, въ садахъ Императорскихъ, нынѣ оставляются въ великомъ небреженіи: цвѣты даютъ не такъ уже большіе, краски на нихъ не столь уже ярки. Вмѣсто того привозятъ ко Двору наипрекраснѣйшія изъ отдаленныхъ областей.

Растеніе сіе боится равно и засухъ и сырыхъ погодъ. Слишкомъ жирная земля смертоносна ему; на землѣ, слишкомъ плохой, дохнетъ. Лучшее утучненіе для него новая земля, къ которой бы не много было приложено чернозему. Садовники просѣваютъ ее, по томъ кладутъ крупный песокъ и нѣсколько рѣчныхъ кремней. Сіе дѣлаютъ обычайно подъ конецъ осени. Оставляющіе Му-Таны на зиму въ открытомъ полѣ, укладываютъ корни сухимъ черноземомъ, листьями болотныхъ бобовъ и ивовыми, чтобъ не повредились отъ стужъ. Тамъ, гдѣ кряжи весьма влажны и часто случаются великіе дожди, садятъ Му-Таны на пригоркахъ; а гдѣ кряжъ сухъ, или песчанъ, дожди бываютъ рѣдки, по долинамъ, рвамъ въ полтора фута глубиною.

Смотря по погодамъ, надобно и труды за Му-Танами почти тѣ же, какіе требуются для нѣжныхъ цвѣтовъ по цвѣтникамъ. Чтобъ были наилучшіе цвѣты на Му-Танахъ, надобно почти не спускать съ нихъ глазъ. Поливать должно умѣючи, когда и какъ. Поливая много водою, которая должна всегда быть рѣчная, или дождевая, становятся томны, листья блекнутъ, цвѣтовъ даютъ мало. Отъ недовольнаго поливанія сохнутъ, пускаютъ побѣги кривые и слабые, немогущіе устоять подъ цвѣтами; словомъ, чтобъ земля подъ ними была болѣе суха, нежели сыра.

Под-

Подрѣзываютъ Му-Таны подъ конецъ осени. Оставляютъ только вѣтьви древянистѣе, въ маломъ количествѣ, только тѣ, на которыхъ есть признаки, что будутъ цвѣтки. Ежели стебль довольно имѣетъ засилья и въ настоящей своей порѣ, можно допускать его, чтобъ давалъ до дватцати цвѣтковъ, но молодыхъ, или очень старыхъ, чтобъ было по десяти, или еще меньше. Садовниково дѣло узнавать почки лучшія. Какъ станутъ надуваться, поливать чаще разводя сгнившія листья съ водою; особливо предохранять отъ полуденнаго солнца.

Коренья двойныхъ Му-Тановъ, паче же бѣлые, пища лакомая для червей и иныхъ гадовъ. Еще не примышлены отъ того вѣрныя предосторожности. Садовники дознаваясь, что корень такого-то Му-Тана подъѣдается ими: обнажаютъ оный, истребляютъ гадовъ, обрѣзываютъ поядь ихъ и на то мѣсто кладутъ пластырь изъ жирной земли и сѣры.

Приспѣетъ разцвѣтаніе, нападутъ мѣлкіе черви, проточиваютъ кору на вѣтьвяхъ, входятъ даже до сердца растенія и тамъ водворяются. За малостію почти невидны скважины, коими прополэли туда. Суютъ желѣзную спицу, нашедъ скважину такую, многократно, и такъ ихъ умерщвляютъ. По томъ затыкаютъ пластыремъ: изъ пыли, сѣры, и земли. Нѣкоторые употребляютъ къ тому конопляное масло.

Отъ тумановъ заражаются на Му-Танахъ болячки, отъ которыхъ мало по малу исчезаетъ растеніе. Надобно стирать болячку листьями и обмывать виномъ.

Пре-

Престарѣлый Му-Танъ помолодѣетъ, когда оставятъ только одинъ корень, всѣ сучья обрѣзавъ. Мыть корни виномъ и пересадить на иное мѣсто.

Китайскіе Врачи находятъ силы и въ обычайныхъ Піонахъ, о какихъ не вѣдаютъ въ Европѣ. Болѣе шестидесяти ихъ родовъ и всѣ благовонны, не такъ какъ Піоны Европейскіе. Такжe пріятно пахнутъ ночныя фіоли, а что еще и того страннѣе, фіоли здѣсь ни чемъ не пахнутъ.

9.

Ѣ-Гіангъ-Гоа.

Ни въ книгахъ Ботаническихъ, ниже въ сочиненіяхъ Стихотворцевъ, нигдѣ не упоминается объ Ѣ-Гіанг-Гоахъ. Можетъ быть и упоминаются, но развѣ подъ инымъ имянемъ. Одинъ изъ собратій нашихъ, Проповѣдниковъ Вѣры, сказывалъ намъ, что цвѣтки сіи разводятся въ Германіи. Можетъ быть ошибся; ибо давно уже оставилъ Европу. Все, что сказать о томъ можемъ, есть сіе:

Ѣ-Гіангъ-Гоа принадлежитъ къ роду кустарниковъ; имѣетъ весьма слабыя вѣтьви, безсильныя сами себя удерживать и выростать. Подставляютъ подъ нихъ бамбуевыя тычинки и обручи. Листья на нихъ извнѣ темно-зелены, снизу блѣдны, на долгихъ стебелькахъ, съ двумя ушками, волнисты безпорядочно.

Цвѣтки выходятъ изъ посреди листковъ мѣлкихъ вѣтьвей, кистьми, растягивающимися по мѣрѣ рас-

раскидыванія цвѣтковъ; чашечка подъ цвѣтками темнозеленая, раздѣляется на пять коротких и остроконечныхъ частей, кверху спицею, пестикъ съ трубкою, состоитъ изъ пяти частицъ свѣтлозеленыхъ съ желтью, на концѣ окруженъ и нагнулся. На днѣ чашечки весьма нѣжной сосудецъ съ пятью зубцами, загнувшимися, которые жмутъ нѣчто бѣловатое изъ самыхъ тонкихъ жилокъ. Въ срединѣ почки два сѣмячка.

Растеніе неплодоносное, никогда совершенно не созрѣваетъ, а по тому и цвѣтки его продаются очень дорого. Пахнутъ пріятно, да и такъ, что не знаемъ мы иныхъ цвѣтковъ, которые бы въ томъ съ ними сравнились; но пахнутъ столь пріятно только ночью; для чего и названы Ѣ - Гіанг - Гоа, сирѣчь цвѣтокъ пахучій по ночамъ.

Въ Пе - Кингѣ нѣтъ ихъ, а много по Южнымъ областямъ Китая. Съ великимъ трудомъ уцѣлѣваютъ въ теплицахъ зимою. Въ ящикахъ вывозить ихъ изъ дальныхъ мѣстъ почти не возможно, однако такимъ точно образомъ получаютъ въ Пе - Кингѣ и продаютъ великою цѣною. Одинъ горшекъ стоитъ до тритцати унцій серебра. Тше - Кіангскій страноначальникъ ежегодно присылаетъ такіе горшки, или ящики, для внутреннихъ чертоговъ Императорскихъ.

10.

Пе - Ге - Гонгъ.

Кустарникъ, слывущій у Китайцевъ Пе - Ге - Гонгъ, примѣчателенъ за красоту цвѣтовъ, особливо

же ради прочности ихъ. Слово Пе-Ге-Гонгъ значитъ: красный чрезъ сто дней. Пен-Тсао имянуетъ растеніе сіе Шан-Танъ, но оспориваетъ ему знаменитый сочинитель Фонг-Уэн-Тси Куана, Шан-Танъ находя совсѣмъ инымъ растеніемъ. Кустарникъ сей первоначальное мѣсто рожденія своего имѣлъ на горахъ Фу Кіенскихъ. Полюбилися цвѣты нѣкоему путнику: отрѣзалъ черенокъ и посадилъ у себя въ огородѣ. Прилѣжаніе и труды садовниковъ довели оный до настоящаго прекраснаго вида его, и сопричисляется нынѣ къ наиотличнѣйшимъ растеніямъ въ садахъ. Дворъ Императорскій перемѣщаяся въ Пе-Кингъ изъ Южныхъ областей, взялъ же съ собою и сіе растеніе, гдѣ существуетъ и поднесь.

Въ Пе-Кингѣ любятъ, чтобъ имѣлъ стебль морщливой, нагнувшійся, почти гнилой отъ старости, однако же усыпанный цвѣтками; вѣтьвямъ не даютъ толстѣть, ниже кудрявѣть: обрѣзываютъ осенью, оставляя только сучки.

Листья на Пе Ге-Гонгѣ посредственно толсты, продолговато круглы, нѣсколько остры къ концу. Чтобъ были зубчаты, того не примѣтили мы. Извнѣ зелень на нихъ свѣтлѣе, нежели сънисподи, да и жилки по листамъ выше.

Пе-Ге-Гонгъ разцвѣтаетъ въ Пе-Кингѣ въ началѣ Іюля. Цвѣтки сцѣпляются пуками по концамъ вѣтьвей: одни упадаютъ, другіе показываются до послѣднихъ чиселъ Сентября, естьли только растеніе тщательно защищаемо бываетъ отъ полуденнаго солнца. Сосудецъ, или пятка, изъ коей выходитъ цвѣтокъ, мясиста, имѣетъ видъ колокольчика съ

съ шестью зубцами; извнѣ блѣдножелта, внутри свѣтло красна, не опадаетъ, а нагибается со всѣхъ сторонъ надъ изникающимъ плодомъ: засохнетъ, какъ поспѣетъ оный. Отъ пятки идутъ шесть пестиковъ алыхъ, какъ бы выкрашены были карминомъ, долгихъ, кудрявыхъ, къ верьху круглыхъ, на тонкихъ стебелькахъ, бѣловатыхъ и весьма мягкихъ. Сверьхъ двантцати мѣлкихъ бѣлыхъ цвѣточковъ на каждой пряди, вверьху съ шишками желтыми, окружающихъ зародышъ приросли также къ пестику шесть листковъ свѣтлокрасныхъ, продолговатыхъ, различно изгибающихся. Зародышъ крѣпко держится на днѣ сосудца спицею, скруженною къ верьху. Зародышъ становится плодомъ шаровиднымъ, въ девяти слояхъ, а внутри оныхъ сѣмячки плоскія. На одномъ концѣ сихъ слоевъ, не много раздувшемся, шелуха, а въ ней сѣмина треугольныя въ самой тонкой кожицѣ черной.

Присмотръ и хозяйство за Пе-Ге-Гонгами въ томъ только состоитъ: на зиму ставить въ теплицы, весною пускать на нихъ солнечные лучи, знать пору, когда поливать, предохранять отъ средилѣтняго солнечнаго зноя, оставлять необрѣзаными мало вѣтьвей.

Китайскія Врачи почти совсѣмъ не уважаютъ растенія сего.

11.

РАСТЕНІЕ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ, ЮЮБІЕРЪ.

Не оскудѣетъ плодъ его. Іезекіиль гл. 47. ст. 12.

Какъ Юювіеры растутъ по Французскимъ областямъ, Русильону и Лангедоку; для чего же оставляются безъ присмотра и хозяйства древеса сіи, столь полезныя и пріятныя глазамъ? Господинъ Дю-Гамель, или по безпамятству, или желая сократиться, считаетъ Юювіеровъ весьма немногіе роды. Въ Китаѣ знаютъ болѣе различныхъ Юювіеровъ, нежели въ самыхъ плодоноснѣйшихъ краяхъ Европы родовъ же вишняку. Плоды ихъ достойны подаваемы быть на самыхъ знатнѣйшихъ столахъ. Здѣсь считаютъ Юювіеровъ болѣе шестидесяти родовъ: преждевременно дающіе плоды; поздающіе оными, даютъ же плоды: одни продолговатые, другіе круглые, третьи крупные, четвертые мѣлкіе, бѣлые и желтые, красные и фіолетовые, инкарнатовые и медоточные, сладкіе и кислые, съ косточками и безъ оныхъ, и такъ далѣе. Особый родъ вывезенъ изъ Персіи, болѣе тысячи двухъ сотъ лѣтъ тщательно сберегается и даетъ превкусные плоды. Для чего же бы и намъ Европейцамъ не подражать тому съ помощію прививанія? Дерево не нѣжное, не требующее великаго призрѣнія; всякая земля годится. Можно бы вывозить на корабляхъ, посылаемыхъ въ Александрію и другія Восточныя гавани.

Китайцы, какъ ни рабы предразсудковъ и обычаевъ своихъ, но прививаютъ черенками дерева сего сливнякъ, вишнякъ, персиковыя, абрикозовыя и фиговыя деревья, да и имѣютъ нынѣ наилучшіе Юювіеры

ры

ры всякаго года. Моглибы и мы, дѣлая то же, не только довольствоваться плодами, но и отпускать сушеныя къ сосѣдамъ нашимъ. Есть плоды отъ подсыханія токмо выкидывающіе изъ себя косточки, и лишающіеся кожи своей. Перенявъ сіе у Китайцевъ, могли бы подобно же хозяйствовать мы и иными плодами.

Юубіеры подвержены поядямъ отъ гусеницъ, но Китайцы умѣютъ очищать ихъ шестами, навязывая на концахъ соломенные пуки: очищаютъ же и яица сихъ насѣкомыхъ, разкиданныя ими по деревьямъ, и все то сожигаютъ.

По наставленію нѣкоторыхъ Врачей, варятъ прополезный напитокъ отъ груди, отъ боли въ спинѣ и иныхъ припадковъ. Ли Ши Тшинъ замѣчаетъ, что Китайскіе крестьяне вылѣчиваются отъ всякихъ болѣзней жижею Юубіеровъ, подражательно древнимъ, прикладывая не много инбирю; сверьхъ того увѣряетъ, что простая таковая помощь, окромѣ полнокровія и несваренія желудка, всего лучше на свѣтѣ разрываетъ всякую болѣзнь при началѣ ея.

Раскольники Тао-Сеяне даютъ мѣсто плодамъ симъ въ составѣ напитка безсмертія.

12.

ДУБЫ.

Крѣпокъ бяше, яко дубъ. Амосъ гл. 2. ст. 2.

Китай, сколько ни обиленъ въ древесахъ всякаго рода, однако дубы не въ меньшемъ уваженіи противу Европы. Въ древность имяновалися древесами наслѣдія, и по тому одному судить можно, въ какомъ были почтеніи. Дубъ есть дерево природное по всѣмъ Китайскимъ областямъ. Во времяна отдаленной и средней древности было больше дубовыхъ лѣсовъ, нежели послѣ, особливо на равнинахъ и на земляхъ обработываемыхъ. Въ Ши-Кингѣ упоминается о дубахъ всегда съ похвалою. Все доказываетъ, что свойства, качества и полезности, нынѣ находимыя въ оныхъ, извѣстны были и самымъ первобытнымъ праотцамъ.

Въ Китаѣ, кажется, суть многоразличнѣйшіе роды дубовъ противу Франціи. Есть дубы колющіеся, есть пола мужеска, которые даютъ только цвѣты. Особый родъ даетъ крупные жолуди и такъ маслистые, что древніе Китайцы выжимали изъ нихъ сокъ для лампадъ. Скажемъ сокращенно, въ чемъ состоитъ свѣденіе наше о дубахъ:

1) По Южнымъ Китайскимъ областямъ листья никогда не опадаютъ, такъ какъ на иныхъ древесахъ. Разность между дубовъ бѣлыхъ и зеленыхъ здѣсь не имѣетъ мѣста; вообще суть древеса, на которыхъ уцѣлѣваютъ листы равно и въ Сѣверныхъ и въ Полуденныхъ странахъ. Есть иные всегда подъ листь-

листьями, теряютъ же ихъ приближаясь къ Сѣверу. Злаютъ плодовитые, свойственные особенно или студенымъ, или жаркимъ климатамъ; напослѣдокъ находятся, которые равно даютъ плоды и въ студеныхъ и жаркихъ климатахъ.

2) Не дѣльно чудилися въ Европѣ мнимой грубости первобытныхъ Грековъ, питавшихся дубовыми желудями. Въ Китайскихъ книгахъ стоитъ весьма ясно, что въ древности были дубья, коихъ желуди весьма вкусную составляли пищу, не хуже каштановъ. Не перевелся еще такой родъ дубовъ и поднесь во многихъ тамошнихъ областяхъ. Да и почему вѣдаемъ мы, что желуди у первобытныхъ Грековъ были точно такіе же, какъ у насъ нынѣ? Различіе кряжей, и климатовъ почти невѣроятные, производятъ различія же въ видахъ и вкусахъ произращеній. Скажемъ еще нѣчто болѣе есть въ Китаѣ родъ дубовъ, листья на нихъ какъ на деревьяхъ каштановыхъ, желуди имѣютъ прекрупные; чтобъ послѣдніе были крупнѣе и вкуснѣе, здѣсь прививаютъ дубы. Развѣ не могло статься, что дубы прививаны нѣкогда были каштановыми черенками, и отъ того получали столь добротные желуди? Для чего же бы не попытаться въ Европѣ дѣлать то же самое? Легко и безубыточно, Китайцы страннѣе еще производятъ прививанія, и успѣваютъ. Свидѣтельствомъ служитъ прививаніе черенковъ шепталы къ цитроновымъ деревьямъ. Многія деревья грубѣе дубовъ, но дѣлаются садовыми чрезъ прививаніе и хожденіе за ними.

Закупка чернильныхъ орѣшковъ въ Азіи для нашихъ красильщиковъ есть довольно важная вѣтвь въ торговлѣ. Китайцы находя и за трудное и за убы-

убыточнѣе собирать столько сихъ орѣшковъ, какъ того требуетъ нужда ихъ, вмѣсто того употребляютъ скорлупу дубовыхъ желудей. Вывозятъ для того изъ Южныхъ областей своихъ, смотря чтобъ были шарохова.ны, толсты и крупны. Черная краска у нихъ и добротна и прочна. Однакожъ шелки свои чернятъ индиговою краскою, также и полотны; когда хотятъ имѣть самый наилучшій черный цвѣтъ, примѣшиваютъ нѣсколько жженыхъ бобовъ такого рода, какого мы прошлаго года прислали въ Европу, въ стручкахъ, какъ точная смола. Мы для себя дѣлаемъ преизрядныя чернилы изъ скорлупы дубовыхъ желудей, примѣшивая сказанныхъ бобовъ вмѣсто Аравитскія смолы. Правда, скорлупы желудей не такъ сильны, какъ чернильные орѣшки, но можно недостатокъ сей замѣнить умноженіемъ количества. У насъ въ Европѣ на подобное званіе могутъ годиться вывозимыя изъ Прованса и Русильйона, откуда могутъ же доставать искусные художники и еще многія вещи, достаемыя изъ чужихъ краевъ.

4. Въ самое сіе время, какъ начали мы писать статьи сіи, прибылъ къ намъ изъ Южныхъ областей такой же, какъ мы, Проповѣдникъ Вѣры, и подтвердилъ самовидствовавъ, что самые горькіе желуди дубовые могутъ стать здоровѣйшею пищею: возстановляютъ изнуренныя силы человѣка. Полководецъ, коего именемъ называлъ, поправилъ здоровье цѣлаго своего ополченія. Находимъ въ достохвальномъ сочиненіи о древесахъ господина Дю-Гамеля, что въ тысяча семь сотъ девятомъ году неимущіе люди, умирая съ голоду, пекли хлѣбъ изъ обычайныхъ дубовыхъ желудей: хлѣбъ плохой, но былъ на него тогда великій расходъ. Общенародныя житницы съ желудями были

бы

бы весьма вѣрныя пособія въ таковомъ всеобщемъ бѣдствіи. Кто препятствуетъ испытать на дѣлѣ и присвоить средство, коимъ *не о хлѣбѣ единѣмъ человѣкъ живъ будетъ*; Матѳ. гла. 4. ст. 3. Пріуготовляютъ Китайцы на сей конецъ, дубовые желуди. Достойно истинныхъ сыновъ отечества разыскивать о семъ, ничего не оставляя, изъ чего можно печь хлѣбы. Американской маисъ, проса, чечевица, бобы и тому подобное, заслуживаютъ вниманіе. Вотъ какъ дѣлаютъ Китайцы здоровую пищу изъ желудей дубовыхъ: очиствъ ядро, мѣлютъ, или толкутъ въ ступахъ, примѣшивая нѣсколько воды. Сдѣлается тѣсто; кладутъ его въ большую чашку, наливаютъ полну воды, разводятъ. Вода приметъ въ себя часть горечи ядра. Помаленьку сливаютъ, какъ отстоится; и такъ повторяютъ до четырехъ и пяти разъ, лишая тѣсто горечи. Многіе запасъ такой вдругъ готовятъ на многіе мѣсяцы, употребляютъ тѣсто вмѣсто обычайной муки и варятъ похлебки. Здоровы и питательны; пекутъ также лепешки и блины.

На днѣ ступы прилипаютъ куски тонкаго тѣста, добротнѣе вынятаго. Промывъ оное до четырехъ кратъ теплою водою, получаютъ преизрядную бѣлую муку.

Мука изъ дубовыхъ желудей пригодна въ дорогу для похлебокъ.

5.) Китайскіе Врачи одинаково думаютъ съ Европейскими Врачами о качествѣ и силѣ коры, листьевъ и желудяхъ дубвыхъ. Входить въ подробности было бы излишнее, однако же на удачу упомянемъ о трехъ

образахъ пріуготовленія всего того, можетъ быть неизвѣстныхъ на Западѣ.

Срывать перво показавшіяся почки на дубахъ весною, сушить въ тѣни, пить какъ чай.

Истолочь мѣлко дубовые желуди съ скорлупою, настоять въ кипяткѣ, вынимать пущенную ими соль въ воду, и давать отъ поносовъ простыхъ и кровавыхъ. Вымывъ и вычистивъ многажды водою, въ которой прежде варена была кора дубовая, раны и болячки, заживутъ; тою же самою водою пользуются Китайцы отъ всякихъ иныхъ нечистотъ на кожѣ.

Лѣтописи Китайскія свидѣтельствуютъ:

1. Что дубы живутъ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ.

2. Что бываютъ въ бревнѣ на восемьдесятъ четыре фута въ обхватѣ, длиною же болѣе ста футовъ

3. Что тѣнью своею покрываютъ цѣлую десятину земли.

4. Что въ средней древности садили много дубовъ около Дворцевъ Императорскихъ.

5. Что родъ дубовъ съ долгими и мягкими листьями есть пища дикихъ шелковичныхъ червей, дающихъ шелкъ крѣпкій и добротный, изъ котораго въ старину дѣлали наилучшія струны для музыки.

6.

6. Что дубы во всѣ времяна почитались за наиспособнѣйшія деревья для кораблей, в якой плотничной и столярной работы, на сваи, для дровъ и уголья.

Читали мы въ собраніи Записокъ Китайскихъ, подъ заглавіемъ Сан-Канг-Ки, что послѣ посѣва желудей въ землю, должно въ концѣ перваго по томъ или втораго года, мѣсто выжечь, подобно какъ писали нѣгдѣ о шелковичныхъ деревьяхъ. Тамъ же точно упоминается о прививкѣ дубовъ каштановыми отрѣзками, и тѣхъ оными, дабы достать со времянемъ наилучшаго рода дубы и каштаны.

13.

КАШТАНОВЫЯ ДРЕВЕСА.

Плодъ его сладокъ въ гортани моемъ Пѣснь. Пѣс. гл. 2. ст. 3.

Каштановыя древеса весьма извѣстны были древнимъ Китайцамъ. Чемъ далѣе углубляемся въ наиотдаленнѣйшія времяна, постольку болѣе находимъ древеса сіи во уваженіи. Снизойдемъ до двухъ первыхъ династій; были они обычайныя древеса во всей Сѣверной части Китая. Родилися сами собою по горамъ и покрывали ихъ; были насаждаемы по равнинамъ; имѣли за собою тщательные присмотры. Щасливые дни династіи Тшеускія можно назвать щастливѣйшими днями и для древесъ Каштановыхъ; не меньше того и около славнаго произшествія во времяна Тсин - Ше - Гоанг - Тіянъ.

Естьли простый народъ, подавленный тяжкими работами, нуждавшійся въ насущномъ хлѣбѣ, не истребился отъ толикихъ золъ: то всеконечно долженствовалъ тѣми деревьямъ Каштановымъ, которыя находимъ вездѣ подъ руками. Протяжныя и кровавыя междуусобія, послѣдовавшія за тѣмъ, лишили Китая и оныхъ Когда Ганы воцарилися, около двухъ сотаго года до рождества Христова; области Шан - Тонгская, Пе - Тшелиская, Тэн Сиская, столь много до того имѣвшія наилучшихъ Каштановыхъ лѣсовъ, обнажилися отъ нихъ повсюду, и не могли уже никогда замѣнить уронъ таковый.

Въ Лѣтописяхъ со удовольствіемъ читаемъ, что великіе Государи вѣхъ послѣдовавшихъ династій, за охо-

охочивали, повелѣвали, награждали насаждателей Каштановыхъ древесъ; ничего не жалѣя вводили оное въ обычай и по Сѣвернымъ областямъ своимъ. Но къ нещастію одно столѣтіе начинало, другое же по немъ не радѣло о начатомъ. Государи слабые въ ничто обращали успѣхи Государей мудрыхъ. Самыя пользы земледѣльства, развратно разумѣемыя, отродили препятства; проступки однихъ современниковъ понадѣлали неисправимые вреды для заступившихъ мѣста ихъ на свѣтѣ. Области, нѣкогда преизобиловавшія въ деревьяхъ Каштановыхъ, никогда уже по томъ не могли достигнуть до преизобилія сего. Великая утрата! Сельскіе жители лишилися надежнаго пропитанія въ неурожайные годы, наиспособнѣйшихъ лѣсовъ для столяровъ и плотниковъ.

Естествословы вопрошаютъ нынѣ: еще ли всѣ тѣ существуютъ роды оныхъ, какіе существовали въ старину? Лин-Тши и нѣкоторые другіе ученые мужи замѣчаютъ, что одни изъ таковыхъ стали рѣже, однако же находятся поднесь тамъ и сямъ. Добрые Государи всѣхъ династій особенно пеклися о размноженіи Каштановыхъ лѣсовъ: слѣдуя праотеческому обычаю, давали мѣсто Каштановымъ деревьямъ въ садахъ своихъ. Ничего не жалѣли доставать всякаго рода. Сіи-то преобширные ихъ сады, или точнѣе назвать, нарочно огражденныя поля, учинилися запасами для областей къ вознагражденію претерпѣннаго ими урона.

Китай богатъ всякаго рода древесами, паче же плодовитыми. Долженствуетъ тѣмъ мудрой Политикѣ лучшихъ своихъ Государей. Читаемъ нѣгдѣ:.. евеса, поливаемыя руками самаго Императора, и на

камнякъ пускаютъ коренья; снабдѣваютъ отпрысками своими концы вселенныя. Разумѣющіе недостойнымъ упражненіемъ для Государей пещися даже о такомъ простомъ деревѣ, каковы суть Каштановыя, да меньше попускаютъ порабощать себя предразсудкамъ; да скажутъ обще съ милосердымъ Титомъ Имперіи Китайской: . . . Дерево наилюбезнѣйшее благому Государю есть то, которое полезно народу. . . . Каштанникъ даетъ пищу, слѣдовательно есть первый изъ древесъ. Не было и нѣтъ Стихотворца въ Китаѣ, который бы согласно съ Ши - Кингомъ не прославлялъ древеса сіи, прославляя же и Императоровъ, велѣніемъ коихъ вывезены изъ Кореи и Персіи всякаго рода, размножены благоуспѣшно. Тшанг - Ліеу говорилъ Лин - Тсонгу: . . . „ Рудникъ, тобою открытый, „ вѣчно пищи не престанетъ; признавать будутъ тебя благотворителемъ самые поздные потомки наши: осень помчится за осенью, но не прерывая токъ „ твоихъ даровъ.„

Тамошнія частныя Географіи показуютъ, что Каштановыя деревья родятся въ Китаѣ многихъ родовъ; но особенно разнствующихъ между собою токмо восемь, или десять.

1. Съ плодами, величиною противу абрикозовъ, но недовольно сочными.

2. Съ плодами тонкими и долгими.

3. Имѣющіе плоды въ кожурѣ бѣловатой, мохнатой, изъ которой дѣлаютъ волокны для лампадъ.

Въ Китайскихъ книгахъ ясно значится, что самая плохая земля годится для Каштанника. Родится и выростаетъ на песчаной и неплодоносной, даже между каменныхъ горъ, крутыхъ какъ стѣна. Тамъ же мы находили, что разводятся посѣвами, которые оставлять должно безъ всякаго присмотра на цѣлые три года. Полоть траву между молодыми Каштанами не полезно, а вредно; ибо сиъимется чрезъ то тѣнь, нужная имъ. Прививной Каштанникъ несравненно лучше. Естьли орѣшникъ прививать можно Каштановыми черенками, то не удивительно, что въ древнія времяна ѣдали сырые Каштаны и легко сберегали; а притомъ находили въ нихъ отмѣнныя нѣкія качества. Сіе разрѣшить можетъ многія загадки въ Натуральной Исторіи. Каштанникъ, по случкѣ своей съ орѣшникомъ, долженъ учиниться самымъ прекраснымъ деревомъ: въ старину сберегали Каштаны отъ одного года въ другому. Нѣкоторые свидѣтельствуютъ, что то здѣлалось чрезъ перемыванie Каштановъ въ щолокѣ и просушку на солнцѣ; другіе же, что мочили ихъ въ соленой водѣ, высушивали, зарывали въ мѣлкой песокъ. Станется, что разные роды Каштановъ различно же и пріуготовлялися впрокъ. Какъ въ древность дѣлали изъ нихъ муку и примѣшивали въ нее же третъ муки пшена сорочинскаго, не недостойно вниманія.

Китайскіе Врачи, какъ и наши, унимаютъ ими поносы; но полезнѣйшими находятъ отъ трудной болѣзни, заложенія мочи, и отъ всѣхъ слѣдствій густой и распаленной крови.

14.

Померанцовая Шаптала. Какъ оная прививается.

Китайцы прививаютъ Шапталу къ померанцовымъ деревьямъ; родятся отъ того плоды продолговатые, величиною съ мѣлкія дыни; вкусъ, вещество, сѣмячки, запахъ, сокъ, цвѣтъ, заимствуютъ равно отъ Шептала и померанцевъ. Любопытные могутъ собою испытать сіе, а чрезъ то авось либо размножатся у насъ роды плодовъ. Ежели Шептала годится прививать померанцовыя деревья: для чего не грушевыя и не сливныя? Чрезъ сродненія всякаго рода древесъ, помощію прививковъ, обогатилися бы мы собственными нашими произращеніями.

Древнія Китайскія Лѣтописи повѣствуютъ, какъ вывозили изъ самыхъ далекихъ странъ многоразличныя деревья и цвѣты, хотя и немногія прижились и до нынѣ существуютъ сами собою: прочія же по садамъ токмо и теплицамъ. Образы прививанія напротивъ размножалися отъ династіи къ династіи, и впередъ размножаемы будутъ. Юйбіеры, на примѣръ, оставляемыя въ толикомъ небреженіи во Франціи, судя по Китаю, могутъ расти по всѣмъ областямъ Государства сего, и быть многоразличными, какъ грушевныя и сливныя деревья, естьли и за ними такъже ходить станутъ. Доброе дерево сіе цвѣтетъ поздно: слѣдовательно нѣтъ для него плохихъ годовъ; ибо не боится ни засухи ни дождей. Одно развѣ неудобство, что для полученія плодовъ наилучшихъ надобны ему немалые лѣтніе жары. Но и тому пособить льзя, естьли будутъ насаждаемы по подошвамъ пригорковъ съ Южной ихъ стороны; а еще того

лучше

лучше во ущельяхъ горъ. Для чего также не перенимать у Китайцевъ и не сажать древесъ особо же плодовитыхъ по холмамъ и горамъ?

Пріемовъ въ прививаніи по Китаю столь много и толико вѣрны, что должностію ко отечеству нашему находимъ просить любопытныхъ земляковъ! нашихъ, удостоить оное вниманія своего. Здѣсь желанія имѣть наилучшіе цвѣтки, цвѣтки совсѣмъ новаго рода, цвѣтки рѣдкіе, для поднесенія къ Императору, произвели несмѣтное количество мѣлкихъ съ цвѣтками древесъ, чрезъ сродненія вишневыхъ, сливныхъ, персиковыхъ, абрикозовыхъ древесъ. Прививаніе есть всему тому Гордіанскій узелъ, который мы ни развязать, ни перерѣзать не можемъ. Сколько удивилися мы, когда увидѣли маточное растеніе, превращенное и украшенное въ толико различныхъ видахъ, чрезъ прививки къ Божіему дереву: . . . Естьли не вмѣняютъ Китайцы себѣ въ трудъ пещися подобно о цвѣткахъ, пріятныхъ токмо глазамъ, какъ же не прилѣжать имъ къ растеніямъ полезнымъ? Создатель оставилъ на наши попеченія все, могущее возъимѣть успѣхи отъ трудовъ нашихъ.

Главныя правила Китайцевъ суть:

1. Не прикасаться къ растеніямъ, которыя лучше успѣваютъ въ какой либо извѣстной странѣ. Благопоспѣшествуемыя естествомъ токмо, по мнѣнію ихъ, суть совершеннѣйшія въ своемъ родѣ.

2. Не насиловать никогда климата и кряжа, стараяся имѣть то въ Сѣверныхъ краяхъ, чему отчизна въ краяхъ Полуденныхъ.

3. Прививать только тѣ деревья, которыя лучше другихъ превращаются на мѣстахъ, гдѣ происходитъ прививаніе.

Первое и второе правила сами собою ясны. Скажемъ нѣчто о третіемъ, относительно къ дикимъ древесамъ.

Не оспорятъ и во Франціи, что груши, яблони и сливнякъ дикія, становятся лучше чрезъ привизку, крупнѣе даютъ плоды, здоровѣе, въ большемъ обиліи; но къ нещастію уже не прививаютъ нынѣ тамъ множество разныхъ деревъ и кустарниковъ, которыя бы можно было учинить лучшими, на примѣръ: рябина, калина, барбарисъ и тому подобное. Извѣстно, что древеса дикія лучше и плотнѣе тѣломъ древесъ садовыхъ, по крайней мѣрѣ ближнія древеса къ деревнямъ для пользы жителей прививать можно. Въ Китаѣ множество такихъ, и плоды стали на нихъ несравненно лучше. Намъ случилось видѣть орѣхи каштановые, величиною невѣроятно крупнѣе Европейскихъ. По многимъ областямъ отъ каштановыхъ орѣховъ получаютъ великую прибыль, однако же прививать ихъ не брегутъ. Виноградъ Гоаи-Лан-Гіенскій безобразно крупенъ въ сравненіи съ наикрупнѣйшими нашими виноградными ягодами въ Провансѣ и Лангедокѣ. Всякая ягода съ сливу; а по тому судить можно о величинѣ и длинѣ кисти. Относить то должно къ климату; но читаемъ въ книгахъ, какъ прививаемы были Ююбіеры виноградными черенками, да и толстота кожи на ягодахъ вѣрить тому позволяетъ. Виноградъ Гоаи-Лан-Гіенскій съ пріятностію ѣсть можно только въ Апрѣлѣ, Маіѣ, Іюнѣ; сберегаютъ и до послѣднихъ чиселъ Августа.

Но

Но возвратимся къ Шептале померанцовой. Даютъ плоды крупные, и есть въ Китае не редкость. Дерево Шептала зовется по Китайски Му-Куэ, сиречь тыквенное дерево, по величине плодовъ его. Тщаніями садовниковъ плоды сіи лишаются природной своей горечи; ядятъ ихъ, какъ яблоки и груши.

Довольно заметить вообще, что плоды Шептала и въ самыя древнія времяна разумелися изъ лучшихъ. Была въ старину пословица въ Китае: . . . „Яблоко иметъ сто дурныхъ качествъ, но одно „хорошее; Шептала иметъ сто хорошихъ, но одно „дурное.„

ЧЕЛОБИТНАЯ ИМПЕРАТОРУ.

Дабы торжественно началЪ онЪ собственною своею особою пахать землю.

ВЪ КитаѢ изЪ главныхЪ торжествЪ есть обрядЪ земледѢльства. ВЪ обычаѢ отЪ самыхЪ отдаленныхЪ династій. Государи нынѢ владѢющаго поколѢнія возстановили оный во всемЪ прежнемЪ великолѢпіи.

Когда повѢствовать мы будемЪ о КитайскомЪ земледѢліи, не оставимЪ вступить вЪ подробности о начаткахЪ Исторіи нынѢшняго столѢтія и о великолѢпіи обряда сего. На сей разЪ пріобщимЪ только здѢсь списокЪ сЪ челобитной Императору отЪ СудилищЪ, поданной ему и внесенной вЪ общенародныя вѢдомости.

„*Ли* - Пу (Судилище Чиноположеній) и прочіе „Вышшія Судебныя мѢста почтенно увѢдомляютЪ, „что днемЪ обряда земледѢльственнаго назначено 23 „число, третіей луны, тридесять втораго лѢта „владычества Кіен - *Лонга* (22 АпрѢля 1767).

„ИмператорЪ собственною своею особою бу„детЪ пахать землю. ВЪ навечеріи, Мандарины, „члены Ли - Тшанг - Сеза (нижняго Дворцоваго При„каза), всеподданнѢйше поднесутЪ ему доску, Неи„Кои (такЪ зовется засѢданіе ГосударственныхЪ ДѢ„ловцевЪ), вЪ великой палатѢ Сіен - Нонг - ТангЪ „

Пала-

„(Палата собранія для примыслителей пользъ земледѣль„ства и онаго покровителей). Мандарины, члены, Го„Пу (такъ называется Казенная Палата, въ которую „вносятся доходы съ народа съ дворцовыхъ отчинъ) „приготовятъ потребныя снасти земледѣльческія, ку„зовы съ сѣмянами, и отдадутъ Мандаринамъ же, чле„намъ Шун-Тіен-Фу (такъ слыветъ засѣданіе горо„доваго Пе-Кингскаго Правителя); сіи накрывъ шелко„выми запанами, понесутъ на Кен-Со (мѣсто, гдѣ про„исходитъ обряду сему), воткнутъ на мѣстахъ надлежа„щихъ красныя доски, въ различеніе полосъ, которыя „вспахать должны Князи и Вельможи. Всѣ земледѣль„ческія снасти положатъ порядкомъ подлѣ Куан-Кен„Тсін (особое зданіе, открытое на высокомъ мѣс„тѣ) Настанетъ день совершенія обряда: Мандарины, „члены Неи У-Фуа (Дворцовый хозяйственный „Приказъ), Установитель чиноположеній, сосѣдатели „его въ пятую стражу нощи (на разсвѣтѣ) соберутся „предъ Шин-Кин-Лонгъ (Дворецъ Императоровъ), „и ожидаютъ конца жертвоприношенія. Далѣе, де„сять главнѣйшихъ Чиновниковъ надъ первыми оприч„ными станутъ около Его Величества, препровождаютъ „его въ Тшин Кин Конгъ для отдохновенія и сложе„нія съ себя торжественныя одежды. То же учинятъ „Князи и Вельможи, долженствующіе орать землю. „Между тѣмъ съимаютъ запаны съ приготовленныхъ „снастей земледѣльческихъ, съ плети, кузововъ съ сѣ„мянами для Императора, а по томъ для Князей и „ Вельможей, и ставятъ по сторонамъ Кен Соа. Уста„новитель чиноположеній, Мандарины Неи-У-Фуа, и „другіе чиновники должностные, станутъ всѣ вмѣстѣ „на Полуденной сторонѣ Кен Соа. Четверо почтенныхъ „стариковъ, четырнатцать вѣчныхъ, тритцать шесть „музыкантовъ, двадцать человѣкъ поселянъ въ соломен-

„ныхъ своихъ шляпахъ, имѣя въ рукахъ заступы, граб-
„ли, вилы, метлы, помѣстятся двумя рядами на правой
„и на лѣвой сторонѣ Кен-Соа, равно какъ и пять-
„десятъ знаменоносцевъ, тридцать четыре преста-
„рѣлыхъ мужей изъ Шу-Тіен-Фуа, и тридцать зем-
„ледѣльцевъ трехъ степеней, всѣ стоятъ въ глубокомъ
„молчаніи. Приспѣетъ пора приниматься за плуги:
„первый членъ Таи-Тшанг-Тсеэа идетъ во Дворецъ
„звать Императора. Установитель чиноположеній
„пріемлетъ въ руку Государственное знамя, размахи-
„ваетъ имъ троекратно. Три Князя, девять чело-
„вѣкъ Вельможей, долженствующіе орать землю,
„идутъ на мѣста, имъ назначенныя; подобно же и
„всѣ иные чины, служащіе при обрядѣ семъ. Прочіе
„станутъ по обѣимъ сторонамъ Кен-Соа. Десять
„главныхъ Чиновниковъ опричныя стражи, окруживъ
„Императора, провождаютъ его до Кен-Соа. Его
„Величество идетъ, обращая лице къ Полудню.
„Какъ скоро прибудетъ въ Кен-Со, членъ Гу-Лу-
„Сеэа (засѣданіе торжественныхъ обрядовъ) скажетъ
„велегласно: . . Подавайте плугъ! . . . Предсѣдатель
„Гу-Пуа, обратяся лицемъ къ Сѣверу, становится на
„оба колѣна и влагаетъ въ руки Императоровы руко-
„ятку плуга, которую приметъ онъ правою рукою.
„Членъ Гу-Лу-Сеэа велегласно же воскликнетъ: . . .
„Подавайте плеть! . . . Членъ Шун-Тіен-Фуа, къ
„Сѣверу же обратяся, падаетъ на оба колѣна и по-
„даетъ плеть Императору: сей пріемлетъ оную лѣ-
„вою рукою. Два старика поведутъ воловъ за пово-
„ды; два первостепенные земледѣльца поддерживаютъ
„плугъ, предъ ними идутъ Предсѣдатель Ли-Пуа, а
„за тѣмъ первый членъ Таи-Тшанг-Тсея. Какъ
„лишь двигнется Императоръ съ мѣста, всѣ знамено-
„носцы размахиваютъ знаменами; пѣвчіе и музыкан-
„ты

„ты будутъ слышны. Первый членъ Шун Тіен-Фуа „понесетъ кузовъ съ сѣмянами, Предсѣдатель Гу-Пуа „станетъ изъ него кидать зерны. Императоръ вспа-„шетъ три бразды, членъ Гу-Лу-Сеэа возопитъ: . . . Берите плугъ! . . . Предсѣдатель Гу-Пуа упа-„детъ на колѣни и приметъ плугъ отъ Императора. „Членъ Гу-Лу-Сеэа скажетъ громко: . . Возьмите „плеть! . . . Старшій членъ Шун-Тіенъ-Фуа при-„метъ оную на колѣняхъ же. . . Плугъ, плеть, кузовъ „съ зернами покроютъ шелковыми запонами. Умол-„кнутъ пѣвчіе и музыка. Предсѣдатель Ли-Пуа „проситъ Императора, дабы шелъ на Кунг-Кен-„Таи. Тотъ же Предсѣдатель и старшій членъ Таи-„Тсеэя ведутъ туда Его Величество по среднему кры-„льцу: сядетъ на своемъ мѣстѣ лицемъ къ Полудню. „Князи, Вельможи и всѣ Мандарины бездолжностные „на сей разъ станутъ около Императора.

„Три Князя начинаютъ пахать, и проведутъ „по пяти браздъ; при каждомъ одинъ старикъ ведетъ „воловъ за поводы, по два земледѣльца поддерживаютъ „плугъ, по два же младшіе члены Шун-Тіен-Фуа „идучи за ними сѣютъ. Князи окончавъ дѣло, воз-„вращаются на свои мѣста. Тогда начинаютъ орать „же девять Вельможей, и проведутъ по десяти браздъ, „при всякомъ по одному старику вожатому воловъ, „по два земледѣльца для поддерживанія плуговъ и по „стольку же Мандариновъ изъ Та-Гіен-Гима и Уачг-„Тин-Гіена (два нижнія судебныя мѣста, зависящія „отъ Пе-Кингскаго Правителя) сѣютъ за ними. „Вельможи совершивъ дѣло, идутъ на мѣста свои и „остаются на ногахъ. Младшіе Мандарины Шун-„Тіенг-Фуа, закрывъ шелковыми запонами всѣ земле-„дѣльческія снасти и кузовы съ зернами, уносятъ.

„Членъ

„Членъ Лу-Гу Сеэя ведетъ къ Западной стѣнѣ Куанг-„Кен-Таія, всѣхъ членовъ Шун Тіен Фуа, стариковъ и „земледѣльцевъ въ одеждахъ пристойныхъ ихъ званію; „каждый несетъ въ рукахъ какую либо земледѣльче-„скую збрую. Вѣ обратяся къ Сѣверу, падаютъ „троекратно на колѣни, троекратно же бьютъ че-„ломъ, благодаря Его Величество.

„Послѣ, члены Шун-Тіен-Фуа, Та-Гіен-Гима „и Нан-Пинг-Гіена, старики и земледѣльцы, довер-„шаютъ вспахиванія поля, избраннаго для обряда „сего.

„Далѣе, Предсѣдатель Ли-Пуа доноситъ Его „Величеству, что обрядъ окончался. Сей выходитъ „изъ Куанг Кен-Таія восточнымъ крыльцемъ, са-„дится на колесницу и отправляется во Дворецъ „вратами Сіен Нанскими.„

Многое бы сказать было можно, относительно къ переводу нашему челобитныя таковой, но остановимся на четырехъ токмо статьяхъ.

1. Императоръ и всѣ участники совершенія обряда сего готовятся къ оному трехдневнымъ постомъ.

2. Предварительно приносятся жертвы.

3. Жатву, сбираемую на Кен-Со, хранятъ съ почтеніемъ; употребляютъ же плоды ея только при великихъ жертвоприношеніяхъ Шанг-Тію, сирѣчь Всевышнему Владыкѣ.

4.

4. Когда позволяетъ теченіе Государственныхъ Дѣлъ, по концѣ обряда угощаетъ Императоръ Князей, Вельможей, Мандариновъ и прочихъ великолѣпнымъ пиршествомъ. Но всякой разъ возвращается во Дворецъ на торжественной колесницѣ, предшествуемый пѣвчими и музыкою.

Европа еще весьма издалека смотритъ на Китай; слѣдовательно недовольно понимаетъ величіе, знаменитость, великолѣпіе, властительство и пристойность общенародныхъ тамошнихъ торжествъ. Станемъ надѣяться, что откроетъ напослѣдокъ глаза; познаетъ, что обширная Имперія сія есть Америка для людей ученыхъ, Философовъ и Государственныхъ Дѣловцевъ.

Въ Пе-Кингѣ.
3 Ноября
1767 года.

Конецъ VI Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ VI ТОМА.

Впзо-

